

АЛЕИ ОТРЯД МЕРТВЕЦОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ганс Белович

Алый отряд мертвецов

«Автор»

2026

Белович Г.

Алый отряд мертвецов / Г. Белович — «Автор», 2026

Сигил, командир Алого отряда, привык выводить людей из самых безнадёжных сражений. Но когда его сын Эдвард оказывается на краю гибели, отчаявшийся отец готов заплатить любую цену — и принимает предложение таинственного незнакомца. Наутро весь отряд просыпается в телах мертвецов. Они сохранили разум, память и главное — верность друг другу. Но для остального мира стали чудовищами. У них больше нет дома, прежней жизни и права надеяться на спасение. Они не чувствуют вкуса, не спят и не дышат, однако всё ещё способны любить, ненавидеть и сражаться. Чтобы вернуть себе человеческий облик, Алому отряду предстоит пройти через разорённые земли и древние руины, столкнуться с теми, кто охотится на нежить, и раскрыть истинную цену сделки, заключённой ради спасения Эдварда. Но проклятие началось задолго до той ночи. И где-то рядом уже готовится новая сделка — та, что может оказаться страшнее смерти.

© Белович Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Первое Дело	5
Глава 2 Мятежный форт	16
Глава 3 Убийца Драконов	23
Глава 4 Пепел	30
Глава 5 Новая Жизнь	35
Глава 6 След Моего Огня	46
Глава 7 Передышка в Орлано	57
Глава 8 Высокие Холмы Роз	70
Глава 9 Нежить	90
Глава 10 После Смерти	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ганс Белович

Алый отряд мертвецов

Глава 1 Первое Дело

Первое дело

Меня разбудил Фрин. Чёрный кот сидел у меня на груди и настойчиво бил лапой по щеке. За полотном шатра серело утро. Над головой висела вчерашняя рубаха; отсыревший за ночь рукав касался виска. Я отодвинул его и попытался спихнуть кота.

— Отстань... Я уже жалею, что подобрал тебя.

Стоило мне натянуть одеяло до носа, как лапа снова нашла щёку. На этот раз с когтями.

— Да чтоб тебя...

Я открыл глаза. Кот смотрел на выход. Шерсть вдоль хребта поднялась острым гребнем, уши прижались к голове. Он зашипел, и я наконец убрал руку с одеяла. Обычно по утрам Фрина интересовало только одно: кто первым даст ему поесть.

— Ну что там?

Снаружи закричали:

— Да чтоб вас! Помогите мне!

Хлоя.

Я скинул кота с груди, сунул ноги в сапоги и схватил меч. Полог зацепился за плечо; я рванул ткань и выскочил наружу.

Возле коновязи билась лошадь. Колышек ходил ходуном в сырой земле, из-под копыт летели комья. Между шатрами мелькали низкие зелёные спины. У костра валялся перевёрнутый котёл, чёрный от многолетней копоти. Под сапогом хрустнули рассыпанные хлопья мир-разёрна.

Гоблины.

Хлою тащили к деревьям. Один держал её за волосы, намотав прядь на кулак; она вцепилась ему в запястье и била ногой по голени. Второй занёс тесак. Я добрался до него сбоку, прежде чем он успел опустить руку, и рубанул по короткой зелёной шее. Клинок встретил сопротивление. Гоблин хрипнул, повернулся ко мне с открытым ртом, и по подбородку у него потекла кровь. Я выдернул меч. Тело свалилось рядом с Хлоей; пальцы ещё скребли траву.

Тот, что держал Хлою за волосы, отпустил её и прыгнул на меня. Я вскинул левую ладонь. Мана отозвалась знакомым теплом в груди, потянулась через плечо к пальцам. С ладони сорвалось пламя. Гоблин завизжал, закрывая лицо. Я шагнул к нему и всадил клинок в живот. Он ухватился за мою штанину. Пришлось ударить ещё раз, и только тогда пальцы разжались.

Я отступил, но продолжал держать меч перед собой. Всё произошло слишком близко. На поле после боя мёртвые уже лежали неподвижно, кровь успевала потемнеть и впитаться в землю. Можно было подумать, кому принадлежала отрубленная голова, и заранее присмотреть сапоги, которые ещё годились в дело.

Сейчас кровь была тёплой. Я поднял остриё, и она потекла по желобку к гарде, добралась до пальцев. Гоблин лежал у моих ног с перекошенным ртом. Я зачем-то ждал, когда он его закроет.

— Эд!

Я обернулся. Хлоя сидела на земле, опираясь на ладонь. Волосы прилипли к лицу, от виска тянулась тонкая красная дорожка. Рассечённый рукав разошёлся почти до локтя; в прорехе белела кожа.

— Ты цел? — спросила она.

— Я?

— Ты.

— Да.

Она выдохнула, будто только этого и ждала, и посмотрела на собственную руку. Между пальцами разлился мягкий зеленоватый свет. Края пореза дрогнули и медленно сошлись. Хлоя держала ладонь ровно, хотя плечи у неё ещё ходили от дыхания.

Я присел рядом.

— Покажи голову.

— Со мной всё нормально.

— У тебя кровь.

— Я целительница, Эдвард.

— Целительнице долго придётся распутывать волосы.

Она посмотрела на меня. Уголок рта дрогнул.

— Не умничай мне тут. Лучше по сторонам смотри.

Хлоя коснулась виска. Между пальцами снова появился свет.

Позади хрустнуло. Даргин держал гоблина за загривок; ноги твари болтались над землёй. Он размахнулся и впечатал его головой в ствол. Сверху посыпались листья.

— Ещё один! — крикнули у коновязи.

— Уже нет! — отозвался Виктор.

Через несколько минут всё закончилось. Гоблинов насчитали восемь. До середины лагеря добрались трое, остальных перехватили возле привязи. У одного коня был порезан бок, в двух шатрах зияли прорехи. Половина завтрака лежала в траве, и по ней уже успели потоптаться.

Отец подошёл к Даргину. Тот вытирал руки пучком мокрой травы, стараясь вычистить кровь из-под ногтей.

— Как они прошли?

— Заснул. Мой проёб. Виноват, Сиг.

Сигил посмотрел на Хлоин рукав.

— Три дополнительных караула. Френсис, проверь подступы. Пока стоим здесь, по одному больше не дежурим.

— Понял, — ответил Даргин.

Даргин пошёл к раненой лошади. Она дёрнулась, едва он приблизился к порезанному боку, вывернула шею и чуть не сбила его плечом. Даргин обошёл её спереди, взял за недоуздок. Прижался лбом к её лбу и стоял так, пока дрожь не утихла. Хлоя подошла сбоку и осторожно положила ладонь возле раны. Лошадь вздрогнула; Даргин придержал недоуздок и что-то тихо пробормотал ей. Между пальцами Хлои разлился зелёный свет. Она медленно повела рукой вдоль пореза, и края раны начали сходиться. На слипшейся шерсти осталась кровь, но свежая больше не выступала. Я ждал привычной ругани. Даргин молчал, пока она работала.

— Повесить бы тебя на дереве, — сказал Френсис, проходя мимо.

— За ноги, — добавил Виктор. — Чтобы кровь к голове прилиwała.

Даргин поднял глаза.

— Нарываетесь, бляди? Попиздите мне тут.

Лошадь понемногу успокаивалась; он придержал недоуздок и только проводил обоих тяжёлым взглядом.

Лагерь мы разбили в лесной ложбине, подальше от больших дорог. После нескольких дней пути отец дал нам отдохнуть. Теперь между деревьями снова таскали жерди, растягивали порезанное полотно, собирали из травы всё, что ещё годилось в пищу. Над низкими ветвями

расстился дым. Солнце едва добралось до верхушек, а внизу земля оставалась тёмной и мокрой; стоило задеть куст, как вода забиралась за ворот.

Варик с Вориком снова колотили что-то у походной кузни. Удары молотов отдавались между деревьями; в промежутках братья спорили из-за пропавших клешей. Амер осматривал лошадей, Френсис проверял подступы. Играса вернула котёл на огонь и принялась разделять лютокролика. Серую шкурку она расправила на коленях и велела не выбрасывать: из неё ещё выйдут рукавицы.

От кузни тянуло углём и гарью. У костра пахло сладковатой кашей. Ветер пригибал дым к земле.

Фрин устроился у моей палатки и вылизывал лапу. Хлоя, закончив с лошадью, присела и почесала его за ухом. Кот вытянул шею, зажмурился. Вот же наглая тварь: с гоблинами дрался я, а гладили его. Впрочем, без него я бы так всё и проспал. Я подошёл и тоже провёл ладонью по чёрной голове.

— Спасибо, приятель. Похоже, свою пайку ты всё-таки отработываешь.

— Может, его в караул вместо Даргина ставить? — сказала Хлоя.

Она подняла на меня зеленоватые глаза. Крови на лице уже не было, у виска осталась тонкая розовая полоска. Я задержал на ней взгляд дольше, чем следовало.

— Эдвард, тебе ещё травы перебирать. А ну-ка не филонь.

— Сейчас. Только отблагодарю нашего великого спасителя.

Я бросил Фрину кусочек сушёного мяса. Кот поймал его на лету.

— Заслужил.

Хлоя протянула мне ящик.

— Белые прожилки отдельно. Красные края — в другую связку. Не перепутай.

Я устроился у костра. Листья отсырели и прилипали друг к другу; приходилось расправлять каждый, переворачивать к свету. От надломленных стеблей пахло терпко, пальцы быстро позеленели. Названий половины трав я не помнил, но прожилки различал. Однажды уже смешал эти сборы, и Хлоя полчаса объясняла, почему из-за моей невнимательности кого-нибудь может пронести до смерти. С тех пор смотрел внимательнее.

Её поручения я вообще выполнял охотнее остальных. Иногда после них можно было услышать: «Молодец, Эд». Этого хватало, чтобы полдня ходить довольным. У костра Хлоя всё время оказывалась поблизости — то брала готовую связку, то возвращалась за мешочком. Всякий раз можно было что-нибудь сказать. Обычно я успевал только подать то, за чем она пришла.

Потом нужно было отнести уголь к кузне и проверить лошадей. Работы мне всегда хватало. На настоящий бой отец брал остальных, а меня отправлял следом: собирать оружие, снимать с мёртвых всё, что ещё можно продать. Иногда среди них попадались те, кто дышал. Я уже знал, что делать с такими.

Сегодня я спас Хлою. Через полчаса снова сидел над ящиком с травой.

Над деревьями крикнул ястреб. Птица мелькнула между ветвями, прошла низко над шатрами и села отцу на перчатку. Сигил снял с её лапы металлическую трубку. Пока он читал, я разобрал ещё две связки. Третью бросил обратно: отец вернулся к началу письма, разгладил большим пальцем край и поднял голову.

— Собрать всех.

Молот Варики застыл в воздухе. Френсис, уже вернувшийся с обхода, оборвал разговор с Аланом. Я встал раньше, чем Хлоя успела забрать у меня травы.

Все собирались возле костра. Кто-то доедал на ходу, кто-то вытирал с рук уголь. Отец стоял перед нами с развёрнутым письмом. Алым плащ был переброшен через плечо, нижний край потемнел от росы.

— Для нас есть дело.

Разговоры стихли.

— На востоке подняли мятеж. Один из местных лордов отказался признать власть короны, выгнал людей герцога и заперся со своими сторонниками в форте у побережья. Герцог участвует в подавлении мятежа и попросил нас присоединиться.

Френсис скрестил руки на груди.

— Пойдём как мясо?

— Нет. В авангард нас не поставят, это в письме сказано прямо. Нужна небольшая группа и как минимум двое, способных работать с огнём.

Я перестал тереть испачканные травами пальцы. Лучше всех огнём управлялся Дуглас, но отец несколько дней назад отправил его с поручением. Сигил и сам мог поджечь дерево, масло или смолу; для чего-нибудь сложнее обычно требовался Дуглас.

Отец свернул письмо.

— Эдвард.

Я невольно выпрямился.

— Дуглас нас не догонит. Поедешь вместо него.

— Я?

— Ты. Хотя мне это и не нравится.

Сигил повернулся к Виктору:

— Присмотри за ним. Нужен огонь — работает. Без команды ничего не устраивает.

— Сам объясню.

Я кивнул, едва удержав улыбку. На этот раз меня брали не для того, чтобы собирать оружие после боя.

— Со мной идут Эдвард, Даргин, Алан, Виктор и Хлоя, — продолжил отец. — Остальные остаются здесь.

По кругу прокатилось недовольное ворчание. Френсис закатил глаза.

— Особенно ты, Френсис.

— Я же тут от скуки умру, Сигил.

— Зато будет весело, когда мы вернёмся, а лагерь сожрут мраколисы.

Френсис перестал улыбаться.

— Осенью твари начинают мигрировать, — сказал Сигил. — А вокруг война. Зверье уходит от шума артиллерии, крови и скопления маны. Где армия — там мана. Где её слишком много, всегда появляется беда. Обоз и лошадей оставлять без охраны не станем. Вернёмся через два дня. Максимум через три.

Хлоя уже собиралась отойти, когда отец остановил её:

— Возьми камень переноса. Сними отпечаток маны с каждого, кто едет.

— Сделаю.

— Если всё понятно...

Сигил положил письмо на ящик и вынул из ножен меч.

Я сначала решил, что он собирается что-то показать. Но клинок был новый: прямой, без зазубрин, с добротной гардой и туго обтянутой тёмной кожей рукоятью. Единственным украшением был маленький стальной череп на навершии. Работу нашего ювелира Стелфи я узнал сразу.

Отец протянул меч рукоятью вперёд.

— С днём рождения, Эд.

Вот так просто. Шестнадцать.

Я взял оружие. Холодная гарда коснулась большого пальца; клинок чуть потянул руку вниз, и я поправил хват. Хотелось сразу попробовать замах, но вокруг стояли люди, поэтому я только повернул сталь к свету. В ней дрогнуло пламя костра.

— Ты думал, мы забыли? — усмехнулся Виктор.

Он достал кожаную перчатку. На тыльной стороне была вырезана руна бога огня Нифера, в её бороздах темнел красноватый порошок.

— От меня.

Я убрал меч в ножны, взял перчатку и провёл пальцем по знаку. Кожа пахла свежей выделкой; нитки вдоль шва были ещё светлыми.

— Она поможет быстрее преобразовывать ману и собирать её в ладони, — объяснил Виктор. — Чуда не жди. Если сам ничего не умеешь, перчатка за тебя огонь не создаст.

Стелфи тут же взял меня за запястье. Его подарок оказался узким браслетом. Ювелир застегнул его на левой руке, велел надеть перчатку и дважды согнуть кисть. Я дёрнулся поблагодарить всех сразу; он удержал руку, пока не убедился, что замок не мешает.

— Спасибо, — сказал я, когда он наконец отпустил.

— По возвращении устроим пир, — пообещала Играса. — Небольшой. Если Даргин снова не сожрёт половину запасов по дороге.

— А ну-ка не пизди.

— Пока спать будешь, задушу тебя хвостом.

— А ведь реально задушит, — сказал я.

— У, бля... — Даргин покосился на хвост и на всякий случай отодвинулся.

Хлоя подошла последней. В маленькой поясной сумке, которую она мне протянула, звякнуло стекло. Под клапаном лежали три флакона с голубоватой жидкостью, аккуратно разделённые складками ткани. Я поднял один к свету; жидкость медленно качнулась у горлышка.

— Зелья маны, — сказала Хлоя. — Только не пей все сразу.

— Я не идиот.

Она посмотрела на меня.

— Поэтому и предупреждаю.

Я бережно уложил флакон обратно и застегнул сумку. Всё хотелось делать поскорее: пристегнуть ножны, седлать коня, уехать, пока отец не передумал. Сегодня мне было куда ехать.

— Праздник придётся немного отложить, — сказал Сигил.

— Ничего.

Я попытался ответить спокойно. Кажется, получилось плохо.

Камень переноса Хлоя положила на деревянный ящик возле повозки. С виду — обычный тёмный булыжник, слегка приплюснутый с одной стороны. По поверхности ветвились тонкие голубые линии, словно замёрзшие молнии.

— По очереди, — сказала она.

Я подошёл одним из первых, придерживая новые ножны. На старом ремне они сидели непривычно, всё норовили уйти за бедро.

— Клади руку. Стой...

— Что?

Хлоя шагнула ближе.

— Эдвард, ты как маленький. Ремень набекрень.

Прежде чем я успел возразить, она взялась за мой пояс. Рядом с её виском выбились из причёски короткие волоски; от волос пахло сушёными травами и дымом. Я не шевелился. Хлоя подтянула ремень, сдвинула ножны, на мгновение коснулась пальцами моего бока — и отступила.

— Вот. Теперь хотя бы оружие не потеряешь.

Лицо горело сильнее, чем ладонь после тренировки с огнём. Я приложил руку к камню. Он охлаждал кожу даже через перчатку. Голубые прожилки вспыхнули, собрались под ладонью мелкой сеткой, затем свет ушёл внутрь.

— Всё, — сказала Хлоя.

— Хорошо.

Я отошёл, надеясь, что никто ничего не заметил. Френсис заметил. Судя по ухмылке — абсолютно всё.

— Отставить бабские чулки. Меч лучше баб.

— Напомню тебе возле следующего борделя с дешевыми шлюхами. Я как-то слышал в трактире, что у одного в таком хуй отвалился.

— Готов поспорить, ты даже не знаешь, куда там и что вставлять, малой.

— Бросить разговоры о хуях! — рявкнул отец от коновязи.

Френсис вздохнул, будто ему поручили разгрузить обоз в одиночку.

Мы вышли на свободное место между палатками. Земля здесь была утоптана десятками сапог, трава почти исчезла. Френсис протянул мне тренировочный меч. Обмотка потемнела от ладоней, на гарде цеплялась за палец старая заусеница.

— Давай, именинник.

Первые выпады прошли нормально. Френсис двигался почти лениво. Казалось, он всё время опаздывает на полшага — пока я не ошибался. Тогда его клинок мгновенно оказывался там, где мне меньше всего хотелось его видеть.

— Ноги, Эд. Снова только руками работаешь.

Я перестроился, отвёл его меч и попробовал зайти сбоку. Краем глаза заметил Хлою: она стояла возле повозки с Играсой и Элизой. Смотрела, конечно, на нас. Френсис, поддайся. Один раз. Хотя бы один красивый выпад.

Я резко шагнул вперёд. Френсис ушёл в сторону, подставил ногу и толкнул меня в плечо. Я рухнул в грязь, выбив из груди воздух. Холодная вода сразу пропитала штаны.

— За противником следи. Не за зрителями.

Сзади засмеялись. Я уставился на протянутую руку. Хотел впечатлить. Впечатлил.

— Поднимайся.

Отец окликнул нас от лошадей. Я отдал меч и принялся счищать грязь со спины.

Из лагеря выехали шестеро. Сигил впереди, Даргин с Аланом и Хлоей за ним; мы с Виктором замыкали колонну. Голоса быстро затихли за деревьями. Некоторое время ещё доносился звон молотов, потом и его заглушил мерный стук копыт.

Дорога шла по низине. В колеях лежали бурые листья, под ними блестела вода; лошади ступали осторожно, выбирая сухие полосы. Между стволами тянулся редкий туман. Выше, куда добиралось солнце, он уже расходился, и на мокрых ветвях вспыхивали капли. От седла поднималось лошадиное тепло. Я расправил плечи, устроил ножны так, чтобы не били по сапогу, и впервые за утро позволил себе просто смотреть по сторонам.

На развилке пришлось пропустить повозку с углём. Возница привстал на козлах и прикрикнул на лошадь. Пока колесо с чавканьем выбиралось из колеи, Виктор поравнялся со мной и посмотрел на перчатку.

— Ну что, именинник, опробовал подарок?

— Ещё нет.

— Тогда самое время.

Я кивнул на лошадь.

— А она?

— Если подожжёшь собственную лошадь, вернёшься в лагерь таскать припасы. Давай. Только маленькое пламя.

Я перехватил поводья правой рукой и поднял левую. Ладонь ещё немного саднила после утренней вспышки. Я собрал ману, дал ей пройти к ладони. Над пальцами дрогнул огонёк, а в прорезях руны проступил красноватый свет.

Лошадь дёрнула ухом и повела головой. Я напрягся.

— Спокойно, — сказал Виктор. — И ты, и она.

Я расслабил плечо и поднял ладонь повыше. Ветер пригнул пламя к запястью, вытянул его тонким языком.

— Не расправляй силой. Дай ему наклониться.

Я ослабил поток. Огонь удержался. Его край трепал ветер, зато у самой ладони пламя оставалось ровным, и мне захотелось проехать так до следующего поворота. Виктор всё ещё смотрел. Пусть бы увидел, что меня не зря взяли.

Скоро пальцы закололо. Ощущение было знакомым. Я слегка разжал их, но покалывание осталось; под перчаткой собирался жар. Можно было погасить огонь. Только тогда Виктор наверняка сказал бы, что на сегодня хватит.

Я подождал ещё немного.

— Гаси.

— Я могу...

— Гаси.

Пламя исчезло. Воздух над ладонью ещё дрожал от тепла, и я несколько раз сжал и разжал пальцы.

— Не преобразуй слишком много. Магия — это баланс. Тело уже начало предупреждать тебя.

Я пожал плечами. Тон Виктора раздражал больше, чем боль: словно до этого у меня ничего не получалось, а он только и ждал ошибки.

Наставник указал на ладонь.

— Жжёт — гаси. Не жди моего разрешения.

Я потёр пальцы о край седла. Хотел спросить, правильно ли держал поток, но передумал.

— Несколько минут удерживать пламя, да ещё и в седле, — уже неплохо, Эд, — добавил Виктор. — Некоторые в твоём возрасте и половины этого не могут. Только не старайся держать огонь подольше. Сейчас отрабатывай другое: создал, выплеснул, погасил.

Я осторожно оттянул перчатку от кожи. Жар понемногу отпускал.

— А зелья?

— Зелья притянут поток и ускорят преобразование. Но руку от перегрузки не уберегут. Почувствовал, что жжёт, — останавливайся, что бы ты ни выпил перед этим.

На следующем ровном участке, когда пальцы перестало жечь, я попробовал снова. Создал маленькое пламя и выплеснул его над сырой канавой. Огонь на миг осветил мокрую траву и погас, не коснувшись земли.

Виктор кивнул. На этот раз мне хватило и этого.

— И помни, Эд: пока я рядом, много огня тебе не нужно. Бросишь язык пламени — я подхвачу его воздухом и раздую. Незачем тебе одному надрываться, когда можно сработать вдвоём.

— Понял, Вик.

К вечеру дорогу заняли обозы. Сначала мы обогнали несколько телег с мешками. Потом навстречу потянулась пехота, и пришлось долго стоять у обочины, пропуская ряды копий. У многих солдат к поясам были привязаны котелки; они ударялись о ножны в такт шагам. Люди шли молча, глядя в затылок впереди идущему. Один на ходу жевал хлеб, спрятав его от сырости под полу куртки.

Дальше везли ядра. От тяжести колёса глубоко садились в землю, и возницы уже не выбирали слов, погоняя уставших лошадей. Крестьяне гнали скот в другую сторону. Стадо сбилось у развилки, между телегами застряла корова; мальчишка бил её прутом и сам вздрагивал всякий раз, когда над лесом прокатывался глухой грохот.

— Пушки? — спросил я.

Виктор кивнул.

Лес редел. Между стволами пополз дым, за ним показались первые шатры. Я решил, что мы уже приехали, но дорога всё вела дальше, мимо новых коновязей, костров и нагруженных повозок. Только на вершине невысокого подъёма удалось увидеть лагерь целиком.

Он занимал равнину до дальних склонов. Над полотняными крышами торчали длинные плечи требушетов, похожие на виселицы для великанов. Между палатками ползли телеги, двигались люди с мешками, ведрами, жердями. Ветер прижимал дым к земле, и временами целый ряд шатров исчезал, оставляя над собой только знамёна и наконечники копий.

У пушек маги земли укрепляли позиции. Под их ладонями медленно поднимался грунт; солдаты сразу укладывали на него доски и подавали тяжёлое колесо вперёд. Возле расчётов лежали груды каменных ядер, от походных кузниц непрерывно доносился звон.

Я оглянулся на наших. Ещё утром мне казалось, что у Алого отряда есть всё необходимое для войны. Здесь мимо одного котла проходило больше людей, чем жило в нашем лагере. И никто из них не смотрел, как у меня сидит новый меч.

У въезда нас остановили часовые. Один подошёл ближе, осмотрел оружие, задержался взглядом на алом плаще отца.

— Сигил?

— Он самый.

Солдат отступил и махнул копьём в сторону прохода.

— Проезжайте. Вас ждут.

Мы въехали в шум: скрип осей, лошадиное ржание, удары молотов. Из большого котла возле прохода тянуло варёным мясом; за ним пахло навозом и мокрой соломой.

Лошадей оставили у коновязей. До шатра герцога нужно было пройти через половину лагеря, обходя телеги и людей с ведрами. Алый плащ отца мелькал между чужими плечами; я старался не отставать.

Белые шатры стояли немного в стороне. Почти чистые среди копоти, потемневшего полотна и вытопанной земли. На длинных полотнищах была раскрытая ладонь с кругом в середине, окружённая языками пламени. Проход рядом оставался свободным, хотя на соседней дорожке двое возниц уже ругались из-за того, кто кому должен уступить.

Чистильщики.

Я слышал о них разное: кто-то называл святыми, кто-то — безумцами. Здесь люди отворачивались от белого знака и прибавляли шаг.

Возле одного входа сидел мужчина лет сорока, раздетый до пояса. Нагрудник лежал на земле, рубаха была перекинута через колено. Мужчина сложил ладони перед грудью и тихо молился. Я замедлил шаг.

От ключицы к шее у него тянулись серые полосы. Сначала я принял их за шрамы, но, подойдя ближе, увидел, что кожа там сделалась плотной и бугристой, словно под ней прорастал камень. Корка захватила край подбородка и щёку. При вдохе грудь поднималась, а серые участки почти не двигались, стягивая живую кожу вокруг.

Он закончил молитву, разжал ладони и посмотрел на меня.

— Первый раз видишь?

— Что?

— Чистильщика.

Остальные уже прошли вперёд. Я мог бы догнать их, но всё смотрел на место, где каменная корка доходила до горла.

— Первый.

— Потому и уставился.

Он усмехнулся. Одна сторона рта поднялась чуть выше другой.

— Вам не больно?

— Больно.

Ответ прозвучал спокойно, словно я спросил, холодно ли ему. Я посмотрел на его руки: обломанный ноготь, старая мозоль у большого пальца. Такими же руками я сам держал меч.

— Тогда зачем?

Чистильщик провёл ладонью по лицу и задержал пальцы на каменной щеке.

— Многие считают нас безумными фанатиками. Может, некоторые такие и есть.

Он поднялся. Не сразу: сперва упёрся ладонью в колено, выпрямил спину, переждал короткий вдох. Потом потянулся за рубахой.

— Но я прекрасно понимаю, что делаю.

— Вы можете умереть.

— Скорее всего, скоро.

Я не нашёл, что ответить. Мужчина расправил рубаху, продел руку в рукав и посмотрел на меня поверх ткани.

— У меня трое детей, парень. И двое внуков.

Рубаха легла на грудь неровно. Он потянул ворот, освобождая место возле серых наростов.

— Сейчас они живут на земле моего господина. После моей смерти получают свободу. Старшему дадут участок. Если младший проявит талант к мане — возьмут учиться. Может, станет магом. Может, кого-нибудь из внуков когда-нибудь возьмут оруженосцем.

Он справился с завязкой и опустил руки.

— Так что для меня это хорошая сделка.

Я снова посмотрел на серую кромку под воротом.

— Вы меняете свою жизнь на их будущее?

Чистильщик усмехнулся, теперь совсем слабо.

— А разве отцы не этим занимаются?

Я оглянулся. За людьми с носилками виднелся алый плащ Сигила; отец остановился у следующего ряда шатров и искал меня взглядом. Когда заметил, поднял руку.

— Эдвард!

— Иду!

Я повернулся к Чистильщику.

— Удачи завтра.

— Она мне пригодится.

Он наклонился за нагрудником, а я поспешил догонять остальных. На ходу ослабил ремешок перчатки: кожа тёрла обожжённую ладонь.

Перед герцогским шатром стояли четыре стражника. Маленькие вымпелы на копьях хлопали на ветру, сапоги глубоко увязли в растоптанной земле. Один поднял полог, пропуская нас. Сразу стало теплее. Запах мокрой шерсти смешивался с воском и дымом жаровни; после наружного шума голоса внутри казались непривычно тихими.

Вокруг длинного стола теснились офицеры. Кто-то так и не снял нагрудник. Другой положил перчатки на край карты и растирал побелевшие пальцы. Усталые лица, красные глаза; возле лампы остывала нетронутая кружка.

Карту придавили камешками и деревянными фигурками. Восточный участок стены несколько раз обвели углём, так что берег под ним едва просматривался. Край листа у ближайшего офицера протёрся почти до дыр. На нём снова и снова сходились чужие пальцы.

Герцог поднял голову. Выглядел он не лучше остальных.

— Сигил.

Отец слегка поклонился.

— Ваша светлость.

— Оставим формальности. Хорошо, что успел.

Он подозвал нас к столу. Я встал за отцовским плечом, откуда можно было разглядеть гавань. Возле нарисованного пирса теснились маленькие деревянные корабли; у одного была отломана мачта.

— Наш общий друг Прифий поручился за тебя, поэтому говорить буду прямо. В письме я не стал описывать задачу. Слишком много ястребов в последнее время не долетает до адресатов.

— Разумно.

Герцог поставил палец на обведённую стену.

— Утром начнётся основной штурм. Пушки и маги ударят сюда, гарнизон стянут к стенам. Вы пройдёте вдоль берега и сожжёте корабли.

— Сколько их? — спросил Сигил.

— Три боевых, ещё несколько транспортных. На пирсе хранятся бочки со смолой и маслом. Доберётесь до них — дальше огонь сделает всё сам.

Я посмотрел на свою перчатку. Поджечь канат, бочку, сухую парусину — с этим я справлюсь. Создал, выплеснул, погасил. Пока герцог говорил, я уже выбирал на карте, к какому кораблю подойти первым.

— Охрана? — спросил отец.

— Обычно тридцать-сорок человек. Во время штурма останется десяток, может, немного больше.

— А если нет?

Герцог убрал руку с карты и посмотрел на него.

— Тогда у них будет меньше людей на стенах. Мои командиры умеют пользоваться такими ошибками.

Сигил не ответил сразу. Наклонился над картой, проследил вдоль берега и остановил палец у основания стены.

— Как попадём внутрь?

— Здесь вас встретит мой человек. Он покажет проход.

— Работа легче некуда, — сказал Даргин. — Зашли. Подожгли. Вышли.

Отец даже не обернулся.

— Цена?

— Две тысячи. После выполнения.

Герцог устало провёл ладонью по лицу.

— Я сегодня не в настроении торговаться. Поэтому сразу называю нормальную сумму.

— Две тысячи и стоимость камня переноса, если придётся его использовать, — сказал отец.

— Идёт.

Герцог кивнул писарю. Тот подвинул чернильницу, развернул чистый лист. Пока перо царапало бумагу, отец уточнял путь. От лагеря предстояло спуститься к морю и идти вдоль берега до встречи с лазутчиком. Коней оставляли здесь: возле форта ни спрятать их, ни привязать без риска.

Я старался запоминать повороты вместе с отцом, хотя палец герцога то и дело закрывал нужное место. Когда писарь закончил, Сигил прочёл написанное и попросил печать. Лишь после этого сложил договор, убрал за пазуху и протянул руку. Герцог пожал её.

— Просто сжечь? — переспросил Сигил.

— Только после начала штурма. Ни минутой раньше. Пока форт спокоен, первый же пожар поднимет весь гарнизон. Когда заговорят пушки и люди побегут на стены — тогда действуйте.

Отец кивнул.

— Принято.

Герцог передвинул один из корабликов, освобождая узкую полосу берега. Десяток караульных, наш человек внутри, бочки со смолой. Отец уточнял обратный путь. А я смотрел на деревянные корабли и представлял, как буду выполнять контракт за контрактом — наравне с остальными.

Глава 2 Мятежный форт

К морю мы вышли затемно. Лошади остались в королевском лагере; дальше предстояло идти пешком вдоль берега.

Перед уходом я видел, как пушечные расчёты катили к позициям ядра и таскали мешки с порохом. Маги земли укрепляли размокшую почву: под их ладонями грунт твердел, возле колёс поднимались низкие каменные упоры. У орудий ждали огневики. Искры ещё не было ни одной. Теперь от первого залпа зависело, когда мы сможем выйти из укрытия и поджечь корабли.

Море было почти чёрным. Волны накатывали на мокрый песок, разбивались о камни и оставляли в темноте полосы белой пены. Слева над нами поднимался утёс, а на нём чернели стены мятежного форта. В нескольких бойницах горели фонари. Издалека огоньки казались спокойными, почти домашними. Мне от этого стало только неуютнее.

Мы шли у самой воды, держась в тени скалы. Иногда волна добиралась до сапог. Солёные брызги оседали на лице, ветер тянул за плащ. Наверху проходили караульные; их шагов я не слышал, только замечал, как фигура на мгновение закрывала свет фонаря.

Я старался ступать след в след за отцом. Ножны всё равно стукнули о камень. Сигил обернулся, и я прижал их к бедру.

Трое солдат вышли из-за выступа скалы почти прямо на нас. На короткое мгновение мы просто уставились друг на друга. Первый мятежник открыл рот. Даргин оказался возле него раньше, чем тот успел закричать. Ударил плечом, вжал спиной в камень; в другой руке коротко блеснул кинжал. Алан метнулся ко второму. Третий рванулся за мечом, но отец уже был рядом.

Я только вытащил клинок, когда всё закончилось. Море снова стало самым громким звуком вокруг.

Мы оттащили тела в узкую расселину между камнями. Даргин забросал их мокрыми водорослями и обломками плавника. Один сапог всё равно торчал наружу; Алан молча пнул его глубже в щель.

«Им просто не повезло», — подумал я. Вышли из-за скалы на несколько секунд раньше — и умерли.

— Хуёво, — тихо сказал Даргин. — Заметят, что их нет.

— Скажем лазутчику, — ответил отец. — Идём.

Он задержался рядом со мной, когда остальные двинулись дальше.

— Эд. Ты сегодня на подхвате. Если что-то случится — не лезь вперёд.

— Понял. Буду прикрывать спины. Полезу, только если понадобится.

Отец несколько мгновений смотрел на меня. В темноте его лицо почти не читалось, но я и без того знал этот взгляд.

— Именно прикрывать. Не геройствовать.

— Да понял я.

Он пошёл дальше. Я выдохнул через нос и поправил ремень новых ножен. Шестнадцать лет, настоящее дело, новый меч — а отец всё равно разговаривал со мной так, будто я собирался сунуть руку в костёр из любопытства. Хотя после тренировки с Виктором пример был не самый удачный.

Некоторое время слышались только море, шорох сапог по песку и редкий звон металла под плащами.

— Сейчас бы бабу, — пробормотал Даргин. — Какую-нибудь драгонитку...

— Даргин.

— Я понял, Сиг.

Пляж постепенно сужался, пока море почти не прижало нас к отвесной скале. Над головой нависала стена. Отсюда форт казался ещё выше — будто его не построили на утёсе, а вырубili прямо из него. Мы остановились. Я посмотрел на гладкий камень перед собой и решил, что либо мы ошиблись местом, либо герцог очень своеобразно понимал слово «проход».

Потом скала тихо задрожала.

Из неё выступил один каменный уступ. За ним второй, третий. Камень двигался медленно, почти беззвучно, выдавливаясь наружу широкими ступенями. Через несколько мгновений перед нами тянулась кривая лестница к основанию морской башни. Руки сами потянулись к оружию. Сверху показался человек в тёмном плаще.

— Быстрее, — прошептал он, спускаясь навстречу. — На башне часовых больше нет. До смены меньше часа, потом там будут мои люди. Но дальше по стене караул ещё ходит.

Отец кивнул в сторону, откуда мы пришли.

— Есть проблема. На пляже наткнулись на патруль. Трое. Тела спрятали в расселине.

Лазутчик нахмурился.

— До рассвета их не хватятся. Сегодня у внешних постов изменён порядок смены. Надеюсь, пушки заговорят раньше.

— Уверен?

— Настолько, насколько здесь вообще можно быть в чём-то уверенным.

Отец посмотрел на тёмную стену над нами. Лазутчик говорил быстро, почти не двигая губами:

— До первого залпа — никакого огня, никаких вспышек и криков. Если тревогу поднимут раньше штурма, к кораблям не идём. Сразу назад.

— Принято. Веди.

Каменные уступы довели нас почти до самой башни, но последние несколько саженей стена снова становилась гладкой. От зубцов свисала верёвочная лестница.

— По одному, — сказал лазутчик и полез наверх.

Даргин посмотрел на лестницу.

— Если эта хуйня порвётся подо мной, я вернусь и убью тебя.

За лазутчиком поднялся отец. Потом Виктор, Хлоя, Алан, Даргин. Я пошёл последним. Перекладины отсырели от морского воздуха и скользили под ладонями. Ветер раскачивал лестницу; ножны я придерживал коленом, чтобы не стукнуть ими о стену. Снизу грохотали волны.

Я старался смотреть только вверх. Почти получилось. Где-то на середине всё-таки глянул вниз и сразу пожалел. До воды было достаточно далеко, чтобы успеть понять, какую глупость совершил, прежде чем разбиться.

Я вцепился в верёвку крепче. Когда перевалился через край башни, ладони саднило, словно я опять передержал огонь.

— Сюда, — шепнул лазутчик.

За зубцами открывался целый маленький город: каменные дома, тесные улицы, казармы, склады, конюшни. Ниже темнела гавань, над ней качались мачты. По стенам двигались огни; с противоположной стороны доносились команды и бряцание оружия. Гарнизон готовился встречать штурм. А мы уже стояли у него за спиной.

Впереди по стене шли двое стражников. Оба без шлемов. Один жевал тёмные сушёные листья и время от времени сплёвывал под ноги. Второй держал копье и что-то доказывал ему вполголоса. Нас они ещё не видели.

Лазутчик поднял два пальца. Даргин скользнул вдоль стены, Алан двинулся за ним. Мы с отцом пошли следом.

Даргин закрыл первому рот ладонью и коротко ударил кинжалом. Мужчина обмяк; Даргин опустил его на камень, не дав кольчуге загреметь. Второй успел развернуться. Алан отвёл наконечник копья в сторону и полоснул когтями по горлу. Стражник разжал пальцы.

Я шагнул вперёд и подхватил падающее древко. Наконечник замер над самым камнем. Даргин подхватил тело, коротко кивнул мне и указал на дверь в стене. Я осторожно прислонил копьё к зубцу.

За дверью оказалась небольшая кладовая. Мы затащили обоих стражников внутрь, уложили за ящиками и прикрыли мешковиной.

— Идём, — тихо сказал отец.

Лазутчик повёл нас вниз по узкой лестнице, затем через двор и под низкой каменной аркой. У поворотов он поднимал руку, и мы замирали. Пару раз пришлось прятаться в дверных нишах, пока мимо проходили солдаты.

Ближе к гавани запах пороха сменился смолой, мокрым деревом и рыбой. У воды гнили водоросли. Под сапогами вместо утоптанной земли всё чаще попадался скользкий камень; за крышами поскрипывали корабельные снасти.

Лазутчик остановился возле длинного склада и отпер неприметную дверь. Внутри было тесно и темно. Вдоль стен лежали бухты канатов, свёрнутые паруса, деревянные блоки и корзины с такелажной мелочью. В дальнем углу стояли бочки со смолой. Между балками висела старая паутина. Воздух так пропитался дёгтем, что через несколько вдохов запершило в горле.

— Ждём здесь. Пока не заговорят пушки.

Даргин кивнул на бочки.

— Только не перди.

— Надеюсь, это ты себе, — отозвался Виктор.

— Я всем.

Отец посмотрел на Даргина. Тот поднял ладонь и больше ничего не добавил.

Мы устроились между бочками и свёрнутой парусиной. Снаружи ругались грузчики. По камню проходили патрули, где-то заржал конь. Потом кто-то протасил по улице тяжёлую тележку; железное колесо долго дребезжало по неровной мостовой. Всякий раз, когда звук приближался, я смотрел на дверь.

Я всё вспоминал сапог в расселине. До рассвета троих не хватятся. А если уже хватились? Может, снаружи потому и не спешат, что собирают людей у выходов.

Дверь приоткрылась.

Все поднялись одновременно. Отец уже держал меч. У Даргина в руке появился кинжал. Я выставил левую ладонь вперёд, вспомнил про бочки и опустил её. В щель проник жёлтый свет фонаря.

— Гораций? Это вы? — раздался мужской голос.

Лазутчик жестом велел нам не двигаться. Гораций. Теперь я хотя бы знал, как его здесь называли. Он вышел к двери и вдруг изменился: плечи опустились, голос стал нервным и чуть дрожащим.

— Я здесь. Решил спрятаться поближе к складам. Боюсь, сегодня всё может пойти не по плану.

Патрульный тихо усмехнулся.

— Не переживайте. Для королевского войска приготовлен сюрприз.

— Какой ещё сюрприз? — спросил Гораций.

— Сами всё увидите.

— Обнадёжили.

Свет фонаря пополз дальше. Шаги растворились за стеной. Гораций закрыл дверь.

— Ты знаешь, о чём он? — спросил отец.

— Нет. На совет к коменданту меня не зовут.

Отец помолчал, глядя на дверь.

— Хлоя, камень держи под рукой. Если скажу уходить — второй раз не повторяю.

Она кивнула и коснулась камня на поясе.

Пушки молчали. Я успел дважды проверить ремень ножен и поправить перчатку. Гораций стоял у щели между досками и смотрел на улицу. Даргин устроился возле двери с кинжалом на коленях. Алан не двигался вообще.

Хлоя села рядом. В полутьме её лицо казалось бледнее обычного.

— Нервничаешь, Эд? — едва слышно спросила она.

— Ни капельки.

Она посмотрела на мою руку. Пальцы сжимали рукоять так сильно, что костяшки побелели.

— Это я просто... проверяю хват.

Хлоя потянулась к моей руке. Я решил, что она проверит перчатку, но она только разжала пальцы, вцепившиеся в рукоять.

— Услышишь приказ, если Сигил скажет тихо?

Я прислушался. До этого сквозь шум в ушах почти не разбирал шагов.

— Теперь услышу.

Она села обратно. Я опустил руку на колено. У щели под дверью посерело, потом свет заслонила чья-то тень.

— Смена, — прошептал Гораций.

Снаружи слышались мерные шаги. Я посмотрел на отца. Он поднял ладонь, удерживая нас на местах.

Где-то за стенами грохнула пушка. Склад вздрогнул, с потолочной балки посыпалась пыль. Шаги снаружи остановились.

Через несколько мгновений ударило второе орудие. Потом третье. А затем заговорила вся королевская батарея. Грохот слился в тяжёлый непрерывный раскат. Казалось, сама земля под фортом начала ворочаться. Вслед за пушками ударили колокола.

По улице побежали люди. Кто-то орал, чтобы резерв гнали на восточную стену. Где-то далеко ответила пушка мятежников, затем ещё одна. Отец поднялся.

— За дело.

Гораций уже стоял у двери.

— За мной.

Мы вышли в портовый квартал. Склады и мастерские теснились друг к другу; под навесами громоздились ящики, у стен висели сети и бухты каната. Между домами бежали солдаты — почти все от гавани, туда, где гремели королевские орудия. Один офицер пытался собрать возле перекрёстка человек пятнадцать, перекрывая голосом колокола. По крыше соседнего склада ударило что-то тяжёлое; посыпалась черепица.

Никто не смотрел на нас достаточно долго. В плащах, среди дыма и бегущих людей, мы на несколько мгновений стали просто ещё одной группой солдат, которой куда-то срочно нужно. Гораций провёл нас через два переулочка и остановился за штабелем пустых ящиков.

— Вон там.

У выхода на главный пирс стояли десять человек. Слева от них темнел проход к караульне. Даже после начала атаки оставшиеся здесь солдаты казались слишком спокойными. Несколько смотрели в сторону стен, но никто не торопился им на помощь. Один опирался на копьё. Другой что-то сказал товарищу и рассмеялся.

Я вспомнил патрульного у склада. Сюрприз.

Гораций отступил от ящиков.

— Дальше сами. Меня с вами видеть нельзя.

Отец кивнул. Лазутчик исчез в переулке, по которому мы пришли. Сигил ещё раз осмотрел пирс.

— Даргин — двое слева. Алан — у бочек. Виктор, центр. Я возьму правых. Эд, держись позади. Смотри, чтобы никто не обошёл. И прикрывай Хлою.

— Я помню.

Он всё равно посмотрел на меня ещё раз.

— Если получится — тихо. Когда загорятся корабли, скрываться уже будет поздно.

Отец поднял руку. Я почувствовал, как сердце бьётся где-то у горла.

— Вперёд.

Мы выскочили из-за ящиков почти одновременно. Первый стражник успел только распахнуть глаза. Даргин врезался в него плечом и швырнул на второго. Оба рухнули, запутавшись друг в друге. Алан проскользнул сбоку, низко пригнувшись, отвёл наконечник копья когтями и оказался рядом с его хозяином. Отец встретил меч одного из солдат своим клинком. Звон металла утонул в очередном артиллерийском залпе.

Виктор выбросил руку. Воздух перед ним сжался, а затем ударил в ноги сразу двум противникам. Один рухнул на колени, второй врезался плечом в товарища. Алан уже был возле них.

Я держался рядом с Хлоей. Даргин прижал двоих к бочкам, отец не давал правым отойти к караульне. Мне казалось, что делать здесь больше нечего.

Потом один из мятежников выскочил из-за спины товарища и рванул в проход к караульне. Ещё несколько шагов — и успеет позвать остальных.

Я оказался ближе всех. Оглянулся: Хлоя стояла за ящиками. Мне казалось, я успею вернуться прежде, чем она заметит.

— Эд! — крикнула она.

Я уже двигался. Мятежник услышал шаги и резко развернулся. На нём были нагрудник и наплечники, на голове — открытый шлем. Он поднял меч раньше меня. Я успел вспомнить слова отца: не геройствовать.

Поздновато.

Мужчина замахнулся сверху. Я шагнул ему навстречу. Левая ладонь вылетела вперёд, мана отозвалась теплом. Я не пытался собрать большое пламя: короткая вспышка ударила прямо в лицо. Противник дёрнулся, зажмурился и отвернулся, вскинув руку с мечом ещё выше.

Между нагрудником и наплечником открылось тёмное место. Я увидел его так ясно, будто Френсис весь день только и делал, что показывал мне эту щель. Клинок вошёл под мышку. Сначала тяжело — через ткань и поддоспешник. Потом легче. Я навалился на рукоять всем весом. Мужчина захрипел. Его меч звякнул о камень.

На секунду мы оказались почти вплотную. Я чувствовал запах пота, кожи и подпалённых волос. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами и пытался вдохнуть. Я выдернул клинок. Мятежник осел на колени, потом завалился набок.

Я стоял над ним, всё ещё прижимая большим пальцем гарду. Он только что замахивался на меня, а теперь скрёб подошвой по камню, не в силах повернуться. Я отступил. Рука не сразу послушалась, когда я попытался опустить меч.

— Эд!

Хлоя стояла у края ящиков. За ней темнел второй проход, которого я до сих пор не заметил. Оттуда никто не вышел. Мне просто повезло.

— Я здесь, — сказал я, возвращаясь.

— Вижу. Встань слева.

Схватка уже заканчивалась. Последний из стражи сделал несколько шатких шагов, прислонился спиной к каменной тумбе и медленно сполз вниз. Возле Даргина лежали двое. Алан вытирал когти о плащ мертвеца. Виктор тяжело дышал, но улыбался Даргину. Тот ухмылялся в ответ.

Отец быстро оглядел пирс. Задержал взгляд на человеке у входа в переулок, потом посмотрел на меня. Я ждал окрика.

— Цел?

Я кивнул.

— Тогда вон тот корабль — твой. Начиная с него.

Он указал мечом на ближайшие сходни и пошёл дальше по причалу.

Корабль покачивался у свай. За ним стояли ещё несколько; мачты теснились над гаванью, снасти дрожали на ветру. На палубах лежали свёрнутые паруса, возле сходней — бочки и мотки просмоленного каната. Я выбрал моток, лежавший ближе к доскам, и поднял левую ладонь.

Кожу под перчаткой ещё пощипывало, но пальцы слушались. Руна едва заметно засветилась. Я шагнул к сходням, уже представляя, как огонь побежит по канату.

И почувствовал сильный порыв воздуха.

Над крышами раздался тяжёлый хлопок. Потом ещё один. Я замер. На пушечный выстрел это не походило.

Удар крыльев.

На камни легла огромная тень. Все подняли головы.

Над фортом летел дракон.

Он шёл так низко, что брюхо почти задевало верхушки мачт. В тусклом утреннем свете чешуя казалась чёрной; только на изгибах шеи и крыльев вспыхивал металлический блеск. Каждое движение крыльев прокатывало по гавани волну воздуха. Хлопала парусина, скрипели снасти. С крыш летела пыль. Пустой ящик перевернуло и протащило по камню.

Я невольно пригнулся. Дракон сделал широкий круг над гаванью; на мгновение под ним оказался корабль, который я собирался поджечь. До этого я смотрел на корабельные мачты снизу вверх. Теперь они терялись под размахом крыльев.

Чудовище опустилось на противоположной стороне пирса. Лапы тяжело ударили по камню, крылья начали складываться. По причалу прошла дрожь; вода у свай покрылась мелкой рябью. Я разглядел роговые пластины на голове, кончики зубов между закрытыми челюстями. Глаза были почти чёрными. С такого расстояния я не различал зрачков.

Но сильнее меня испугало другое.

Никто из мятежников не стрелял.

На стене солдаты пригибались от ветра. Кто-то освобождал место у края гавани. Несколько человек смотрели вниз с таким спокойствием, словно видели дракона уже не впервые. Ни один арбалет не поднялся.

— Они его ждали, — сказал Виктор.

Вот о каком сюрпризе говорил патрульный.

Даргин перестал улыбаться. Он долго смотрел на дракона, будто пытался вспомнить что-то, чего вспоминать совсем не хотелось.

— Если это тот, о ком я думаю... — произнёс он наконец. — Нам пиздец.

На спине дракона выпрямился человек. До этого я принимал его за часть седла или тёмный выступ между пластинами чешуи. Высокий, широкоплечий; ветер рвал в сторону его накидку. В одной руке всадник держал полёкс.

Несколько мгновений он смотрел в нашу сторону. Затем шагнул вниз — так буднично, словно спускался с телеги. Он падал с высоты, с которой обычный человек переломал бы себе обе ноги. Я успел подумать, что он сумасшедший.

Камень под его сапогами вздрогнул, и по причалу хлынула серая пыль. Она не оседала: текла между бочками и ящиками, цеплялась за сваи, поднималась до колен, потом выше.

Я почувствовал в ней чужую ману. Непохожую на огонь, ветер или землю. От неё неприятно стянуло кожу на руках. Фигура исчезла в серой завесе; длинное древко ещё мгновение торчало над пылью, затем пропало и оно.

Даргин перехватил топор обеими руками.

— Сиг...

Отец уже отступал от сходней к нам. Лицо у него побелело.
Внутри серой завесы проступил силуэт. Пыль расходилась перед ним сама.
— Роберт, — произнёс отец. — Убийца Драконов.
ГЛАВА 3

Глава 3 Убийца Драконов

Дракон улетел, едва всадник спрыгнул на пирс. Силуэт вышел из пыли. На потёртой кирасе темнела гравировка: раскрытая драконья пасть, полэкс, пробивший голову от темени до нижней челюсти. Поперёк рисунка тянулись глубокие царапины. Из-под чёрного капюшона смотрело изрезанное шрамами лицо.

Отец шагнул вперёд, заслоняя меня.

— Хлоя! Камень! Живо! Уходим!

Она сорвала камень переноса с пояса. Голубые прожилки вспыхнули между её пальцами и сразу погасли. Хлоя стиснула его обеими руками.

— Не работает!

Роберт остановился. На стыках его лат чернела кольчуга, из-под наплечника торчал обгоревший край накидки. Я успел заметить несколько тёмных прядей, прилипших ко лбу. Потом он опустил забрало бацинета.

Щёлкнул металл.

— Ещё раз! — приказал Сигил.

Виктор выбросил ладонь. Воздух ударил во все стороны, рванул полы плащей, отогнал серую пелену. Под ногами открылась брусчатка — мокрая, в тёмных потёках. Снова стало видно Хлою целиком. На камне между её пальцами зажглась тонкая голубая сетка; отдельные линии поползли навстречу друг другу.

— Ближе ко мне! Всем в круг!

Я отступил к ней. Алан оказался у моего плеча, прижав уши к голове. Его хвост застыл, едва касаясь камней. Мы смотрели на маленький огонёк в руках Хлои, пока серая струя не протянулась к сапогам арконита.

Виктор сжал пальцы. Пыль закрутилась вдоль края расчищенного круга, но уже просачивалась между нами. Голубые линии оборвались.

— В ней мана, — сказал Виктор. — Я оттесняю её, а она собирается обратно.

— Что нужно делать? — спросил отец.

— Долго удерживать такое заклинание он не сможет, придётся драться.

Виктор поднял вторую руку. По брусчатке прошёл новый порыв, швырнул серую пелену к бочкам. Роберт шёл сквозь неё, не меняя шага. Пыль обтекала его голени и снова тянулась к нам.

Отец выставил меч.

— Значит будем биться.

Даргин шагнул навстречу Роберту, заслонив его от меня широкой спиной; ладони легли на древко топора так крепко, что побелели костяшки.

— Ну давай, пиздюк. Проверим, правду ли о тебе говорят.

Роберт побежал.

Пластины лязгнули, тяжёлые сапоги загрохотали по брусчатке. Я ещё видел над плечом Даргина поднимающийся топор, когда крюк полэкса зацепил древко почти у самой головы. Роберт дёрнул его в сторону и шагнул вплотную. Даргин попытался вернуть оружие, но копейное остриё уже нашло щель между пластинами у бока.

Из груди южанина вырвался короткий выдох. Роберт выдернул полэкс; кровь плеснула на камень. Даргин опустился на колено, опёрся на топор и начал заваливаться вместе с ним.

— Дарг!

Отец бросился вперёд. Виктор развернулся и ударил воздухом в Роберта. Пелена тут же сомкнулась за спиной мага; Хлоины руки снова потемнели.

— Алан, Эд! Вытаскивайте! — крикнул Сигил, принимая полэкс на меч.

Я сунул клинок в ножны и ухватил Даргина под плечо. Алан вцепился в ремень кирасы. Мы дёрнули разом, но едва сдвинули его: железо скребло по брусчатке, тяжёлые сапоги цеплялись за неровные края камней. Даргин пытался втянуть воздух при каждом рывке.

— Пыль не вдыхать! — донёсся голос Виктора. — Хлоя, барьер!

Хлоя подняла свободную руку. По лицу скользнул прохладный зеленоватый свет, тонкой плёнкой лёг на кожу. Я вдохнул. Горло пересохло, но пыль больше не скрипела на зубах. Она всё сильнее затягивала утренний свет, и камень в другой руке Хлои не светился.

— Ко мне. Ещё немного.

Мы протащили Даргина мимо неё и опустили на расстелившийся плащ. Кровь уже пропитала ткань под кирасой; когда я вынул руку из-под плеча, ладонь оказалась мокрой до запястья. Хлоя встала на колени, положила камень на складку плаща и прижала пальцы к ране. Зелёное свечение ушло под искривлённый край брони. Кровь перестала идти толчками.

Даргин потянулся к боку.

— Лежи.

— Я проверить...

— Даргин. Руку убери.

— Да понял я, блядь.

Он послушался сразу. Я ни разу не видел, чтобы это происходило так быстро.

Мы с Аланом встали по обе стороны от неё. Я вытащил меч, потом скользнул свободной ладонью по штанине. Кровь размазалась, оставив пальцы липкими.

За серой пеленой грохотали пушки. Ближайшая мачта исчезла; временами из мглы выступал кусок снасти и снова пропадал. До Хлои было два шага. Чуть дальше стояли отец и Виктор. Всё, что находилось за ними, теперь скрывалось в пыли вместе с Робертом.

Отец отступил к нам, встречая следующий шаг Роберта рубящим ударом. Полэкс поднялся поперёк корпуса. Сталь зазвенела; почти одновременно в бок Убийцы Драконов врезался сгусток воздуха.

Роберта сдвинуло на полшага. Из-под его сапога брызнула вода. Сигил уже атаковал снова.

Я едва успевал следить за ними. Отец заставлял Роберта поднять оружие — и Виктор бил под открытую руку. Сигил смешался ещё до того, как воздух толкал противника, встречал его новым ударом. Я ждал знакомого окрика, предупреждения, хотя бы взгляда, но каждый раз меч и заклинание сходились там, где нужно.

Сталь звякнула. Коротко хлопнул воздух. Роберт отступил ещё раз.

Я знал, что отец и Виктор умеют драться вместе. Только раньше мне доставалось смотреть на это уже после боя: на зарубки, перевязки и тех, кто остался лежать. Сейчас я впервые видел, как Виктор идеальная подхватывает движение отца образуя единый ритм.

Полэкс с визгом скользнул по мечу Сигила. Воздушный удар врезался Роберту в плечо, вдавил пластину; отец тут же вошёл ближе и рубанул с другой стороны. Алан рядом со мной перестал скалить зубы. Я разжал свободную руку и понял, что всё это время вдавливал ногти в ладонь. Роберт снова поднял полэкс под удар, но отвечать не стал. Его шлем повернулся к Виктору. Когда маг выбросил ладонь, Убийца Драконов уже шагнул в сторону. Поток пронёсся мимо, подняв край алого плаща.

Сигил атаковал снова. Виктор поднял руку — Роберт повернул корпус ещё до заклинания.

— Он читает его, — прошептал я.

Отец усилил давление. Звон почти не прерывался; Сигил наступал вплотную, не давая Роберту развернуть длинное древко. Полэкс встал между ними наискось, его крюк проскрёб по отцовскому наплечнику. Роберт отступил ещё на шаг — и сам отбросил оружие.

Древко стукнулось о брусчатку. Пыль поглотила его раньше, чем оно перестало качаться.

Руки Роберта опустились к поясу. Из ножен вышли два меча. Правый был длиннее и шире, с тяжёлым навершием; левый — узкий, заметно короче. Сигил ударил, пока второй клинок ещё выходил из ножен. Длинный меч встретил его оружие. Короткий остался свободным.

Отец едва успел убраться кисть.

Роберт пошёл вперёд. Тяжёлым клинком он принимал удары, сдвигал меч Сигила, заставлял его переставлять ноги. Левый мелькал у самой защиты: к горлу, под наплечник, снова к кисти. Отец держался, но теперь ему приходилось отступать.

Виктор ударил воздухом. Роберт ушёл в сторону так, что за ним оказался Сигил. Маг резко сжал пальцы; поток оборвался, не долетев до отцовской спины. В тот же миг тяжёлый меч обрушился на защиту Сигила.

Виктор попробовал обойти их. Роберт повернулся следом, опять оставляя отца между собой и поднятой ладонью. Я смотрел, как маг ищет место для удара и не может найти. Ещё недавно они с Сигилом теснили противника вместе. Теперь отец закрывал его от заклинаний собственным телом.

Сигил отскочил, вогнал кончик меча в щель между камнями. Ладонь легла на навершие. По стали пробежал красный свет, и за Виктором вспыхнула дуга огня, отрезая путь в обход.

Жар ударил в лицо. Я заслонился ладонью и увидел, как серая пелена осела в пламя, вспыхнула мелкими белыми искрами и исчезла. Ветер гнал её перед собой, а после огня оставался чистый воздух.

Сигил уже выдёргивал меч. Роберт шагнул к нему, и отцу пришлось отбивать новый удар. Дуга ещё горела, но между ней и нами по брусчатке тянулись серые струи. На камне Хлои мелькнула голубая линия и погасла.

Роберт на мгновение повернул шлем к пламени. Потом стал теснить отца вправо, к краю пирса. Виктор двинулся следом, стараясь зайти сбоку. В просвете у его сапог показалось тёмное древко.

Полэкс. Он всё ещё лежал там.

Сигил связал тяжёлый меч Роберта. Короткий скользнул вдоль стали и вынудил отца отвернуть корпус. Виктор поднял ладонь.

Роберт отпустил левый меч. Почти одновременно сапог поддел древко полэкса, и оружие качнулось вверх, в освободившуюся руку. Между ним и Виктором оставалось совсем немного места. Маг попытался отступить, но остриё уже метнулось ему в бок.

— Виктор!

Он рухнул на брусчатку, зажимая рану. Роберт выдернул полэкс и бросил его. Отец ударил так, что звон отдался у меня в зубах; под этим ударом Убийца Драконов отступил к оставленному мечу и подхватил его.

Я уже бежал к Виктору.

— Алан, прикрой! — крикнула Хлоя. — Эд, под плечи!

Я убрал меч, сунул руки под мышки мага и потянул. Его ладонь соскользнула с раны, по моему рукаву потекло тёплое. Я упёрся пятками, дёрнул сильнее. Рядом скрежетнула сталь, и я невольно повернул голову.

Он смотрел прямо мне в лицо. Я заставил себя кивнуть и попятился. Алан двигался рядом, не сводя глаз с Роберта; один раз оттолкнул меня плечом, отводя в сторону от звякнувшего по камню лезвия. Я споткнулся о край Даргинова плаща и чуть не уронил Виктора.

— Здесь, — сказала Хлоя. — На бок. Осторожно.

Её пальцы легли магу на грудь. Зелёный свет на ране Даргина сразу потускнел. Хлоя стиснула зубы, отвела другую руку к южанину; свечение выровнялось. На лбу у неё блестела испарина, к виску прилипла прядь.

Я кивнул и поднялся. Вытирать руки было некогда. Когда я обхватил рукоять, ладонь скользнула по коже.

Отец теснил Роберта. Он больше не оставлял между ударами тех коротких промежутков, в которые успевал Виктор. Теперь Сигил подавался всем телом, рубил снова, прежде чем ноги как следует встанут, и всё дальше уходил от нас.

Один удар задел наплечник Роберта, срезав полосу почерневшей ткани. Следующий оставил светлую борозду на кирасе. Из-под пластины у плеча потянулась кровь. Я впервые услышал дыхание Убийцы Драконов — тяжёлое, с шорохом под забралом. Он тоже уставал. Только мечи продолжали двигаться так же точно.

— Отец, назад!

Сигил, кажется, не услышал. Роберт чуть отвёл локоть, открыл левый бок. Отец увидел брешь и ударил. Тяжёлый меч удержал его клинок, а лёгкий метнулся снизу, в сочленение у бедра.

Сигил дёрнулся. Роберт высвободил тяжёлый меч и ударил наверху в бацинет. Глухо звякнул металл; отец опустился на одно колено.

— Папа!

Алан сорвался с места раньше меня.

— Эд! Хлоя на тебе!

Он пронёсся мимо отца. Роберт не успел полностью уйти: когти прошли по нагруднику, оставив три светлые полосы. Убийца Драконов развернулся к аркониту, а Сигил пополз назад. Поднял забрало, и я увидел кровь на его лице. Раненая нога волочилась по камням. Меч он не выпустил.

Хлоя указала на него. Я ухватил отца за ремень, помог отодвинуться к остальным. Он оказался тяжёлым, цеплялся коленом за собственный плащ. Я никогда не помогал ему ползти. Всё ждал, что сейчас он оттолкнёт мою руку и встанет сам.

Сигил попытался заговорить, но только закашлялся.

Алан прыгнул снова. Тяжёлый меч пошёл ему к шее. Арконит резко дёрнулся в сторону; лезвие задело ухо. По белой шерсти брызнула кровь. Он потерял равновесие, Роберт подсёк его ногой, и короткий клинок вошёл в бок уже падающего Алана.

Я шагнул вперёд с мечом наготове. Роберт выпрямился; его остриё остановилось перед моим лицом. Я увидел тонкую щербину на кромке и застыл.

За спиной Хлоя вытянула руку. Зелёный свет лёг на рану Алана.

— Ко мне. Ползи. Ещё немного.

Арконит вцепился когтями в щель между камнями, подтянулся. Потом ещё раз. Я слышал, как когти скребут по брусчатке, но не смел опустить глаза. Его сапог задел мой, и только тогда я отступил вместе с ним. Даргин ухватил Алана за край плаща, втянул к себе и тут же согнулся, прижав ладонь к боку.

Хлоя оказалась посреди раненых. Камень лежал на её коленях. Свечение переходило с одной раны на другую; на пальцах дрожали зелёные блики. Она ещё не успела затянуть ни одного ранения, а теперь из-под её ладони тянулась кровь отца.

Передо мной остался Роберт.

Я пытался унять дрожь в руках. Ещё недавно можно было стоять за спиной отца и ждать, когда он обернётся, заметит, что я всё сделал правильно. Теперь я слышал его дыхание позади себя и боялся оглянуться.

На броне Роберта темнела кровь. Разорванная накидка сползла с одного плеча, в просвете между пластинами блестели кольца кольчуги. Я смотрел на них, на горло под шлемом, на кисти в латных перчатках — искал хоть что-нибудь, куда успел бы ударить. Роберт держал оба меча спокойно. Казалось, пока я выберу щель, он уже окажется рядом.

Я поднял меч правой рукой, левой вытащил кинжал.

Не победить.

Он сделал шаг. Я вспомнил огненную дугу отца, убрал кинжал в ножны и выбросил левую ладонь. Хотел оттеснить его и выжечь пыль перед Хлоей, но слишком сильно толкнул ману.

После серого полумрака вспышка ударила по глазам. Я зажмурился на долю секунды.

Роберт оказался рядом. Он прошёл вдоль самого края пламени, скрытый его блеском. Тяжёлый меч отвёл мой клинок наружу. Короткий звякнул о брусчатку, и латные пальцы сомкнулись на моём горле.

Ноги оторвались от земли. Левой рукой я вцепился в его запястье. Металл был шершавым от пыли, пальцы скользили по сгибам пластин. Правую руку Роберт продолжал оттеснять своим клинком; я чувствовал, как плечо выворачивается вслед за мечом. Попытался вдохнуть. Из горла вышел только хрип.

Забрало повернулось к зелёному свету за моей спиной.

— Знаешь, какую я допустил ошибку?

Я ударил сапогом по его голени. Удар глухо отдался в подошву; Роберт даже не качнулся.

— Сначала убивают целителя.

Он отшвырнул меня. Я упал рядом с Хлоей, боком ударился о камни. Под поясом хрустнуло стекло; холодная влага растекалась по рубахе. Сумка с её подарком оказалась прижата ко мне. Я знал этот звон, но теперь вместо трёх флаконов под рукой хрустели осколки.

Сквозь слёзы я увидел, как Роберт подбирает короткий меч и идёт к ней.

— Нет!

Я поднялся раньше, чем смог набрать воздуха. Тяжёлый клинок уже шёл к её плечу. Я втиснул между ними свой меч; удар пришёлся почти в гарду. В правой кисти что-то хрустнуло. Боль отдала в локоть, пальцы едва не разжались, но я удержал оружие.

Левой рукой выдернул кинжал и ткнул в щель у шеи Роберта. Он отклонился. Лезвие прошло рядом с кольчугой, его локоть ударил меня в предплечье. Я отшатнулся, кое-как вернул кинжал в ножны и поднял ладонь.

Под копотью проступала руна Виктора. Я видел, как красноватые борозды темнеют, когда поток расплзается к запястью.

Собрать. Не давить.

Я свёл большой и безымянный пальцы, щёлкнул. Огонь пошёл шире и ниже, вдоль камней. Роберт отступил, обходя пламя. В этот раз я следил за пылью: серые струи вспыхивали, и за ними открывалась брусчатка.

Я повёл ладонь в сторону. Пыль исчезла возле сапог мага; голубые линии на камне дрогнули, поползли навстречу друг другу. Хлоя подхватила его с колен.

В левой ладони кольнуло. Я ослабил поток, и серая струя тут же скользнула мимо моего сапога, накрыла камни у Даргина. Прожилки погасли.

Я снова дал огонь. Правая кисть ныла так, что рукоять казалась чужой; приходилось смотреть на пальцы, чтобы убедиться, что они ещё держат меч.

Роберт прикрылся тяжёлым клинком, убрал короткий в ножны. Освободившаяся рука потянулась к небольшой рукояти с синим камнем. Я понял, куда он целится, когда кинжал уже сорвался с пальцев.

— Хлоя!

Я дёрнул поток ему навстречу. Синий камень вспыхнул холодным светом; по лезвию прошла влажная дымка. Пламя зашипело и разошлось вокруг летящего клинка.

Вода.

Кинжал вошёл Хлое в плечо. Она вскрикнула, качнулась, едва не уронив камень, но успела прижать его к груди. Зелёный свет над ранеными дрогнул. Даргин шумно втянул воздух.

— Держись!

Я выбросил ещё один поток, заставляя Роберта сместиться. Короткий меч снова вышел из ножен. В левой руке горячо пульсировало; правой я поднял оружие повыше и заставил пальцы сжаться.

Роберт ударил. Кисть прострелила болью. Пальцы разжались сами, меч упал к ногам Хлои.

Отец приподнялся, пытаясь прикрыть её своим клинком. Раненая нога подломилась; он удержался на локте, но Роберт уже прошёл мимо меня.

Тяжёлый меч вошёл Хлое в бок, ниже рёбер.

Она судорожно вдохнула. Камень стукнулся о брусчатку, её ладонь легла поверх него. Второй клинок Роберта повернулся ко мне. Я смотрел на кровь: она стекала по стали и падала рядом с Хлоиным коленом, в тот же шов между камнями, куда уже натекло от Даргина.

Огонь сорвался с моей левой руки. Роберт заслонился и отступил, выдернув меч. Я повёл пламя дальше, вдоль лежавших, выжигая пыль у их ног. Перед глазами плавали красные пятна; приходилось различать лица между вспышками, чтобы не задеть своих.

Над камнями снова зажёгся зелёный свет. Хлоя сидела согнувшись, со вбитым в плечо кинжалом, и тянула свободную руку к раненым.

Руна на перчатке побелела. Жар прошёл через ладонь, поднялся к запястью; под кожей будто натянули раскалённую проволоку. Я попробовал разогнуть пальцы. Они не слушались. Ослабил поток — и боль чуть отступила, но вместе с ней потускнели голубые прожилки. К локтю Даргина уже тянулась пыль.

«Гаси».

Виктор говорил это на тренировке. Тогда ему пришлось повторить дважды. Я ещё злился: он опять остановил меня раньше, чем я успел показать, сколько могу.

Теперь Виктор лежал у ног Хлои и прижимал ладонь к боку. Он даже не поднимал головы.

Я снова дал больше маны.

Огонь разошёлся широкой дугой. Пыль исчезала целыми пластами, воздух дрожал от жара. Руку пришлось поворачивать всем плечом. Пальцев я уже не чувствовал; выше запястья болело так, что я не мог отделить один вдох от другого. Раскрыл рот и услышал собственный крик только тогда, когда он оборвался.

Запахло палёной кожей.

Я смотрел на камень в руках Хлои. Между концами голубых линий ещё оставались тёмные разрывы. Она всё собирала их вместе, и я старался не дёргать пламя, хотя колени уже не держали.

По ту сторону огня стоял Роберт. Вспышка осветила узкий просвет слева от меня. Он тоже повернул туда шлем. Я попробовал закрыть проход, но рука опустилась, и пришлось поднять её всем корпусом.

Роберт перехватил меч.

Не шагнул.

Я закашлялся. Пламя качнулось к лежавшим; я отвёл его, едва удержав равновесие. По щеке текло что-то мокрое. Жар дошёл до плеча, и рукав прилип к коже.

— Эд...

Линии сомкнулись.

Я опустился рядом с Хлоей, всё ещё держа левую руку перед собой, и накрыл камень правой ладонью. В разбитой кисти вспыхнула боль. Хлоя сжала мои пальцы; я чувствовал её хватку, пока свет не ударил в глаза.

Последнее, что я успел увидеть, — Роберт среди догорающей пыли. На кирасе дрожал отблеск пламени. Он смотрел прямо на меня.

А потом мир исчез. Силы покинули меня раньше, чем я успел понять, удалось ли нам уйти.

ГЛАВА 4

Глава 4 Пепел

Первым я почувствовал тяжесть на груди. Что-то тёплое поднималось и опускалось вместе с моим дыханием. Я приоткрыл глаза и увидел чёрную спину, вытянутые передние лапы, кончик уха.

Фрин.

Кот спал. Его шерсть щекотала подбородок. Я лежал неподвижно, чувствуя, как с каждым вдохом приподнимается тяжёлый тёплый бок. За ним темнела ткань шатра. По складкам проходил тусклый оранжевый свет; стоило ветру шевельнуть полог, как длинная тень стойки качалась над головой.

В нос ударило что-то едкое, лекарственное. Я попытался сглотнуть. Язык прилипал к нёбу, пересохшее горло саднило. В голове стоял тяжёлый гул, сквозь который понемногу проступали другие звуки. Но различить их я не мог: они смешивались и били по голове, словно дворф решил опробовать на мне новый молоток.

Лагерь. Мы выбрались.

Я попробовал сдвинуть Фрина правой рукой. Кисть прострелило, и пальцы разжались прежде, чем я успел добраться до кота. На запястье белели бинты. Фрин открыл зелёные глаза, переступил лапами у меня на груди и потянулся носом к подбородку.

— Ай... сука...

Он коротко мяукнул и принялся меня лизать. Шершавый язык задел треснувшую губу.

— Всё, понял. Я тоже рад.

Снаружи кто-то заговорил. Я закрыл глаза, стараясь разобрать слова.

— Да уж. Пизды мы получили знатно.

Виктор. Я прислушался ещё сильнее. Несколько слов утонули в скрипе телеги, потом ответил отец:

— Если бы я знал, что там будет это чудовище, никогда бы не согласился на контракт.

Они продолжили тише. Я уже не разбирал разговора, только узнавал голоса. Последний раз я слышал их на пирсе: один велел тащить его, другой не мог договорить из-за кашля. Теперь они стояли где-то за полотном, в нескольких шагах от меня.

— Хлоя...

Вышел едва слышный хрип. Я попытался приподнять голову. Гул усилился, и пришлось лечь обратно на свёрнутую под затылком ткань. Фрин упёрся лапой мне в грудь. Я больше не трогал его и смотрел на светлую полоску у входа, пока она не стала шире.

Хлоя вошла с миской воды и свежими бинтами. Волосы были собраны кое-как; выбившаяся прядь лежала вдоль щеки, но она не поправляла её — обе руки держали миску. Под глазами залегли тёмные круги. Увидев, что я смотрю на неё, Хлоя остановилась.

— Эдвард.

Вода качнулась и плеснула через край. Хлоя поставила миску, опустилась рядом со мной и только тогда убрала волосы с лица. Когда она наклонилась, ладонь ненадолго легла на бок, ниже рёбер.

Я вспомнил, как туда вошёл клинок Роберта.

— Ты...

Вместо слов пришлось откашляться. Горло обожгло.

— Не торопись. И не вставай.

Она осторожно сняла с меня Фрина. Кот заворчал, прошёлся по топчану и устроился у моей шеи. Хлоя придержала мне затылок и поднесла миску к губам. Первые глотки дались с

трудом; вода потекла по подбородку, но мне было всё равно. Я хотел пить дальше. Она ненадолго отвела миску, дождалась, пока я отдышусь, и дала ещё.

— Остальные?

— Все живы.

Я выдохнул и лёг обратно. До этих слов всё ещё боялся, что она начнёт перечислять тех, кого не успела забрать.

Хлоя поставила миску и положила ладонь мне на грудь. Зелёное свечение появилось не сразу. Я уже ждал знакомого тепла, а её пальцы оставались холодными. Потом свет просочился между ними. Стало легче дышать.

Хлоя прикрыла глаза. Указательный палец мелко дрожал. Из-под воротника выглядывала повязка на плече — как раз там, куда попал кинжал.

— Хватит. Ты сейчас сама рухнешь.

— Не рухну.

Свет дрогнул.

— Перестань. Я уже не подохну.

Она ещё немного подержала ладонь и убрала. Несколько мгновений сидела, опустив голову. Я смотрел на край её повязки и не знал, как спросить о ранах так, чтобы снова не услышать, что всё в порядке.

— Долго я так?

— Три дня.

Я повернулся к ней.

— Три?

— Трое суток без сознания. Фрин почти не отходил от тебя. Первую ночь даже меня цапнул, когда я к тебе полезла.

Кот упёрся лбом мне в щёку. Под ухом тихо заурчало.

— Спасибо тебе, старина.

Я хотел подтянуть к груди сползшее покрывало и попытался пошевелить левой рукой.

Ничего.

Попробовал ещё раз. Хлоя следила за мной; пальцы, которыми она собирала чистые бинты, остановились.

— Не чувствую левую.

— Эд, послушай...

Правой рукой я потянулся к груди. Под пальцами оказался холодный металл: череп с треснувшей нижней челюстью. Я знал эту застёжку с детства. Отцовский плащ. Даже в полумраке узнавалась вытертая ткань возле черепа — отец часто брался за неё, откидывая полу за плечо.

Я ухватил край и потянул вниз. Боль ударила в запястье. Алая ткань выскользнула, собралась у пояса, и я увидел повязку.

Бинты закрывали левое плечо. Над ними чернела растрескавшаяся кожа, блестевшая от мази. Там, где должен был лежать локоть, виднелась постель.

Левой руки не было.

Я посмотрел на сбившийся плащ, потом опять на бинты. Приподнял голову, стараясь увидеть дальше, хотя дальше ничего не было. Хлоя поддержала меня за спину.

— Осторожно.

Я лёг. Она убрала ладонь. Снаружи всё так же скрипела телега: колесо поворачивалось, замолкало и снова начинало скрипеть. Теперь я не мог перестать его слушать.

— Хлоя... Вернуть её можешь?

Она посмотрела на повязку.

— Я остановила повреждение у плеча.

— Я не об этом.

Хлоя сжала в ладони конец чистого бинта.

— Не умею, Эд.

От повязки тянуло горькой мазью и слабой гарью. Я вспомнил перчатку. Белую руну, огонь над камнями и голубые линии между пальцами Хлои. Стоило ослабить поток, как они гасли. Я помнил и то, как перестали слушаться пальцы: тогда ещё пытался вести пламя всем плечом, лишь бы не пропустить пыль к лежавшим.

Я держал, пока линии не сомкнулись.

Теперь Хлоя сидела передо мной живая. На её ладони осталась вмятина от сжатого бинта. Я смотрел на эту красную полоску и пытался согнуть пальцы, которых больше не было.

— Нет. Должен быть способ.

Она подняла глаза.

— Дворфы делают протезы. Я видел в детстве. У одного наёмника была железная рука. Он ею...

Я замолчал, пытаюсь вспомнить. В памяти оставались только тёмные пальцы и металлическое запястье под рукавом. Чем он занимался, я не помнил.

— Она двигалась, — сказал я. — Сам видел. Мастера Восточной федерации смогут сделать такую же. Крепление или... Нужно только добраться до них.

Хлоя не говорила, что это невозможно. Но и соглашаться не спешила. Я искал ещё что-нибудь, что мог рассказать ей про ту руку.

Ничего не находилось.

Я посмотрел на правую кисть. Меч я, наверное, ещё смогу держать. Когда снимут бинты. Но Френсис учил меня другому: правая ведёт клинок, левая прикрывает, сокращаешь расстояние — работаешь кинжалом. На тренировках он каждый раз находил промежуток между моими руками и бил туда. Я сердился, начинал заново. Хотел когда-нибудь стать лучше него.

Теперь я перебирал знакомые движения Каменного Дракона и на каждом останавливался там, где нужна была левая рука.

Я отвернулся. По щеке скатилась слеза, задержалась возле уха. Вытер её правой, задел лицо жёстким краем повязки. Запястье тут же заныло. Даже этого нельзя было сделать нормально.

— Эдвард, прости...

— Не надо.

Хлоя протянула руку. Я дёрнул плечом раньше, чем она успела прикоснуться.

— Я сказал — не надо.

Ладонь остановилась. Хлоя медленно опустила её на колени, и мне захотелось взять сказанное обратно. Вместо этого я зажмурился. Под бинтами ныло, горло стянуло так, что пришлось несколько раз сглотнуть.

— Прости. Я не на тебя злюсь.

Она смочила чистую ткань и положила возле моей правой руки. Не стала вытирать мне лицо сама. Я смотрел, как мокрый угол темнеет на постели, потом всё-таки взял его. От ткани пахло травами; прохлада помогала, пока я не отнимал её от глаз.

У входа слышались шаги. Один тяжёлый, следующий осторожнее. Голос отца стих совсем близко, полог поднялся, и в шатёр потянуло дымом от костра.

Сигил остановился у топчана. По скуле расплылся синяк, у виска темнела корка засохшей крови. Он берёт раненую ногу; под краем рубахи виднелась повязка на бедре. Обычно отец, входя, успевал оглядеть всё вокруг. Сейчас смотрел только на меня.

— Здравствуй, Эд.

— Привет.

Следом появился Виктор. Он пригнулся под пологом, придерживая бок, и прислонился к стойке. Маленькая потрёпанная книжка всё ещё висела у него на поясе. Виктор поправил её, чтобы не давила на повязку. Столько раз я видел это движение перед занятием, что теперь смотрел на книжку почти с облегчением.

Отец подошёл ближе. Его взгляд задержался на моём левом плече.

— Опасности больше нет? — спросил он у Хлои.

— Нет. Остальные раны затянутся. Теперь нужно только отдыхать и набираться сил.

Она попыталась подняться, но остановилась на полпути и ухватила за стойку. Сигил подвинул ей низкую скамью.

— Сначала сядь. Сама как?

— Нормально.

— Хлоя.

Она медленно села.

— Устала.

Виктор посмотрел на неё.

— Трое суток почти не спит. Только закончит с одним — идёт к другому. С собой занялась, когда нас всех залатала.

— Я спала.

Он ничего не ответил. Хлоя провела пальцами по краю миски и больше не спорила.

У них ещё оставались повязки. Отец хромал, Виктор не мог выпрямиться без боли, Хлое пришлось сесть. Но они уже ходили. Скоро Виктор снова поднимет обе руки, отец возьмётся за меч. Я попробовал разжать правые пальцы и посмотрел на пустое место слева.

— Теперь я бесполезен.

Отец стиснул ремень на поясе; кожа скрипнула под пальцами. Виктор отошёл от стойки и осторожно присел на край топчана. Тот прогнулся, и я придержал больную кисть у груди.

— Ты нас вытащил, — сказал он.

— А дальше?

Я ждал, что он заговорит о правой руке. О том, что я ещё молод, что могло быть хуже. Тогда можно было бы разозлиться на него. Виктор молчал.

— Эд... Я должен был лучше тебя подготовить.

Виктор посмотрел на бинты и опять на меня. Я так и не услышал, что делать теперь.

— Ты не должен был стоять перед ним один, — сказал отец.

— Вы все лежали.

Сигил опустил глаза. Потом потёр ладонью скулу и поморщился, задев синяк.

— Как бы я смотрел ей в глаза?... Не сберёг сына.

Он произнёс это тихо, почти себе под нос. Я понял, о ком он. Стиснул мокрую ткань, которую всё ещё держал в руке.

Отец стоял рядом, и мне хотелось, чтобы он сказал, куда мы поедём. Кого найдём. Что нужно сделать, чтобы вернуть руку. Он всегда знал, кому написать, где раздобыть снаряжение, как выбраться из чужой драки. Я смотрел на него и ждал хотя бы начала такого разговора.

Сигил наклонился поправить складку под моим локтем.

Я устался на плащ у колен. Слезы снова выступили на глазах; при отце я вытер их сразу. Он сделал вид, что занят тканью, хотя расправлять было уже нечего.

Снаружи прошёл кто-то с вёдрами. Звякнула дужка, плеснула вода. Виктор осторожно поднялся, придерживая бок; Хлоя дёрнулась помочь, но он покачал головой.

— Завтра поговорим со всеми, — сказал отец. — Узнаем, что стало с войском герцога. Решим, куда идти дальше. Если мы не хотим зимовать в сугробе, в этом лесу оставаться нельзя.

Он снова говорил привычным голосом командира. Я слышал его совсем недавно у костра, когда отец называл тех, кого берёт на дело. Тогда едва дождался собственного имени. Теперь хотелось, чтобы он просто посидел рядом и ничего от меня не ждал.

Сигил повернулся к Хлое.

— А ты идёшь спать.

— Мне нужно проверить Даргина. И Эдварду сменить...

— До утра повязка подождёт?

Она посмотрела на моё плечо, провела пальцами возле края бинта.

— Подождёт.

— Тогда отдыхай. Если кому-то станет хуже, тебя разбудят.

Хлоя помолчала и кивнула. Чистые бинты лежали у неё на коленях; она начала складывать их обратно.

Я всё ещё смотрел на плащ. Мне было стыдно за то, что сказал Хлое, за слёзы, которые никак не удавалось остановить. И ещё сильнее хотелось, чтобы никто сейчас не смотрел на меня.

— Можно я немного побуду один?

Отец сразу поднял голову.

— Конечно.

Хлоя забрала миску и перед уходом задержалась возле топчана.

— Если станет хуже — зови.

— Позову.

Она вышла. Виктор ненадолго положил ладонь мне на здоровое плечо, потом двинулся за ней, осторожно пригибаясь под пологом.

Отец остался. Подтянул сползший плащ, укрыл мне грудь. От ткани пахло старым дымом и кожей. Сигил чуть отодвинул тяжёлую застёжку, чтобы она не давила, и задержал на ней пальцы.

— Отдыхай, Эд.

— Ты тоже.

Он кивнул и вышел. Полог опустился. Я перестал сдерживать дыхание и долго лежал, глядя на тёмную ткань над собой.

За стенкой шатра Даргин ругался с Френсисом. Я прислушался. Разобрал несколько слов, потом услышал, как Френсис перебил его. Даргин ответил сразу. Я закрыл глаза и слушал, пока голоса не отдалились.

Фрин ткнулся носом мне под ухо.

Я подтянул отцовский плащ повыше. Справа ткань легла на руку. Слева — прямо на топчан.

ГЛАВА 5

Глава 5 Новая Жизнь

Уснуť после разговора я так и не смог. Стоило закрыть глаза, как над головой вместо полотна шатра начинала клубиться серая пыль. Из неё выходил Роберт. На чёрной кирасе засохла кровь, оба меча были опущены. Он смотрел на меня, и я отворачивался от этого взгляда, задевал больное плечо — и снова открывал глаза.

Снаружи сменился караул. Кто-то долго возился у костра: ворошил угли, ломал сухие ветки. По ткани пробегали оранжевые пятна, но до моего топчана тепло не доходило. Я подтянул отцовский плащ к подбородку и замер, дожидаясь, пока перестанет ныть плечо. От свежей повязки тянуло горькой мазью.

У ног зашевелился Фрин. Приподнял голову, посмотрел на меня в темноте и, ничего не дождавшись, положил подбородок мне на голень.

— Спи, — прошептал я. — Один из нас хотя бы должен.

Под утро мне показалось, что левая ладонь затекла. Нужно было сжать пальцы в кулак, потом разжать и встряхнуть кистью. Я попытался, не успев подумать.

Сжимать было нечего.

Я лежал и смотрел туда, где плащ проваливался возле плеча. Через некоторое время опять захотелось пошевелить пальцами.

К рассвету я сдался. Сел, переждал головокружение и потянулся за рубахой. Обычно я одевался, думая о завтраке, занятиях с мечом или магией. Теперь пришлось думать о рубахе. Просунуть правую руку, не согнув запястье. Не задеть бинты слева. Подтянуть ткань, застрявшую за спиной. Ворот перекрутился; пока я расправлял его подбородком, на лбу выступил пот.

С плащом оказалось ещё хуже. Я придержал одну полу коленом, другую прижал подбородком и потянулся к застёжке. Металлический череп выскользнул из пальцев, стукнул по груди. Левая сторона сползла на топчан.

Фрин следил за мной, поджав лапы.

— Только попробуй мяукнуть.

Он зевнул.

Я начал заново. Когда застёжка наконец сошлась, за пологом уже разговаривали в полный голос. Я сидел, прислушиваясь, и никак не мог заставить себя встать. Потом всё-таки отодвинул ткань и вышел.

Холодный воздух сразу забрался под рубаху. Между деревьями лежал сизый дым, низкий и неподвижный; сквозь него были видны лошади у привязи и согнувшийся над котлом человек. От мокрой травы темнели сапоги. Я обошёл растяжку шатра, машинально повернувшись левым боком, и тут же пожалел об этом.

Виктор сидел возле земляного очага, который Лантис поднял ещё до похода. Рубаха была распахнута, бок туго перетянут бинтами. Сквозь белую ткань проступили два тёмных пятна. Френсис подбрасывал в огонь тонкие ветки и слушал, чуть склонив голову.

— ...едва без бока не остался, — закончил Виктор.

— Ты нарочно приукрашиваешь, чтобы я пожалел, что меня там не было?

Френсис заметил меня и перестал вертеть ветку.

— А вот и герой собственной похоронной песни.

— Утро, Эд, — сказал Виктор.

Я кивнул на его повязки.

— Как ты?

— Хуёво.

— Я тоже.

Френсис подвинулся, освобождая место. Я осторожно сел. Земля подо мной успела прогреться от огня; хотелось придвинуться ближе, но Виктор сидел, вытянув ноги, и я побоялся его задеть.

— О Роберте говорили?

— О нём, — ответил Френсис. — Весёлый контракт вы себе нашли.

Виктор поправил рубаху. До моего прихода он рассказывал охотно, а теперь смотрел в огонь. Я ждал продолжения и одновременно боялся услышать, что именно делал на пирсе неправильно.

Взгляд Френсиса задержался на пустом рукаве. Я потянул край плаща, прикрывая его.

— Можешь смотреть. Никуда не денется.

Он поднял глаза.

— Я тобой горжусь, Эд. Дрался против такого чудовища.

Я уставился в угли. Всегда хотел услышать от него что-нибудь такое. Представлял, как отшучусь, пожму плечами: подумаешь, давно пора было заметить. Сейчас даже поднять на него глаза не получалось.

— А дальше что? Половина того, чему ты меня учил, теперь не работает.

— Не носи хуйню. Стойки перестроим.

— Так просто?

— Кто тебе сказал, что просто? Ноги на месте. Голова тоже, хотя с ней и раньше были вопросы. Начнём с них.

— Когда Хлоя разрешит, — вставил Виктор.

Френсис посмотрел на бинты вокруг моего правого запястья.

— Когда разрешит.

Я протянул ладонь к огню. Сначала было приятно. Потом жар добрался до кожи, и я вспомнил, как пламя шло вдоль камней, а пальцы уже не сгибались. Рука сама ушла под плащ.

Френсис подкинул ещё одну ветку.

— Кстати, о Хлое. Весь отряд видел, как ты на неё смотришь. Теперь она тебе жизнью обязана.

— Френсис, — сказал Виктор.

— Да я только...

— Хватит.

Я встал. Слишком резко — пришлось переждать, пока огонь перед глазами перестанет расплываться.

— Иди к чёрту.

Френсис бросил ветку в костёр. На этот раз не окликнул меня вслед и не добавил очередную шутку. От этого легче не сделалось.

У соседнего костра Лантис тасовал колоду. Затёртые карты с мягким шелестом переходили из одной ладони в другую, раскрывались веером и снова собирались в ровную стопку. Он сколько угодно мог показывать мне этот фокус — у меня всё равно не выходило. Раньше я хотя бы мог попробовать.

Хлоя стояла у лекарского шатра. Волосы были собраны кое-как, под глазами ещё лежали тёмные круги. Увидев меня, она улыбнулась.

— Доброе утро, Эд.

— Доброе.

Я прошёл мимо.

— Эдвард...

Пришлось остановиться. Хлоя посмотрела мне в лицо, поправила ремень сумки на здоровом плече.

— После зайди. Нужно сменить повязку.

Она не сразу отвернулась. Наверное, ждала ещё чего-нибудь. Или я уже видел во всём то, о чём наговорил Френсис.

У кузни Варик выправлял пластину кирасы Даргина. Прижимал её клещами к наковальне, поворачивал после каждого удара. Возле края тянулась глубокая зарубка, металл загнулся внутрь. Я вспомнил, как остриё полёкса нашло щель у бока. Варик заметил меня, поднял молот — и почему-то медлил с ударом. Я пошёл дальше.

На верёвках сохли выстиранные бинты. Вода уже стекла с них, но кое-где на ткани оставались розоватые разводы. Играса мешала похлёбку, не отрывая глаз от Стелфи, который подобрался к котлу с миской. Амер разбирал снаряжение возле повозки. Кто-то пронёс мимо меня два ведра, и я посторонился, хотя ещё несколько дней назад наверняка получил бы одно из них.

Тогда я только и думал, как бы избавиться от такой работы. Теперь даже стоять посреди лагеря было неловко.

Отец сидел за складным столом и дописывал письмо. Под столом была вытянута перевязанная нога. В дорожной клетке переступал с лапы на лапу ястреб; когти тихо постукивали по жердочке. Возле карты лежал огарок свечи. Сигил, похоже, тоже встал задолго до рассвета.

— Здравствуй, Эд. Как плечо?

— Если не трогать — терпимо.

Он кивнул на свободный стул. Я сел, стараясь не смотреть на лежавшие перед ним бумаги.

— Что будем делать?

— Для начала переживать зиму.

Отец дописал строку, обмакнул перо.

— Отправлю предложение в графство Орлано. Им на зимовку почти каждый год нужны дополнительные мечи. Вольные земли близко, границу постоянно проверяют на прочность.

Дополнительные мечи. Я разжал правые пальцы. Бинт натянулся возле большого пальца, и я спрятал кисть под край плаща.

Сигил свернул письмо, капнул на край горячим воском и привычно потянулся к плечу. Рука остановилась в воздухе.

Плащ был на мне.

— Держи.

Я расстегнул череп, снял ткань и протянул через стол. Отец принял её, прижал застёжку к мягкому воску. Я видел этот отпечаток сотни раз — на договорах, письмах заказчикам, распоряжениях, которые увозили наши посыльные.

Печать главы Алого отряда.

Сигил подождал, пока воск застынет, и вернул мне плащ.

— Теперь он твой.

Я не сразу взял.

— Мне не нужно утешение, отец.

— Ты его заслужил.

Череп холодил пальцы. В трещине на нижней челюсти застрял старый воск. Я разгладил ткань возле застёжки: здесь она совсем вытерлась, а под отворотом ещё оставалась густо-алой и ворсистой.

Лет в восемь я стащил этот плащ из шатра. Тогда казалось, что стоит накинуть его — и остальные сразу начнут слушаться. Ткань волочилась по земле, застёжка оттягивала ворот до груди. Я ходил между палатками, копируя отцовскую походку, пока он не нашёл меня возле костра. Ждал затрещины. Сигил только спросил, не собираюсь ли я заодно забрать его меч и командование.

Теперь плащ был мне впору. Только надеть его оказалось труднее, чем в восемь лет.

Я набросил ткань на плечи. Чтобы удержать одну сторону, приходилось отпускать другую. Полы съезжали, тяжёлый череп выворачивался. Я подхватил его, неловко согнул запястье и стиснул зубы.

Отец протянул руку.

— Я помогу.

— Сам.

Он остановился. Я снова попытался совместить половины застёжки. Большой палец соскользнул по металлу.

Ястреб за спиной отца ударил крылом по прутьям. Я смотрел на череп, пока хватало терпения делать вид, что ещё что-то пробую.

— Ладно.

Отец встал, придерживаясь за край стола, и подошёл. Придержал полы, застегнул череп, расправил складку возле шеи. На всё ушло несколько мгновений. Я смотрел мимо него, на карту.

— Кто бы знал, что первое дело окажется последним.

Отец не сразу отошёл.

— Рано решать.

— А когда будет пора?

— Перезимуем, уйдём южнее. Про тамошних целителей рассказывают всякое. Если не помогут, найдём дворфийского мастера. Посмотрим, за что он возьмётся.

Он вернулся к столу. Не сказал, что всё обязательно наладится. Я ждал именно этих слов и заранее знал, как рассержусь, если услышу их.

— Спасибо за плащ.

Отец поднял голову.

— Я правда всегда хотел такой.

— Знаю, сынок.

Он закрепил письмо на лапе ястреба и вынес птицу наружу. Клетка осталась открытой. Я провёл пальцем по вытертой ткани возле застёжки, прислушиваясь к хлопанию крыльев над шатром.

Сигил вернулся вместе с Даргином. Без кирасы тот выглядел непривычно: грудь и бок скрывали повязки, плечи не казались такими широкими. Он поворачивался всем корпусом, медленно, берегся даже у входа.

— Здравия, Сигил. Привет, Эд.

Его взгляд остановился на моём плече.

— Да уж. Хуйня с тобой приключилась.

Я посмотрел на его бинты.

— Ты на себя посмотри.

— А чего на меня смотреть? Красавец.

— Хорошо, что пришёл, — сказал отец и придвинул карту. — Три дня ни гонцов, ни отступающих. Нужно узнать, что стало с войском герцога. Отправь Френсиса и Амера.

Даргин наклонился, упёрся ладонями в стол.

— Думаешь, разбили?

— Возможно. Пусть найдут войско. Или хотя бы то, что от него осталось. На поиски три дня, ещё три на возвращение. Через семь, максимум десять дней снимаем лагерь.

— И куда?

— Если Орлано примет предложение — к нему. Если откажет, через Большую землю к Вольным. Зимовать будем южнее.

— В пизду эту политику, — пробормотал Даргин. — Чуть не сдохли из-за чужого мятежа.

Отец развернул карту к нему. Я подался вперёд, пытаюсь рассмотреть дорогу, на которой остановился его палец. Накануне он не мог сказать мне, что делать дальше. Теперь хотя бы у отряда снова появлялся путь.

В шатёр заглянула Хлоя.

— Эдвард. Ты обещал зайти.

— Иди, — сказал отец. — Здесь закончим сами.

До лекарского шатра мы шли молча. Хлоя уже двигалась увереннее, чем вчера, но на ходу придерживала сумку, чтобы та не била по раненому боку.

Она откинула полог.

— Садись, Эдвард.

Внутри пахло сушёными травами и крепким спиртом. На полках теснились банки; возле таза лежали чистые бинты, свёрнутые так туго, что их края почти не различались. Топчан Элизы пустовал. Хлоя сказала, что та ушла за травами, и поставила свою сумку рядом с ним.

Я снял плащ и сел на край другого топчана. Под слоями ткани чувствовалась холодная каменная плита, которую Лантис поднял из земли. Хлоя помогла мне освободить плечо, отставила поближе миску и начала разматывать повязку.

Первый слой снялся легко. Второй местами присох. Она смочила ткань, подождала, затем подцепила край.

— Будет неприятно.

— После Роберта меня сложно удивить.

Бинт потянул кожу.

— Ай, блядь!

Хлоя подняла бровь. Я отвернулся, чтобы не видеть её улыбку, и уставился на банки. На одной остался след от зелёных пальцев. На другой неровно наклеенный ярлычок закрывал старую надпись. Раньше я бы попробовал разобрать её; сейчас следил, как снятый бинт ложится в таз.

Когда Хлоя закончила, всё-таки посмотрел на плечо. Красная кожа, тёмная кайма ожога, блестящий след мази. Вчера трещины казались глубже. Я попробовал обрадоваться тому, что рана заживает, но взгляд опять пошёл дальше, туда, где должен был быть локоть.

— Ты вчера сказала, что не сумеешь её вернуть.

Хлоя смочила чистую ткань.

— Да.

— А кто-нибудь сумеет? Отец говорит, на юге другие целители.

Она осторожно провела тканью возле ожога.

— Другие школы лечения. Я не знаю всего, чему там учат. Но заклинания, которое вернуло бы руку, мне не встречалось.

— Значит, нет.

— Значит, я не знаю, Эд.

Хлоя ненадолго остановилась. Я смотрел на её лицо и видел, как ей хочется добавить что-нибудь ещё. Она только отложила ткань и поднесла ладонь к плечу.

Между пальцами разлился зелёный свет. Кожу защипало, тепло ушло глубже, и боль, к которой я успел привыкнуть за ночь, понемногу отпустила. Стало легче выпрямиться. Я понимал, что ничего больше не произойдёт, и всё равно ждал, не покажется ли в этом свете хоть что-нибудь ниже плеча.

Хлоя погасила заклинание. Взяла банку с мазью, устроила её на коленях; палец дрогнул на крышке.

— Хватит на сегодня, — сказал я.

— Осталась повязка. Сиди спокойно.

Она закончила с плечом и взялась за правое запястье. Я дёрнулся, когда её пальцы нажали возле большого пальца.

— Болит. А ты молчишь.

— У меня большой выбор, на что жаловаться.

Хлоя проверила повязку и закрепила конец бинта.

— Ничего тяжёлого этой рукой. И без тренировок.

— Ты с Виктором сговоришься?

— Ему тоже не нравится, когда я это говорю.

Я хотел ответить и передумал. Она начала собирать использованную ткань. Потом подняла глаза:

— Ты весь день смотришь на меня как-то странно.

— Показалось.

Хлоя помедлила, но расспрашивать не стала.

Я поднялся, взял плащ и посмотрел на застёжку. Палец ещё болел после осмотра.

— Поможешь?

Она подошла, поправила ткань и застегнула череп. Я стоял, чувствуя, как её рукав касается моей рубахи. Когда Хлоя убрала руки, сразу потянуло холодом от входа.

— Спасибо.

— Привыкнешь.

Я поморщился.

— Ненавижу это слово.

Хлоя не стала спорить. Отступила, пропуская меня, и я вышел.

Снаружи Даргин разговаривал с Аланом. Край арконитского уха был перевязан, повязка съехала и открывала неровно срезанную шерсть. Когда Алан повернулся ко мне, он осторожно придержал бок.

— Эд. Ты мою шкуру на пирсе спас. Спасибо.

— Пожалуйста.

Он замялся, глядя на плечо.

— Значит, руку уже никак?

— Если найдёшь её на пирсе — принеси.

Алан коротко фыркнул. Улыбка исчезла почти сразу.

— Держись. Мы тебя не бросим. Что бы ни случилось.

Я уже приготовил очередную шутку, но произнести не смог.

— Спасибо, Алан.

Он кивнул и вернулся к Даргину. Я пошёл к своему шатру. Почему вообще понадобилось говорить, что меня не бросят? Кто-нибудь думал об этом? Или Алан просто хотел поддержать, а я уже цеплялся к каждому слову?

Фрин ждал у полога. Потёрся о сапог и прошёл внутрь раньше меня.

— Ты хотя бы не рассуждаешь о моей полезности.

Кот запрыгнул на топчан и принялся вылизывать лапу.

На столе лежали моя первая сабля, старый кинжал и меч, который отец подарил на день рождения. Кто-то очистил клинки и уложил их рядом. На новом навершии скалился маленький стальной череп. Я помнил, как поворачивал его к свету у костра, не зная, кого благодарить первым.

Снял плащ, повесил на спинку стула. Кинжал лежал ближе всех. На рукояти была выщербина: несколько лет назад Френсис выбил его у меня из руки, и оружие ударилось о камень. Я тогда разозлился, полез подбирать и получил по затылку деревянным мечом. Урок запомнился лучше выщербины.

Я провёл по ней пальцем. Сабля в правой, кинжал в левой. Раньше не приходилось выбирать, за что взяться.

— Ну что, приятель. Похоже, нам пора прощаться.

Фрин перебрался на стул и обнюхал кинжал.

— Только не вздумай сбросить.

Я отодвинул оружие подальше от края и взял отцовский подарок. Рукоять легла в ладонь привычно. Я отошёл к свободному месту возле топчана и начал поднимать меч.

Боль прострелила запястье. Остриё дрогнуло; пришлось опустить клинок, прежде чем он задел постель. Я постоял, прижимая локоть к боку, и вернул меч на стол. Разозлился на Хлою за то, что она оказалась права.

Хотя бы ноги.

Я встал в знакомую стойку, представил клинок перед собой. Меч принимает удар, кинжал закрывает открытую линию. Шагнул — левое плечо дёрнулось, готовясь к движению, которое я повторял годами. Под повязкой кольнуло.

Воображаемый противник уже достал бы меня под грудину.

Ещё раз. Медленнее.

Я переставил ноги, сильнее развернул корпус. Так слева оставалось меньше открытого места, зато следующий шаг вышел коротким и неудобным. Попытался войти ближе, под воображаемую руку противника. На миг движение показалось знакомым: Френсис заставлял меня делать что-то похожее, когда выбивал кинжал.

Повторил — и чуть не запутался в собственных ногах.

— Чушь.

Я посмотрел на меч. Без оружия всё казалось ненастоящим, но кисть ещё ныла. Прижал её к груди и вернулся на место.

«Стойки перестроим».

Френсис сказал это так, будто уже знал, с чего начать. Я не знал. Сделал ещё один осторожный шаг, стараясь не дёргать плечом.

В какой-то момент противник передо мной перестал быть безликим. Роберт повернул шлем, и я увидел узкую щель у шеи. Здесь можно было достать его кинжалом. Нет — он уже отводил мою руку. После второго шага? Тяжёлый меч перекрывал линию, лёгкий оставался свободным.

Я остановился посреди шатра. Перебирал один момент за другим, пытаюсь понять, где мог убить Роберта. Где стоило ударить быстрее, куда направить огонь, какую брешь в его защите я не заметил.

Но сколько ни прокручивал бой в голове, ничего не находил.

А потом поймал себя на том, что уже давно ищу совсем другое.

Не моменты, когда я мог убить Роберта.

Моменты, когда Убийца Драконов мог убить меня.

Их оказалось слишком много.

Я коснулся шеи. Его пальцы ещё держали меня за горло, когда он посмотрел на Хлою. Мои ноги не доставали до земли. Ему даже не нужно было менять хват. Но он отбросил меня.

Потом всё-таки пытался добить нас. Я помнил хруст в запястье, клинок под рёбрами Хлои и то, как она накрыла ладонью упавший камень. Если бы я не успел снова дать огонь...

Значит, пытался.

А в самом конце?

Между мной и краем пламени оставался просвет. Роберт повернул туда шлем. Я тоже видел его и не мог закрыть: рука уже не слушалась, приходилось вести огонь всем плечом. Он перехватил меч.

И остался на месте.

Может, не хватило сил. На его броне была кровь, под забралом слышалось тяжёлое дыхание. Или я просто не заметил движения, пока смотрел на Хлою? Я помнил далеко не всё. Память возвращала отдельные мгновения, а между ними оставались провалы, куда можно было поместить что угодно.

Но всякий раз, когда я закрывал глаза, Роберт стоял в догорающей пыли и смотрел прямо на меня.

— Да ну нахуй...

Я сел на топчан. Сердце колотилось, рубаха прилипла к спине. Хотелось рассказать отцу. Но что я скажу? Что человек, едва не перебивший нас всех, в последний миг почему-то остановился? Что это мне запомнилось лучше остального?

Я посмотрел на кинжал, потом на плащ. Утром отец сказал, что я его заслужил. А я теперь даже не был уверен, почему нам удалось уйти с пирса. От этой мысли стало так противно, что я взял лежавший рядом трактат по восточному фехтованию и раскрыл на разделе о стойках.

По краям страниц сохранились мои пометки. Торопливые, местами неразборчивые; возле одного рисунка я несколько раз обвёл положение левой руки. Над ним стояло:

«Истинный мастер не заставляет обстоятельства подчиняться технике. Он подчиняет технику обстоятельствам».

Я перечитал дважды.

— Легко тебе говорить, старый ублюдок.

Книгу всё же не закрыл.

К вечеру перестал звенеть молот. Играса вернулась с охоты с небольшим оленем; вскоре дым из-под котлов потянул мясом. Я задремал над трактатом и проснулся от того, что лист щекотал подбородок. Из-за полога тянуло прохладой. На плече уже лежала длинная тень от стойки.

Элиза заглянула после заката, держа деревянную миску.

— Хлоя велела проследить, чтобы ты всё съел.

— Она теперь командует ещё и моим желудком?

— Сказала, если не съешь, мне придётся стоять здесь и смотреть.

— Врёшь.

— Конечно. Но похлёбку всё равно съешь.

Она поставила миску рядом. Я отложил книгу.

— Спасибо.

У полога Элиза задержалась.

— Хорошо, что ты жив, Эд.

Вышла, не дожидаясь ответа. Некоторое время я смотрел ей вслед. Потом пристроил миску на коленях, придержал бёдрами и взял ложку. Над мясом плавали мелкие золотистые кружки жира. Есть хотелось сильнее, чем я ожидал, но приходилось подносить ложку медленно, чтобы не сгибать запястье. Под конец миска качнулась. На штанах расплылось мокрое пятно.

Я вытер его рукавом. Поставил пустую миску на стол и лёг.

Сквозь ткань шатра проступали редкие пятна костров. Одно погасло, за ним другое; голоса отдалились к краю лагеря. Я подвинул свечу, снова взял трактат, но перечитывал одну страницу, не понимая ни слова. Вспоминал то опущенные мечи Роберта, то отцовское «Теперь он твой». Потом почему-то пальцы Хлои на застёжке.

Будь проклят Френсис.

Я закрыл книгу. Почти сразу полог отодвинулся.

Хлоя вошла без лекарской сумки. Волосы, весь день кое-как собранные, теперь свободно лежали на плечах. От сквозняка пламя свечи наклонилось, тень скользнула по её щеке. Она придержала ткань, чтобы та не хлопнула, и осталась у входа.

Обычно Хлоя сразу подходила, спрашивала про боль, тянулась к повязке. Сейчас просто стояла.

— Эд...

Я приподнялся.

— Ты ведь не думаешь, что теперь мне что-то должна?

Она нахмурилась.

— Что?

— Из-за пирса. Из-за того, что случилось со мной.

Хлоя отвела взгляд.

— Вот дерьмо. Ты действительно...

— Эд, я ещё ничего не сказала.

Я закрыл рот.

Она подошла и села на ящик возле топчана. До этого я ждал её весь день, сам того не признавая. Теперь не знал, куда девать глаза: смотреть на неё слишком пристально было неловко, отвернуться — ещё хуже.

— Почему ты об этом спросил?

— Раньше ты только смеялась, когда я пытался за тобой ухаживать.

— Потому что твои попытки были ужасны.

Я невольно усмехнулся. Хлоя тоже, но ненадолго.

— Ты смотрела на меня как на младшего брата. А теперь всё время отводишь глаза. И я не хочу, чтобы причиной была...

Я посмотрел на пустой рукав.

— Вот эта хуйня.

Хлоя сцепила пальцы на коленях.

— Мне двадцать, Эд. Тебе шестнадцать. Я ещё помню, как ты бегал за мной по лагерю и пытался изображать Сигила.

— Мне было двенадцать.

— Знаю. Только я долго продолжала видеть тебя таким.

Я ждал. Она высвободила из-под бедра край рубахи, посмотрела на закрытую книгу возле моей руки.

— Ты всё время старался произвести впечатление. Я привыкла смеяться, а ты начинал ещё больше стараться. Иногда уже не понимала, когда ты серьёзно.

— А теперь?

— На пирсе ты стоял перед Робертом, когда остальные уже не могли подняться. Я звала тебя...

Она замолчала. В свете свечи были видны следы от пальцев на её запястье — Хлоя сама сжимала его, пока говорила.

— Мне страшно это вспоминать.

Снаружи прошёл часовой. Мы дождались, пока шаги стихнут. Я смотрел на её руки и хотел сказать, что на пирсе она тоже была другой. С кинжалом в плече, с камнем, который никак не хотел работать. Не той Хлоей, у которой всегда находился ответ. Но она заговорила первой.

— Ты прав. Я смотрю на твоё плечо и каждый раз думаю, что это случилось из-за меня.

Я потёр ладонью колено. Хотелось перебить её, сказать, что всё давно закончилось. Только под повязкой ныло, а утром мне опять предстояло надевать рубаху.

— Ты держала камень, — сказал я. — Помнишь, линии никак не сходились?

Она кивнула.

— Я ослабил огонь, и пыль полезла обратно. Пришлось дать ещё. Рука уже тогда...

Я сглотнул. Хлоя смотрела на меня, не шевелясь.

— Я чувствовал. Но продолжал.

— Ты мог погибнуть.

— Лучше бы сгинул.

Её взгляд скользнул к моему плечу.

— А теперь я калека, — добавил я. — Но не отнимай у меня хотя бы моего решения.

Хлоя молчала. Я пытался объяснить дальше и не мог найти слов. Получалось, будто оправдываюсь за то, что сделал с собой. Или жду, что она меня похвалит.

— Я сам держал огонь, Хлоя. Ты меня не заставляла.

Она медленно разжала пальцы.

— Если бы снова оказался там... — начал я и запнулся.

Я почти сказал, что поступил бы так же. Уже открыл рот. Потом вспомнил, как утром пытался надеть рубаху: ткань застряла за спиной, а я сидел на краю топчана и не мог до неё дотянуться.

— Не знаю. Сейчас легко говорить красивые вещи. Не знаю, смог бы сделать то же самое второй раз. Но тогда мне казалось, другого выбора нет.

Хлоя отвернулась. По щеке скатилась слеза; она быстро стёрла её ладонью. Я никогда прежде не видел, чтобы Хлоя плакала, и испугался.

— Эй...

— Всё нормально.

— Очень убедительно.

— Заткнись.

Я кивнул. Она вытерла другую щёку, неровно выдохнула и поднялась. Подошла ближе, протянула руки — и остановилась, глядя на повязку.

Я немного подвинулся.

— С этой стороны. Только осторожно.

Хлоя наклонилась и обняла меня. Я почувствовал её щёку возле виска, волосы у губ и долго не решался пошевелиться. Травмами за день пропиталось всё вокруг, но рядом с ней пахло ещё тёплой тканью, волосами и чуть-чуть дымом.

Я положил правую ладонь ей на спину. Пальцы плохо сгибались, пришлось просто прижать руку, не сжимая ткань. Хлоя придвинулась ближе. Я привык, что она касается меня, когда что-нибудь болит. Сейчас она не искала рану, не проверяла повязку; слышно было, как она понемногу успокаивается.

Ещё неделю назад я отдал бы половину снаряжения за то, чтобы Хлоя сама пришла ко мне вечером. Теперь боялся обнять её крепче. Боялся задеть её бок, боялся собственного плеча. А больше всего — того, что утром она пожалеет о своём приходе.

Я шевельнулся, и боль потянулась от повязки к шее. Хлоя сразу отстранилась.

— Больно?

— Немного.

Она посмотрела мне в лицо.

— Ладно, не немного, — поправил я.

— Тебе нужно лежать.

— Я половину дня лежу.

— Значит, будешь целый.

— Прекрасная новая жизнь.

Хлоя улыбнулась. Помогла мне устроиться, подложила свёрнутую ткань под спину. Я уже ждал, что она возьмёт пустую миску и уйдёт. Но Хлоя села на край топчана, и постель чуть прогнулась под её весом.

— Ты мне ничего не должна.

Улыбка исчезла.

— Я знаю.

— Точно?

Она кивнула.

— Тогда зачем ты пришла?

Хлоя ответила не сразу. Снаружи треснуло полено, ветер шевельнул полог. Она посмотрела прямо на меня.

— Потому что хотела.

Я открыл рот и не нашёл, что ответить.

Глава 6 След Моего Огня

Через шесть дней вернулись Френсис и Амер. Мы только закончили завтракать; в котле оставалось немного каши, и Играса скребла ложкой по дну, когда между деревьями показались две лошади.

На сапогах разведчиков засохла светлая дорожная грязь. Плащи потемнели от сырости, у коней под подпругами белела пена. Френсис спешил и сел возле костра, даже не спросив, оставили ли ему поесть. Амер прислонил арбалет к бревну, взял кружку и долго пил. Мы ждали, пока он опустит её.

Отец отложил нож, которым резал солонину.

— Какие новости?

— Очень хуёвые, — ответил Френсис. — Войско короля разбито. Люди герцога — тоже. Уцелевшие тянутся кто к Крепаксу, кто на запад.

— Это точно?

Амер вытер подбородок тыльной стороной ладони.

— Отступающих сами видели. Мятежники собираются идти на столицу.

Когда — никто толком не знает.

На краю костра лопнула сырая ветка. Отец некоторое время смотрел на неё, потом подвинул Френсису доску с нарезанным мясом.

— К мятежникам нам дороги нет. Люди, которые пытались сжечь их флот, сейчас там без надобности. У короля работа найдётся, только расплачиваться он будет обещаниями.

— Зато обещать может много, — заметил Френсис.

Сигил не улыбнулся.

— Выгоды в этих землях нам больше не сыскать. Если Крепакс развалится, соседи своего не упустят. Центральное королевство давно смотрит на западные дороги. Северяне вспомнят о старых границах.

— Думаешь, мятежникам помогают? — спросил Амер.

— Не знаю. Но провернуть такой мятеж без помощи...

Френсис отломил хлеб и принялся есть; Амер подставил кружку под бурдюк. Оба выглядели так, что новых расспросов им хотелось меньше всего.

Отец поднялся, придерживаясь за колено.

— Вчера прилетел ястреб из Орлано. Есть работа. Сворачиваемся. Оповестите всех.

У котла задвигались. Варик с Ворицом потащили к телеге ящик с инструментами, на ходу споря, кто держит не с той стороны. Даргин позвал Алана снимать большой шатёр. Сырой свёрток они взвалили на повозку вдвоём; Даргин тут же принялся объяснять, что и сам бы справился, если бы арконит не путался под руками.

Лантис прошёл вдоль костров. Под его ладонью земляные очаги оседали, края сходились над углями. Последняя струйка дыма пробилась через рыхлую почву и растворилась. Я столько раз видел, как мы собираемся, что обычно начинал скучать уже у первого ремня. Теперь смотрел, как поднимают жерди, подхватывают мешки, затягивают узлы, и заранее прикидывал, где мне понадобится помощь.

— Эд, найди Виктора.

Он складывал свитки в узкий деревянный футляр. Возле ног лежала раскрытая сумка; из неё торчал угол знакомой потрёпанной книжки.

— Отец зовёт. Уходим в Орлано.

Виктор защёлкнул футляр и встал, придерживая бок. Повязки ещё носил, но ходил уже почти как прежде. Мне Хлоя накануне сняла бинты с правого запястья. Под ними осталась

светлая полоса кожи. Велела шевелить пальцами, не таскать тяжести и не хвататься за оружие. Последнее повторила дважды.

У лекарской повозки Хлоя перебирала мешочки с травами. Мы встретились глазами. Она улыбнулась, я тоже — и оба почти сразу отвернулись. Хлоя занялась узлом, который и без того был завязан, а я ускорил шаг, хотя Виктор никуда не торопился.

После того вечера она каждый день меняла мне повязку, спрашивала, где болит, ругалась, когда я дёргался. Я отвечал. Про всё остальное мы почти не говорили. Несколько раз я собирался задержать её у выхода, но каждый раз находилось что-нибудь важнее: принести воды, позвать Даргина, освободить проход. Когда Хлоя уходила, подходящие слова находились сразу.

Сигил ждал у своего шатра.

— Нас нанимают на зиму? — спросил Виктор.

— Нет. Сделаем работу и двинемся на юг. Здесь оставаться незачем. Эд, иди собирайся.

Они склонились над картой, а я вернулся за вещами. Возле хозяйственной повозки Фрин тёрся о сапоги Алана. Тот отодвигал кота ногой, но Фрин упорно возвращался и задира л голову к белой морде. Арконита он почему-то всегда считал своим.

Постель я скатал ещё до завтрака. Оставалось вынести сумку, оружие и снять полотно. Я дёрнул ремень у верхнего крепления. Жердь качнулась; по привычке попытался придержать её слева, затем прижал плечом. Под повязкой кольнуло. Пришлось замереть, пока стойка давила через ткань, а тугой узел оставался выше пальцев.

— Да чтоб тебя...

Снаружи заскрипело колесо. Стелфи подкатил хозяйственную повозку и придержал лошадь. В детстве эта махина казалась мне кораблём: высокие борта, привязанные снаружи котлы, груда тюков под парусиной. Я лазил по ней, пока кто-нибудь не стаскивал меня за шиворот. Сейчас даже переложить туда постель было задачей.

Стелфи посмотрел на перекосившийся шатёр.

— Стойку поддержишь? — спросил я.

Он спрыгнул с козел. Я отвернулся к ремню, пока он подходил. Вдвоём мы закончили за несколько минут: Стелфи придерживал жерди, я освобождал крепления и складывал ткань. Когда он потянул свёрток в повозку, я всё-таки подхватил его снизу. Запястье сразу заныло.

— Сумку лучше подай.

Я подал. Стелфи устроил её между тюками, затянул ремень и протянул мне свободный конец. Это я смог удержать.

К полудню от лагеря остались примятая трава, следы колёс и тёмные пятна там, где Лантис погасил очаги. Отец посадил меня рядом с собой на козлы передней повозки. Алым отряд вытянулся между деревьями и вышел на западную дорогу.

Обоз двигался медленно. На подъёмах колёса глубоко садились в колеи; тогда отец подавался вперёд, и я невольно повторял его движение, будто от этого лошадям становилось легче. За спиной позвякивала привязанная к борту посуда. Из-под промасленной ткани пахло кожей и железом.

Навстречу шли крестьяне с нагруженными телегами. Под мешками торчали ножки перевёрнутых стульев, над головами детей качались связки лука. У одной повозки волочился по грязи край одеяла. Женщина на ходу подобрала его, прижала к свёрткам и лишь после этого посмотрела на нас. Заметив алые плащи, люди замолкали и торопливо уступали дорогу.

Возле следующей телеги собралась толпа. Мужчина стоял на коленях у самого колеса, прижимая к себе девочку. Она хватала воздух открытым ртом; тонкая рубашка втягивалась под рёбрами. Рядом плакала женщина и всё пыталась поправить съехавшее с ребёнка покрывало.

Сигил натянул вожжи. Из повозки позади нас уже выбиралась Хлоя. Я спустился следом, придерживаясь правой рукой за борт.

— Расступитесь.

Её пропустили, но несколько человек тут же потянулись ближе. Я встал поперёк прохода.
— Дайте ей место.

Хлоя присела возле девочки, приложила пальцы к шее, затем к груди. Мужчина заговорил торопливо, сбиваясь; мать пыталась добавить что-то своё.

— Тихо, — сказала Хлоя. — Мне нужно услышать дыхание.

Они замолчали. Между её пальцами появился зелёный свет. Девочка вздрогнула, закашлялась; отец дёрнулся к ней, но Хлоя придержала его руку. Дождалась следующего вдоха. Ещё одного. Я поймал себя на том, что тоже стою не дыша.

— Дышит... — произнёс мужчина.

Девочка открыла глаза. Он прижал её к себе и тут же ослабил хватку, испугавшись, что мешает. Женщина протянула руки, всё ещё стискивая покрывало.

— Уложите её, — сказала Хлоя. — Найдите тёплое место. Сегодня дальше не везите.

Я откинул край одеяла в телеге и отодвинул узел с торчащей деревянной ручкой. Мать устроила дочь между свёртками. Мужчина полез за пазуху; пальцы никак не могли вытянуть шнурок потёртого мешочка.

— Здесь серебро. Её приданое. Всё, что осталось. Возьмите.

Хлоя подтолкнула его руку обратно.

— Убери. Надеюсь, у неё будет хороший муж.

Он попытался возразить, но она уже поднялась. На коленях остались два мокрых пятна. Хлоя смахнула налипшую землю и пошла к обозу; я догнал её возле лошадей.

— Ваше благородие не знает границ, леди.

— Ещё слово — и я возьму плату с тебя.

— За что?

— Придумаю.

Она забралась в повозку. Я вернулся к отцу, устроился на козлах и оглянулся. Девочка лежала, подложив ладонь под щёку. Мать сидела рядом и смотрела, как приподнимается покрывало. Впервые за день я забыл проверить, не болит ли запястье после спуска.

Дальше начали попадаться следы боя. Сломанное копье в канаве, раздавленный щит с герцогским гербом. Глубокие колеи сворачивали с дороги прямо в лес; на низкой ветке висел обрывок ремня. Потом показалась деревня.

Несколько домов выгорели до каменных оснований. Из одного ещё торчала печная труба, под ней мокла груда чёрных балок. От сарая тянулся дым. У колодца лежала мёртвая лошадь; на её боку сидели мухи, и кожа казалась шевелящейся. Никто не подходил её убрать.

Возле почерневшей стены сидела женщина. Прижимала к груди чью-то рубаху и раскачивалась. Я слышал её даже сквозь скрип колёс. Сначала старался разобрать слова, потом перестал.

Не знаю, кто прошёл здесь раньше: мятежники, люди герцога или те, кому уже было всё равно, под каким знаменем грабить. Отец достал бурдюк, отпил и снова взялся за вожжи. Натянул их так, что ближайшая лошадь недовольно повела головой. Сигил ослабил хватку, не отводя глаз от дороги.

Примерно через час она сузилась между двумя холмами. Поперёк лежали брёвна и перевёрнутая телега. За ними стояли солдаты в герцогских цветах — помятые доспехи, грязь на подолах, лица, на которые не хотелось смотреть долго. У одного рука висела на перевязи. Другой сидел на бочке, уронив голову на грудь.

Даргин подъехал к нам сбоку.

— Как думаешь, рискнут?

— Пропустят.

Отец придержал лошадей перед заграждением. Солдат у телеги узнал его и выпрямился.

— Сбегаешь, Сигил?

Отец молча смотрел на него.

— Пока мы там дошли, вы быстро дали по съёбам.

Сигил передал мне вожжи. Снял перчатку со стальными накладками на костяшках; пальцы дрогнули, когда он вытягивал их из кожи.

— Не стоит, — сказал я.

Он уже спускался. Подошёл почти вплотную к солдату и ударил его в лицо.

Тот врезался спиной в телегу. Между пальцами, прижатыми к носу, выступила кровь. За ограждением поднялся арбалет. Я сжал вожжи; правая кисть отозвалась болью, но отпустить не получалось.

Даргин соскочил с коня и встал рядом с отцом. Ладонь легла на древко секиры. На дороге стало слышно, как лошадь жуёт удила. Я смотрел на болт и не мог понять, в кого он нацелен: в Сигила, в Даргина или в меня, сидевшего над ними на козлах.

— На пирсе стояли мои люди, — сказал отец. — Тоже дошли. А вы лучше бы удержали авангард или хотя бы защитили ближайшие деревни, пока ваши господа спорили, на ком лежит вина за поражение. А теперь вам одна дорога — в Вольные земли. Прибьётесь к шайке разбойников и будете грабить караваны.

— Рыцари хуевы.

Несколько мгновений никто не двигался. Потом человек с перевязанной рукой шагнул к арбалетчику и опустил его оружие.

— Пропусти их. Хватит уже.

Двое взяли за ограждение. Дерево заскребло по камням. Отец дождался, пока дорога освободится, и вернулся к повозке. Я не сразу отдал вожжи.

— Эд.

Он протянул руку. Я разжал пальцы.

Мы проехали молча. Даргин задержался у телеги, пока мимо не прошла последняя наша лошадь, и только потом вернулся в седло. Сигил натянул перчатку, разгладил её на костяшках. Из-под края кожи выглядывала ссадина.

Раньше он, скорее всего, рассмеялся бы солдату в лицо. Или ответил так, что остальные засмеялись бы сами. Сейчас в нём будто что-то надломилось или просто устало держаться. Я заметил это, но спрашивать не рискнул. В отцовские мысли я и раньше старался не лезть, а теперь тем более не знал, что можно сказать, не сделав только хуже.

Оставшиеся деревни стояли целыми. Люди заколачивали окна, загоняли скот во дворы и оглядывались на каждый стук копыт. Мне хотелось поскорее миновать эти места. Когда к сумеркам мы свернули в редкий сосняк, я с облегчением увидел между стволами только траву и голую землю.

Шатры решили не ставить: утром собирались выйти до рассвета. Играса распоряжалась ужином.

— Котёл сюда. Нет, здесь корни. Варик, ещё раз поставишь ящик у огня блядь.

— Почему ты постоянно только на меня ругаешься?

— Потому что Ворик хотя бы делает вид, что думает.

— Слышал? — обрадовался Ворик.

Варик перевёл взгляд с брата на Играсу и молча оттащил ящик.

Лантис поднял из земли несколько длинных лежанок. Мы накрыли их хвойными ветками и шкурами. Камень мягче не стал, зато сырость не пробиралась снизу. От сломанных ветвей пахло смолой; этот запах держался даже возле котла, перебивая похлёбку.

Я весь день просидел в повозке. К ужину затекла спина, а лечь и снова ждать утра не хотелось. Отец распределял караул, когда я подошёл.

— Поставь и меня.

Сигил оглядел мою руку.

— До первой смены. У повозок. Алан будет у дороги, Амер — с другой стороны. Услышишь что-нибудь — зовёшь их. Сам никуда не идёшь.

— Я понял.

— И ляг, когда сменят.

Я кивнул и пошёл за саблём. Подаренный отцом меч остался среди вещей: старая сабля была привычнее и на поясе почти не мешала. Вытаскивать её я не собирался. Хотелось хотя бы стоять в карауле с оружием, а не ждать, что мне дадут палку, чтобы стучать по бортам.

У крайней повозки был виден проход между телегами и лошади у привязи. Я устроился так, чтобы спиной чувствовать нагретые за день доски. Алан прошёл к дороге, широко зевая, но увидел меня и сразу прикрыл пасть.

— Ты в карауле?

— Отец разрешил.

— Удобно устроился.

— Попробуй не уснуть на ходу.

Он показал зубы и ушёл. Белая шерсть ещё немного мелькала между стволами, затем исчезла. За спиной затихали разговоры; кто-то вытряхивал из сапога хвою, кто-то просил передать бурдюк. Постепенно остались ветер в кронах и лошадиное фырканье.

Холод добирался под плащ, хотя у земли почти не дуло. Такой же я помнил на севере, когда мы шли через заснеженный перевал. Тогда над нами впервые пролетел ледяной дракон. Почти белый на фоне неба, с маленькой тёмной фигурой всадника между крыльями. Я задрал голову и стоял, пока отец не вернулся за мной.

Потом долго убеждал его, что однажды тоже добуду себе такого. Сигил смеялся. Но, кажется, верил.

Между деревьями хрустнула ветка. Я выпрямился и положил ладонь на рукоять. Из леса появилась Играса с двумя зайцами через плечо. Алан проводил её взглядом и снова повернулся к дороге.

— Эд? Тебя поставили?

— До первой смены.

— Хорошо.

Она положила добычу возле котла, присела к ещё горячим углям. На чешуе у локтя присохла земля; Играса соскребла её ногтем и протянула ладони к огню. Хвост устроился на хвое длинной тёмной дугой.

— Хорошо, что все живы.

— Твоя еда — одна из главных причин, по которым стоит жить.

Она усмехнулась, и кончик хвоста приподнялся. Я видел это даже по другую сторону углей.

— Льстишь. Как ты?

— Нормально.

Играса ждала. Я отвернулся к проходу между повозками.

— Хлоя так же считает?

— Хлоя считает, что мне нужно лежать и молчать.

— А ты?

— А я уже не понимаю, чего она хочет. Мы поговорили, вроде всё выяснили. Теперь она меня лечит, ругается и уходит.

Играса повернулась боком, чтобы тоже видеть повозки.

— Ты сам к ней подходил?

— Она каждый день меня перевязывает.

— Я спросила, подходил ли ты.

Я помолчал.

— Собирался.

— Ну вот и подойди. Читать я тебя научила, ложку держать тоже. Разговаривать с Хлоей за тебя не буду.

— Очень полезный совет.

Играса поднялась, смахнула с хвоста хвою.

— В этом ты весь в отца. Ждёте, пока всё само станет понятно.

Она подхватила зайцев и пошла к припасам.

До конца смены ничего не случилось. Одна лошадь долго тянула привязь, пытаясь достать до сосновой ветки. Я поправил верёвку и вернулся на место. Когда пришёл Стелфи, показал ему беспокойную лошадь и передал караул.

Нужно было лечь. Я дошёл до своей лежанки, снял плащ, но саблю так и не отстегнул. Провёл пальцем по обмотке рукояти. После снятых бинтов кожа на запястье неприятно тёрлась о край рукава, зато пальцы сгибались почти свободно.

Пару движений.

Я отошёл к погасшему очагу между телегами, где никому не мешал, и обнажил клинок. Запястье выдержало. Осторожно поднял саблю, сделал короткий выпад. Корпус по привычке развернулся сильнее, чем нужно; пришлось переступить, чтобы не потерять равновесие.

Ещё раз. Уже. Медленнее.

Я попробовал прикрыть левую сторону и сразу вернуться в стойку. Получилось неловко, но ноги не спутались. На следующем движении зануло плечо. Я опустил оружие. Постоял, глядя на тусклую полоску стали, и убрал саблю в ножны.

Оставалась магия.

Я поднял правую ладонь. В слабом свете были видны линии на коже, маленькая ссадина возле большого пальца. Последний раз огонь шёл через другую руку. Я помнил, как перестали сгибаться пальцы, как пришлось вести пламя всем плечом. Память возвращала не только боль: стоило представить поток, и язык прилипал к нёбу.

Сейчас можно было остановиться в любой момент.

Я повторил это про себя и дал мане пройти к ладони. Над ней дрогнул огонёк, вырос до размера ореха. Я погасил его. Разжал пальцы, повернул кисть. Кожа оставалась прежней.

Попробовал снова. Пламя стало чуть больше, свет лег между пальцами, выхватил из темноты обод ближайшего колеса. Я удержал его несколько мгновений и медленно ослабил поток. Огонь опал. Я выдохнул — только теперь заметил, как старательно задерживал дыхание.

Сабля висела у бедра. Когда-то я слышал о школах Фархоны, королевства на Западном континенте. Тамошние бойцы умели проводить магию через оружие. Прежде меня устраивало то, чему учили Виктор и Френсис: пока в одной руке меч, второй можно выпустить огонь. Теперь второй не было.

Я вытащил саблю и направил немного маны в рукоять.

Кожаная обмотка вспыхнула.

— Твою мать!

Я выронил оружие в холодную золу и придавил сапогом тлеющую кожу. Она зашипела; пахнуло гарью. За повозкой послышалось движение.

— Эд? — окликнул Стелфи.

— Всё цело.

Он заглянул между телегами. Под моим сапогом ещё вилась тонкая струйка дыма.

— Скажешь Варику сам.

— Скажу.

Стелфи покачал головой и вернулся на место. Я присел возле сабли. Один виток обмотки лопнул, из-под него торчал обугленный край. Варик точно будет в восторге: свою работу он узнавал даже тогда, когда от неё мало что оставалось.

Металл у основания оставался холодным. Я положил на него два пальца, пропустил немного маны через ладонь и попробовал направить дальше. Под пальцами стало тепло. Дальше ничего не происходило.

Хотелось надавить сильнее. Я убрал руку, дождался, пока клинок остынет, и начал заново. На этот раз следил за узкой полосой металла перед пальцами, пытался протянуть ощущение тепла дальше, не собирая его в одном месте.

У кромки дрогнул огонь. Пополз к острию, на короткое мгновение лёг ровно — и рванул вверх. Я отдёргнул руку и оборвал заклинание. Возле того места, которого касался, сталь тускло покраснела.

Я смотрел, как краснота угасает.

На секунду получилось.

Повторить хотелось немедленно. Пальцы покалывало. Я повертел кисть, проверил ладонь, потом поднёс её к свету ближайшего костра. Ожога не было. Всё равно больше не стал.

Дождавшись, пока сабля остынет, я отряхнул с неё золу и вернулся к лежанке. Стелфи прошёл мимо, задержал взгляд на сабле. Я убрал её в ножны. Только тогда он двинулся дальше.

Шкура остыла. Под затылком кололась хвоя; я расправил плащ, осторожно улёгся на здоровый бок. Стоило закрыть глаза, как возникала ровная полоска пламени. Я снова и снова перебирал движения: здесь подал ману, здесь ослабил, потом коснулся стали чуть дальше. Или не касался?

Когда разбудили на завтрак, казалось, я только задремал.

Лантис опустил лежанки обратно в землю. Люди сворачивали шкуры, Играса раздавала остатки похлёбки. Я ел, придерживая миску коленями, и косился на обгоревшую рукоять.

К Виктору нужно было идти сразу. Пока я ещё хоть что-нибудь помнил.

Отец проверял крепления на передней повозке, когда я подошёл.

— Можно сегодня с Виктором поеду?

— Зачем?

— Хочу спросить про магию.

Сигил посмотрел на меня внимательнее.

— Иди. Только повозку ему не взорви.

Виктор уже сидел на козлах лекарской повозки. Я позвал его, поставил ногу на ступеньку и с его помощью забрался наверх. У заднего борта устроились Хлоя, Играса и Элиза. Между ними стоял ящик с пузырьками, завёрнутыми в лоскуты ткани. Когда я появился, разговор оборвался. Элиза перевела взгляд с Хлои на меня и принялась укладывать очередной флакон.

Я поздоровался, сел рядом с Виктором и положил саблю в ножнах на колени.

— У меня много вопросов.

— С такой фразы обычно начинаются проблемы.

— Как бы ты провёл ману через оружие?

Он опустил глаза на рукоять.

— Что ты сделал?

— Почему сразу я что-то сделал?

Виктор молча показал на обмотку.

Пришлось рассказать. Про огонь над ладонью, сторовевшую кожу и полоску пламени, которая на мгновение удержалась вдоль клинка. Повозка тронулась; я придерживал ножны коленом, пока Виктор вытягивал саблю на ладонь и рассматривал потемневший металл.

— Ты хочешь раскалить её или выпустить через неё огонь?

— Второе.

— А пока у тебя горит рукоять и краснеет сталь.

Он задвинул клинок обратно.

— Я плохо знаком с оружейной магией. В академии рассказывали, как против неё защищаться. Наложить простое зачарование — одно, проводить собственный поток через клинок прямо в бою — другое. Может, им нужны особые сплавы или руны. Я не знаю, как работают мастера Фархоны.

— Один раз пламя легло ровно. На секунду.

— Запомнил, что сделал иначе?

Я открыл рот. Начал было объяснять про положение пальцев, но запутался на втором движении.

— Вот с этим и разбирайся. Не добавляй силы каждый раз, когда что-то не выходит. Сначала научись останавливать опыт до того, как испортишь клинок или руку.

Как вдруг мне прилетел подзатыльник.

— Ты использовал магию? — спросила Хлоя.

Она отставила пузырьки и придвинулась к козлам. Я повернулся на сиденье.

— Немного.

— Покажи ладонь.

— Хлоя, всё...

— Покажи.

Я протянул руку. Она устроила её у себя на коленях, повернула к свету и провела пальцами от запястья к ладони. На ухабе повозку тряхнуло; Хлоя придержала мою кисть, не дав ей удариться о ящик.

— Боль была?

— Нет. Пальцы покалывало. Я сразу остановился.

Она подняла глаза.

— Ты ещё не восстановился. Истощение тормозит лечение. Я не просто так прошу тебя отдыхать.

— Виктор сказал, всё было под контролем.

— Я такого не говорил, — отозвался Виктор.

Элиза коротко хмыкнула. Хлоя даже не повернулась к ней.

— Сегодня никаких опытов.

Я собирался напомнить, что ожога нет. Её пальцы всё ещё лежали на моей ладони; Хлоя ждала ответа.

— Хорошо.

Она отпустила руку.

— Ложись. Ты засыпаешь сидя.

Я перебрался с козел к бортовому сиденью, подложил под здоровое плечо скатанную шкуру. Колёса застучали ровнее. В ящике за спиной тихо звякало стекло; Играса то и дело придерживала его ладонью. Я собирался ещё раз восстановить ночную попытку, но вместо кромки сабли уже видел полоску света между досками — и уснул, не заметив когда.

Проснулся под вечер. Хлоя сидела напротив и смотрела на меня. Я успел улыбнуться раньше, чем она отвела глаза.

— Плечо не затекло?

— Немного.

Она потянулась поправить шкуру у меня за спиной. На этот раз я не стал торопливо садиться и делать вид, что помощь не нужна. Хлоя расправила сбившийся край; я придержал ткань здоровой рукой.

— Спасибо.

Она кивнула и села обратно. Я хотел спросить, что они обсуждали утром. Или просто заговорить о чём-нибудь, кроме лечения. Повозка дёрнулась на камне, и пришлось ухватиться за борт.

За дорогой поднимался склон, поросший редкими соснами. Мы проехали пустую караванную будку. Дверь висела на одной петле, от флага на столбе остался клочок ткани. Возле порога сырую хвою перемешали глубокие следы, слишком широкие для человеческих сапог. Я проводил их взглядом до кустов.

Впереди грохнуло.

Валун проломил борт повозки перед нами. На дорогу посыпались щепки, колесо подломилось, и кузов осел набок. Лошади рванули; натянутые ремни закрипели так, что я услышал их сквозь крики. Виктор обеими руками потянул вожжи.

— Держитесь!

Я ударился коленом о ящик. Хлоя успела придержать его, прежде чем пузырьки высыпались нам под ноги.

— Троль! Справа!

Между соснами двигалась серая туша. Первое мгновение казалось, что со склона сполз кусок скалы. Потом он поднял руку, и я увидел растопыренные пальцы.

Троль был выше двух человек. Плечи и спину покрывали неровные каменные пластины, между ними чернела кожа. На локте торчал обломанный выступ, по груди тянулись старые трещины, забитые землёй. Чудовище нагнулось за вторым валуном.

Виктор вскинул ладонь. Ветви над головой тролля рвануло в сторону. Сосны закрипели, чудовище качнулось и выронило камень. Элиза уже перебиралась к козлам. Виктор передал ей вожжи, соскочил на дорогу и снова поднял руки.

— Лошадей назад! — крикнул отец. — От повозок отойдите!

Хлоя спустилась первой. Я последовал за ней и едва не упал: ноги затекли за время сна. Пришлось ухватиться за борт. За повреждённой повозкой Варик с Ворицом удерживали лошадей; один тянул повод, второй пытался освободить перекошенную упряжь.

Даргин уже соскочил с коня. Сорвал чехол с секиры и шагнул навстречу троллю.

— Ты охуел, каменный хуй?!

Кулак чудовища поднялся над ним. Стелфи коснулся браслета, и вокруг Даргина дрогнула защитная плёнка. Она вспыхнула, когда удар обрушился на подставленное древко.

Даргин отлетел на шаг. Сапоги проскользили по мелким камням; он устоял, но секиру опустил не сразу. Под рубахой у бока темнел край повязки.

— Уводи его от обоза! — приказал Сигил. — Амер, по глазам! Алан, зайди справа!

Тетива щёлкнула. Болт скользнул возле лица тролля, выбил крошку из пластины. Чудовище повернулось на звук. Даргин ударил под колено; лезвие отскочило с таким звоном, что я почувствовал его в зубах.

Отец подбежал с другой стороны. Огонь сорвался с его ладони и ударил в ту же пластину. Сигил удержал пламя, пока троль разворачивался, затем отскочил от взмаха руки. На камне осталось красное пятно.

— Дарг! Туда же!

Секира ударила снова. От нагретого края откололся кусок.

Я стоял возле колеса и сжимал рукоять сабли. Хлоя помогала братьям отвести лошадей. Стелфи держал чары; всякий раз, когда плёнка вспыхивала, его пальцы сильнее стискивали браслет. За повозками Играса кого-то окликнула и велела держаться подальше от склона.

Я мог помочь у обоза. Уже повернулся к лошадям, но троль переступил, и на его колене раскрылась узкая трещина. На миг внутри показалась тёмная кожа, затем края опять сошлись.

Я вспомнил огонь на сабле.

Опустился возле колеса, вытащил оружие и положил на землю. Обгоревшая обмотка зацепилась за большой палец. Я освободил его, коснулся плоской стороны клинка. Под рукой оказалась дорожная пыль; пришлось смахнуть её, прежде чем удалось почувствовать холод стали.

Троль ударил в землю. От толчка сабля дрогнула. Алан прыгнул на опущенную руку, оттолкнулся и вцепился когтями в выступы на спине. Чудовище выпрямилось, пытаясь достать его через плечо.

— Слезь с него, придурок! — заорал Даргин.

Алан метнулся выше, уходя от пальцев. Белая шерсть промелькнула над серым плечом. Когти заскребли между пластинами у загривка, и троль развернулся следом, выворачивая шею. Виктор ударил ветром сбоку, не давая ему повернуть к повозкам.

— Лантис!

Земля под повреждённой ногой провалилась. Троль пошатнулся; ступня ушла в выемку почти по щиколотку. Френсис бросился к нему, но отскочил, когда над дорогой прошла огромная ладонь.

Я подал ману. Клинок под пальцами потеплел. Пламени не было.

Не греть. Провести дальше.

Я ослабил поток. Попробовал повторить ночное движение, протянуть ману вдоль кромки. Под ладонью становилось горячо, и хотелось отнять руку раньше времени. Я следил за металлом, пока у пальцев не дрогнул огонёк. Побежал к острию.

Даргин опять рубанул по трещине. Секира застряла. Он рванул её на себя, и троль ударил его плечом, отбросив в сторону. Древко выскользнуло из рук.

Отец шагнул вперёд, прикрывая Даргина.

— Отойди! — крикнул я.

Сигил повернул голову. Увидел пламя, на мгновение задержался — и отступил от повреждённого колена. Даргин, держась за бок, откатился ещё дальше.

Я убрал пальцы со стали, перехватил саблю за рукоять и поднялся. Огонь не погас. Потянулся за остриём неровной лентой. Я рубанул в сторону трещины.

Пламя сорвалось с лезвия.

Короткий рваный поток ударил в нагретую пластину. Внутри трещины полыхнуло; камень раскололся, открывая кожу под коленом. Из щели выпала секира Даргина.

Я попытался удержать саблю перед собой. Рука опустилась. В груди вдруг стало пусто, и пришлось хватать воздух ртом. Я видел, как отец что-то кричит, но слова разобрал не сразу.

— Туда!

Амер выстрелил в открывшееся место. Троль дёрнулся, пытаясь высвободить ногу. Френсис оказался возле колена и вогнал короткий клинок в рану. Даргин уже поднял секиру. Ударил следом, навалившись всем весом.

Нога подломилась. Алан наверху в последний раз рванул когтями щель у загривка и оглянулся вниз.

— Отходите!

Он спрыгнул со спины, едва успев разжать пальцы. Троль рухнул на дорогу. Удар отдался в подошвах, облако пыли закрыло повозки. Сабля выпала из пальцев. Я осел возле колеса, упираясь ладонью в землю.

Кто-то кричал, проверяя, все ли отошли. Отец приказал не приближаться. В пыли ещё скребли друг о друга каменные пластины. Потом звук стих, и стало слышно лошадь, которая всё никак не могла успокоиться.

Я смотрел на правую кисть. Разгибал пальцы, снова сгибал. Они слушались, только дрожали. Кожа оставалась обычной. Я повернул кисть, проверяя, не проступили ли ожоги.

— Эд.

Хлоя присела рядом. Я не слышал, как она подошла.

— Руку жжёт?

Я покачал головой.

— Плечо?

— Как раньше.

Она взяла меня за запястье. На рукаве у неё была пыль, возле локтя зацепилась щепка. Я ждал ругани. Хлоя подержала пальцы на пульсе, затем положила мою ладонь мне на колено.

— Сиди. Сейчас принесу воды.

— Я могу...

Она посмотрела на меня. Я остался на месте.

Отец подошёл, когда пыль уже осела. Дождался, пока Хлоя вернётся с бурдюком и я попою. Вода была тёплой, с привкусом кожи. Первые глотки я почти не почувствовал.

— Все целы? — спросил Сигил, обернувшись к остальным.

Ответили не сразу. Даргин придерживал бок. Стелфи сидел на обочине, опустив голову, и пытался расстегнуть браслет; Элиза помогла ему справиться с замком. Алан хромал, но уже тянулся рассмотреть место последнего удара секиры. Отец остановил его жестом.

— Сегодня дальше не идём. Чиним колесо и борт. Проверьте лошадей. Играса, посмотри тушу. Что годится в пищу или на продажу — заберём.

Варик выругался, разглядывая расколотую ступицу. Ворик принёс инструменты и сел рядом, не сказав ни слова. Лантис подошёл к повозке; под осевшей стороной медленно поднялась земля, выровняла кузов. Братья сразу полезли к колесу.

Я слушал их и понемногу начинал дышать ровнее. На дороге валялись щепки. Хотелось подняться, хотя бы убрать саблю из-под ног, но Хлоя подхватила её раньше меня и положила рядом.

— Сегодня всё, — сказала она. — Завтра посмотрим, как восстановишься.

Я кивнул. Она ещё раз проверила ладонь и пошла к Даргину. Тот увидел её, выпрямился и сразу пожалел об этом.

На треснувшем камне темнела кровь. Я видел место, куда попал огонь, и пытался вспомнить движение. Когда пламя потянулось за остриём? После того как я убрал пальцы? Когда поднял саблю? Ночью всё оборвалось раньше — почему же теперь удержалось?

Не получалось. Я помнил крик отца, тяжесть рукояти, поворот тролля. Важное мгновение терялось между ними.

— Интересно, — сказал Френсис.

Он стоял рядом и смотрел на клинок. Я попробовал приподнять саблю за рукоять. Запястье заныло; пришлось положить её обратно.

— Вечером расскажешь, как это было. Всё, что помнишь.

— А потом?

— Потом разберёмся, что ты умеешь, а что у тебя случайно получилось.

Он пошёл помогать братьям. Я остался у колеса, рядом с обгоревшей саблей. На тролле был след моего огня. Как повторить удар, я всё ещё не знал.

ГЛАВА 7

Глава 7 Передышка в Орлано

На следующее утро Хлоя разрешила мне немного позаниматься. Сначала осмотрела ладонь, заставила согнуть запястье, потом несколько раз сжать пальцы. Я старался не торопить её и смотрел мимо, на повозку: братья заканчивали крепить новый борт. Светлая доска резко выделялась среди старых, потемневших от дождей.

— Пока пальцы не начнут дрожать, — сказала Хлоя Френсису. — И без подвигов.

— Слышал, Эд? Сегодня обойдёмся без тролля.

На первом привале я положил старую саблю на плоский камень. В щели под ним ветер шевелил сухой лист; тот скрёб по земле, мешая сосредоточиться. Я прижал его сапогом, коснулся стали двумя пальцами и пустил ману.

Клинок потеплел. У кромки дрогнул огонёк, вытянулся — и погас, не добравшись до середины. Я выждал немного, начал снова. На этот раз нагрелось только место под пальцами.

— В бою получилось, — пробормотал я.

— И ты сам не знаешь как. Случайность — не техника.

Френсис сидел напротив на корточках. Не подгонял, не велел добавить силы. От этого было почти хуже: свалить неудачу на него не получалось.

На третьей попытке пальцы дрогнули.

— Хватит.

— Я почти поймал.

Он указал на мою кисть. Я убрал руку с клинка.

Френсис дождался, пока металл остынет, и поднял саблю. Провёл большим пальцем возле обгоревшей обмотки.

— На ней пока закончим. Попробуешь с кинжалом. Клинок короче, легче уследить, куда идёт мана.

Я спрятал саблю. Кинжал, с которым ещё недавно собирался прощаться, снова понадобился — только теперь брать его предстояло правой рукой.

Следующие два дня мы занимались понемногу. Френсис поправлял ноги, заставлял медленно поворачиваться и возвращаться на место. Стоило увлечься, он придерживал меня за край пояса: я опять подавался вперёд всем телом. Огонь с кинжала не срывался. Иногда удавалось согреть сталь до середины; чаще тепло оставалось возле пальцев. Я гасил заклинание, убирал оружие и ждал следующей остановки.

На третий день мы добрались до границы Королевства Вороньих Слёз. Застава стояла у старого каменного моста. Низкая башня, частокол, тяжёлое бревно поперёк дороги; внизу между опорами шумела мутная вода. Над бойницей трепалось тёмное полотнище с серебряной птицей. Такие же птицы блестели на кирасах солдат.

Начальник вышел навстречу с листом в руке. Сверил имена, заглянул за отцовское плечо, пересчитывая повозки, и велел поднять заграждение.

— Из Орлано предупреждали. Вас ждут.

Сигил поблагодарил его. Пока мы проезжали, я смотрел на ближайшего арбалетчика. Тот отступил к стене башни и принялся поправлять ремень. Я успел заметить, что оружие у него не взведено.

За мостом дорога пошла между полями. Крестьяне заканчивали уборку урожая: стаскивали снопы к телегам, подбирали рассыпанные колосья, грузили мешки. От сухой стерни и нагретой земли тянуло теплом. На заборах сушились травы, над крышами поднимался дым.

Я долго следил за ним. Ждал, что за следующим поворотом покажутся чёрные стропила, уцелевшая печь посреди двора. Но дым шёл тонкими ровными струйками из труб. Женщина

вытряхивала солому из корзины. Мальчишка держал за шею гуся и кричал кому-то во дворе, что птица сама на него напала. При нашем приближении никто не бросил работу и не побежал за вилами.

К вечеру показались стены Орлано. Они поднимались по пологому холму; в тёплом свете серый камень казался желтоватым, а в тени у основания уже синел. Над тесными крышами торчала башня графского замка. К западным воротам тянулись телеги, нагруженные сеном и овощами. Нам пришлось немного подождать за возом, с которого свешивалась такая длинная тыквенная плеть, что заднее колесо едва её не затягивало.

Человек в тёмно-зелёном плаще пробрался к Сигилу между лошадьми.

— Господин Сигил. Для вашего отряда приготовлен гостевой двор у стены. Конюшни, навесы для повозок, комнаты. Граф примет вас сегодня.

Отец кивнул и повернулся к нашим.

— Даргин, отведи обоз. Сегодня в город идут ремесленники. Алан и Лантис — с ними. Поможете таскать всё, что эти жадные ублюдки купят на зиму. Остальные погуляют завтра.

— Почему сразу жадные? — спросил Варик.

— Потому что я помню, как ты торговался за металл. Сбил десять монет, а потом ещё четверть часа требовал одиннадцатую.

— Эд, пойдёшь со мной.

У ворот седой стражник выпрямился, приложил кулак к кирасе.

— С возвращением, Сигил.

— Всё ещё здесь?

— Куда я денусь.

Они обменялись короткими улыбками. Отец прошёл дальше, а стражник уже оттеснял от прохода крестьянскую телегу. Я привык, что Сигила узнают. Обычно после этого начинали говорить о долгах, работе или о какой-нибудь старой драке. Здесь ему просто были рады. Хотелось спросить, откуда они знакомы, но из-за домов донеслась музыка, и я отвлёкся.

Праздник урожая ещё не закончился. Между окнами висели ленты и венки из сухих трав. Под ногами хрустела солома, зацеплялась за щели в мостовой. Возле музыкантов дети мешали взрослым танцевать: забегали в круг, выскакивали из-под сцепленных рук и тут же лезли обратно. Над жаровнями поднимался жирный дым. Торговцы предлагали яблоки, сыр, орехи, горячий вишнёвый напиток; от деревянных чаш на прилавке тянуло сладким паром.

У мучной лавки спорили так громко, что продавец напротив вышел послушать. Несколько дней назад я видел женщину возле сторевого дома. Здесь другая женщина ругалась с пекарем из-за маленькой булки. Он доказывал, что булка обычная. Она показывала ему ладонь.

Я невольно улыбнулся и ещё немного постоял рядом, хотя исход спора меня совершенно не касался.

Отец ушёл с человеком графа, велел мне вернуться к воротам до темноты. Стелфи и Лантис свернули к ювелирным лавкам. Братья утащили Алана в кузнечный квартал, уже споря, сколько стали поместится в повозку. Я остался посреди площади и понял, чего хочу больше всего.

Булку.

На прилавке лежали круглые тёплые пышки, присыпанные порошком из сушёного снежноцвета. Он пах мёдом и стоил дорого, поэтому пекарь объяснял каждому, сколько щедрости вложил в сегодняшнюю выпечку. На тёмном переднике у него белели отпечатки пальцев.

Я купил две. Первую съел возле прилавка. Корочка треснула под зубами, мягкая середина ещё хранила печное тепло. На губах осталась сладкая пыль; я слизнул её и уже потянулся за второй, когда вспомнил Хлою.

Отдавать эту расхотелось. Возвращаться за третьей было глупо — я только что отошёл. Я немного постоял и вернулся.

— Ещё одну.

Пекарь усмехнулся.

— Не улыбайся.

— Я ничего не сказал, господин.

Он завернул обе булки в тонкую ткань. Я придержал сумку у края прилавка, пока он укладывал свёрток, и пошёл дальше, стараясь не задевать им встречных.

— Прекрасный плащ, молодой человек.

Мужчина стоял возле открытой тканевой лавки. Сначала я принял его за приезжего лорда: светлый камзол сидел без единой лишней складки, на вороте шла тонкая вышивка, на пальцах блестели два небольших кольца. Рядом с моей запylённой накидкой его одежда казалась только что снятой с вешалки. Он смотрел на серебряный череп у меня под горлом.

— Особенно застёжка. Позвольте взглянуть поближе?

Я повернулся. Мужчина наклонил голову, но трогать плащ не стал.

— Хороший мастер. Даже крепление спрятано так, что не цепляется за ткань.

— Один из наших сделал.

— Передайте ему моё уважение. Вам нравятся черепа, юноша?

Я посмотрел на застёжку. В трещине на нижней челюсти всё ещё темнел старый воск.

— Никогда не задумывался. Плащ мне подарил отец.

— Достойный подарок.

— Вы приехали к графу на праздник?

Мужчина негромко рассмеялся.

— Боюсь, нет. Всего лишь торгую тканями. Родом с юга, хотя эту зиму, похоже, придётся провести здесь. Дороги нынче не располагают к путешествиям.

Он показал на дверь за своей спиной. В глубине лавки виднелись сундуки, а над ними — свёрнутые полотна, от светлых, почти белых, до густо-синих.

— Заходите, если что-нибудь понадобится.

Я приподнял край плаща.

— Отцу как раз нужна новая накидка. Эта раньше была его. Найдётся похожая ткань?

— Думаю, найдётся. Ваш отец — Сигил?

— Откуда вы знаете?

— Алые плащи и серебряные черепа довольно известны среди людей, которым приходится возить дорогой товар.

Его взгляд скользнул к левому плечу. Я отпустил ткань.

— Простите. Я не сразу заметил. Это недавняя рана?

— Достаточно недавняя.

— Тяжёлое начало для молодого человека.

Я уже приготовился услышать про смелость, про то, как мне повезло остаться в живых. Незнакомец не продолжил.

— Зато человек, которого я защищал, остался жив, — сказал я сам. — Все остались.

Торговец провёл большим пальцем вдоль манжеты, расправляя уже ровный край.

— А я не сумел сберечь дорогих мне людей...

С площади донёсся смех. За нашими спинами кто-то окликнул продавца и спросил цену; мужчина у лавки не обернулся. Я смотрел на его руку, всё ещё державшую манжету, и не знал, стоит ли задавать вопросы.

— Мне жаль.

— Благодарю. — Он отпустил рукав. — Приходите с отцом завтра. Подберём ему плащ.

Я попрощался. Через несколько шагов оглянулся: торговец уже разворачивал перед пожилой женщиной образец синей ткани. Она растирала угол между пальцами и недоверчиво качала головой. Он терпеливо ждал, пока она закончит.

У ворот я застал отца, доедая вторую булку. Третья лежала в сумке. Пришлось торопливо проглотить, прежде чем спрашивать:

— Ну что? Какая работа?

— Сопровождаем караван на юг. Купцы хотят уйти до морозов, графу нужен надёжный отряд. Зиму проведём в тепле, весной вернёмся. Если всё пройдёт хорошо, получим ещё один заказ.

— Неплохой расклад.

Мы пошли вдоль стены к гостевому двору. Здесь музыку заслоняли дома; слышались наши шаги да грохот телеги где-то впереди. Отец на ходу убрал за пазуху свёрнутые бумаги. Я несколько раз начинал подбирать слова и бросал: то слишком похоже на жалобу, то будто уже собрал вещи и ухожу.

— Отец, можно попросить тебя об одном деле?

— Говори.

— Я думал об академии. Магической. Если дед ещё жив... он мог бы помочь мне поступить?

Сигил замедлил шаг.

— Давно думаешь?

— Несколько дней. Я хочу учиться. Виктор многое знает, но у него весь отряд на руках. Да и про зачарование он сам говорит, что знает мало.

Отец прошёл ещё немного. Под сапог попался прутик из рассыпавшегося веника; он отвёл его в сторону носком.

— Я тоже об этом думал. Просто не хотел говорить первым.

— Почему?

— Потому что после такой раны последнее, что сын хочет услышать от отца: «Может, тебе пора заняться чем-нибудь другим».

Я усмехнулся.

— Наверное.

Мы остановились, пропуская телегу с пустыми бочками. Они катались по настилу и стучали друг о друга; отец придержал ближайшую, когда возчик слишком круто завернул.

— Напишу, — сказал он, когда стало тише. — Последний раз я видел твоего деда двадцать лет назад. Не обещаю, что ответ придёт быстро. Или что он вообще придёт.

Двадцать лет. Дольше, чем я жил. Я попытался представить человека, к которому отец не возвращался всё это время, и не смог придумать даже лица.

— Понимаю.

— Если передумаешь — скажешь. Пока мы только узнаём, какие есть возможности.

Я кивнул. Впервые за эти дни разговор о будущем не закончился перечислением целей и дворфийских мастеров. Я уже думал о книгах, которые дадут в академии, о людях, у которых смогу спросить про огонь на клинке. Что напишет отец, пока не решался уточнять.

Высокие деревянные ворота гостевого двора стояли открытыми. За ними уже теснились наши повозки. Слева тянулась конюшня, справа — каменное здание с общим залом и комнатами. Над дальней пристройкой клубился белый дым. Кто-то открыл там дверь, выпуская облако пара; запахло мокрым деревом.

— Отец. Это баня?

Он втянул носом воздух.

— Похоже.

И улыбнулся так, что я невольно прибавил шаг.

Даргин уже нашёл кухню и занял место за длинным столом. Ел руками, отодвинув миску поближе к животу. Алан сидел рядом и подозрительно разглядывал кружку. Амер наблюдал за ним с другого конца скамьи.

— Не пей всё сразу.

— Я знаю.

Алан сделал глоток, замер и осторожно поставил кружку. Уши понемногу разошлись в стороны.

Ворик вернулся позже всех. Втащил бочонок вересковой настойки, объявил, что спас вечер, и ещё у порога потребовал освободить стол. Варик застучал кружкой. Даргин смахнул крошки под лавку. Отец велел принести ещё еды и достать выпивку. Потом сел среди остальных. Я давно не слышал, чтобы он так смеялся.

В банной пристройке было две парные и две купели. Мужскую половину от женской отделяла толстая стена. Лантис, разогретый настойкой, приложил ладонь к камню и задумался.

— А ведь чисто теоретически я могу сделать здесь маленькое окно.

Даргин повернулся к нему.

— Сделаешь — девчонки через него тебя и протасят.

— Я всего лишь предложил инженерное решение.

В Лантиса полетело мокрое полотенце. Он убрал ладонь.

— Всё. Проект закрыт.

Я мылся тёплой водой возле купели: Хлоя заранее велела не лезть в самый жар. Черпак приходилось класть на край после каждого движения. По доскам у ног бежала серая вода, с волос капало на колени. Плечо щипало, когда я задевал рубец, но под грязью наконец проступала собственная кожа.

Братья продолжали спорить о купленной стали даже здесь. Даргин запел южную песню, сбился и начал сначала, гораздо громче. Из соседней парной потребовали заткнуться. Он перешёл на шёпот ровно до следующего припева.

Я смеялся вместе со всеми. Слова расплывались в паре, под низким потолком гудели голоса. В какой-то момент понял, что уже давно не прислушиваюсь, как отец разговаривает и не слишком ли тяжело дышит Виктор. Они были здесь. Варик опять не давал Ворику закончить фразу. Можно было просто сидеть и слушать.

К ночи люди разошлись по койкам. Я остался возле печи в общем зале. Чистая рубаха свободно лежала на спине, волосы ещё не высохли; стоило повернуться, как шею холодила мокрая прядь. Я отодвинул её и придвинул лавку ближе к теплу.

Хлоя нашла меня там.

— Я так и знала, что ты не спишь.

— Только не говори про мазь.

Она показала баночку.

Я расстегнул ворот. Хлоя села рядом, осмотрела левое плечо. Рана закрылась, но на месте ожога ещё оставалась неровная розовая полоса. Она осторожно провела пальцем возле края.

— Здесь тянет?

— Уже практически нет.

Мазь холодила кожу. Я смотрел на огонь, уходящий в глубину печи. Иногда по-прежнему казалось, что левая ладонь лежит на колене; взгляд сам опускался, прежде чем я вспоминал.

Хлоя закрыла баночку и потянулась за сумкой.

— Посидишь ещё?

— Я уже закончила.

— Я не про плечо.

Она остановилась. Я полез в поясную сумку и достал свёрток. За день булка сплюснулась с одного края. Сладкая присыпка осталась на ткани; на прежнюю пышку это было похоже только сверху.

— Это тебе. На рынке она была красивее.

Хлоя поставила сумку на пол.

— Она тоже участвовала в мятеже?

— Только в дороге от рынка до двора.

Она взяла булку, повернула, отыскивая уцелевший край. Я всё ещё держал перед собой пустой свёрток.

Я положил ткань на стол. Хотел рассказать, что в тот раз остановился, когда закололо пальцы, но об этом она уже знала. И рукоять я всё-таки сжёг.

с лавки, а вы всё это время будете за мной приглядывать.

Хлоя опустила булку на колени.

После купания её лицо уже не казалось таким усталым. Я привык смотреть на тёмные круги под глазами: посветлели — значит, ей лучше. Хлоя всё ещё держала булку на коленях. Я подвинул к ней свёрток, чтобы крошки не сыпались на чистую рубаху.

— Прости, буду говорить Виктору, если захочу попробовать чего-нибудь нового.

Она кивнула.

— И если заболят пальцы, не жди до утра.

— Хорошо.

Хлоя откусила булку. Некоторое время жевала с таким лицом, что я невольно выпрямился.

— Всё-таки ужасная.

— Отдай.

Она убрала руку.

— Это подарок.

Я усмехнулся и потянул к себе пустую кружку.

— Чаю хочешь?

— Хочу.

В котелке у печи ещё оставалась горячая вода. Я поставил кружку рядом с ним, налил и принёс Хлое, потом сходил за второй. Она достала из сумки немного трав. В воде расправились тёмные листья, поплыл терпкий запах, совсем не похожий на мазь.

Хлоя рассказывала, как Элиза выторговывала у смотрителя ещё полотенец, а тот уверял, что на весь графский двор их выдают меньше, чем на наш отряд. Потом речь зашла об Алане, который, кажется, до сих пор пытался проглотить настойку. Я показал, как он поставил кружку, и Хлоя засмеялась, прикрыв рот ладонью.

Булку мы доели вдвоём. Она сама отломила мне половину. Изредка я косился на сумку с лекарствами у её ног, но Хлоя больше не бралась за неё, пока чай совсем не остыл.

Я проводил её до лестницы и вернулся убрать со стола. За дальним столом сидел отец. Не заметил, когда он пришёл. Перед ним лежал лист с несколькими зачёркнутыми строками. Сигил держал перо над чернильницей и смотрел в бумагу, не написав ни слова за всё время, пока я собирал крошки.

Он поднял глаза, заметил кружки и снова склонился над листом.

Спрашивать я не стал.

Утром Стелфи принёс отцу новую застёжку. Серебряный череп был меньше моего, с аккуратными провалами глазниц и скрытым зажимом. Сигил повертел его у окна, несколько раз нажал на крепление.

— Превосходно.

Я вспомнил торговца.

— Отец, я вчера нашёл, где можно купить ткань для плаща. Сходим?

Он посмотрел на старую накидку, которую носил вместо подаренной мне.

— Можно попробовать.

Сегодня в город отпустили тех, кто вчера оставался при обозе. Братьям разрешили забрать заказанную сталь, а Лантис выпросил у Стелфи подмену. Мы встретили близнецов у кузницы: оба стояли над весами и следили за каждым движением хозяина. Алан придерживал мешок. Одно ухо было повернуто к спорщикам, другое — к улице.

— Ему-то опять зачем? — спросил я.

— Сам предложил. Решил заработать на сладости.

Чуть дальше Играса торговалась за пряности. Перед ней лежали раскрытые полотняные мешочки; она растирала щепотку в пальцах, нюхала и качала головой. Амер вышел из оружейной со связкой болтов, увидел нас, кивнул и почти сразу свернул в переулок.

Лантиса мы нашли у борделя. Он сидел на перевёрнутом ящике, разложив перед собой карты и несколько монет. Напротив устраивался богато одетый мужчина в тёмно-синем плаще. Четверо вооружённых слуг отошли к стене, оставив хозяину место. Прохожие узнавали его, кланялись, но он смотрел только на колоду.

— В прошлый раз вы проиграли мне чудесный меч, Ранни, — говорил Лантис. — Надеюсь, сегодня будет не хуже.

— Сегодня я его отыграю.

— Тогда начнём с ножен.

Дверь за его спиной открылась. На пороге появилась змеелюдка: чёрные волосы, тонкие медные кольца в ушах, тёмно-зелёная чешуя ниже человеческого торса. Её длинное тело с тихим шелестом скользнуло через порог. На плечах лежал алый плащ.

Следом вышел Даргин с голой грудью и довольной рожей. Одна из повязок съехала; он поправлял её, не переставая что-то рассказывать спутнице. Увидел отца — и сразу замолчал.

— Подожди, красавица.

Он забрал у неё кружку, осторожно снял плащ и накинул себе на плечи. Змеелюдка оглядела нас, забрала питьё обратно и скрылась в дверях.

— Виноват, Сигил.

— Отдохнуть я тебе разрешил. Плащ в следующий раз оставь у себя.

— Понял.

Из дверей выглянул Френсис. Увидел нас и только кивнул. Даргин уже снова улыбался.

— Эд, присоединяйся. За качество отвечаю.

— Я пас.

— Я тоже, — сказал отец. — Есть дела.

— Какие вы оба скучные.

Сигил остановился возле игроков.

— Лантис.

— Всё под контролем, Сиг.

Отец посмотрел на алый плащ у него за спиной.

— Проиграешь его — лучше убей себя сам.

Лантис отложил колоду.

— Я понял.

Мы пошли дальше. За спиной почти сразу зашелестели карты.

Лавка торговца тканями была открыта. Над дверью висела узкая вывеска с изображением рулона; внутри, за длинным столом, пожилая портниха проверяла вышивку на синем камзоле. Нитка проходила через ткань с тихим сухим шорохом. От сундуков пахло древесиной, от разложенных полотен — травами, которыми их переслаивали при хранении. После улицы здесь казалось прохладно и очень тихо.

Торговец поднял голову.

— Рад снова вас видеть, юноша. Господин Сигил? Ваша слава путешествует быстрее вас.

— Обычно она приносит больше проблем, чем денег.

— Значит, вам попадались неправильные торговцы.

Отец хмыкнул.

— Посмотрим. Сын сказал, у вас найдётся алое сукно для дорожного плаща.

Мужчина открыл дальний сундук и вынул рулон. Ткань тяжело легла на стол. На верхнем сгибе она была яркой, густо-алой, в складках темнела почти до вишнёвого. Отец сжал край, посмотрел на свет, растёр между пальцами. Я незаметно потрогал свой плащ: у него ворс давно стёрся там, где ткань касалась ножен и ремня.

— Хорошая. Сколько?

— Триста серебряных за материал. Ещё двадцать за нитки и пошив.

— До завтра управитесь? Послезавтра уходим.

Торговец взглянул на портниху. Та отложила камзол, подошла и осмотрела Сигила.

— Если мерки снимем сейчас, к завтрашнему полудню будет готово.

Отец положил на стол застёжку Стелфи.

— С этой.

Портниха проверила крепление. Торговец наклонился ближе.

— Тот же мастер?

— Он самый, — ответил я.

Сигил отсчитал половину денег. Портниха записала сумму и пригласила его за ширму. Я остался возле стола, поглядывая на старую накидку, которую он снял: край у неё был неровный, в одном месте торчала грубая штопка.

— Отправляетесь обратно в Крепакс? — спросил торговец, убирая рулон.

— На юг. С караваном графа.

— Разумно. Я сам собирался в ту сторону, но одну повозку по нынешним дорогам вести слишком дорого.

— Смотря что в ней везти.

Торговец усмехнулся и подхватил упавший конец ткани. Портниха попросила отца выпрямиться. Дальше говорила в основном она, называя мерки и делая пометки на узкой полоске бумаги.

На улице отец направился к площади. Музыканты уже собирались на помосте, хотя до вечера было далеко. Под окнами убирали вчерашнюю солому; метла вздымала пыль, и мы перешли на другую сторону.

За стеклом ювелирной лавки лежал зелёный камень. Солнечный луч освещал одну грань, остальные оставались тёмными. Я прошёл было мимо, вернулся. Цвет напомнил свет в Хлоиных ладонях. Я представил, как он будет смотреться в волосах возле её виска.

— Подождёшь меня?

Отец проследил за моим взглядом.

— Буду у напитков.

Хозяин лавки сидел за прилавком, разбирая мелкие кольца. Я показал на витрину.

— Что за камень?

— Зелёный рубин. Южный. Редкая вещь.

— Сколько?

— Четыреста.

В тени камень был почти цвета мокрой травы. Ювелир подвинул его ближе к окну, и внутри снова зажёгся свет.

Четыреста серебряных. За отцовский плащ вместе с работой просили меньше. Я развязал кошель, заглянул внутрь и снова стянул шнурок.

— Триста пятьдесят.

— Четыреста.

— Он маленький.

— Зато редкий.

Я поправил плащ.

— Посмотри на плащ. Я из Алого отряда.

Ювелир наконец поднял глаза на застёжку.

— Да до пизды мне, какой у тебя плащ. Камень брать будешь?

Я молчал. У ворот отцу отдавали честь, в лавке тканей его узнавали по имени. Здесь оставалось либо уйти, либо отсчитать деньги.

Я открыл кошель.

Монеты легли на прилавок несколькими стопками. Пересчитал их второй раз, хотя и с первого всё было правильно. Ювелир проверил сумму и завернул камень. Маленький свёрток почти ничего не весил; кошель после него стал ощутимо легче.

— Подавись.

Отец ждал с двумя кружками горячего вишнёвого напитка.

— Что покупал?

— Ничего.

Он перевёл взгляд на сумку.

— Даже не начинай.

— Я молчу.

Я взял кружку, отпил и обжёг язык. Пришлось подождать, пока перестанет щипать. Отец пил медленно, глядя на помост, где музыканты никак не могли договориться, с какой песни начать. Кто-то из слушателей уже требовал другую, хотя они ещё не сыграли ни одной.

Во дворе нас перехватил Виктор. Под мышкой он держал толстую книгу в потёртом кожаном переплёте.

— Эд. Нашёл кое-что для тебя.

На обложке было вытеснено: «Предметы и мана. Великий трактат мастера Гаспочера». Уголок кожи отогнулся, открыв светлую основу переплёта; на обрезе темнели следы чужих пальцев. Я прислонил книгу к груди, чтобы раскрыть одной рукой. Виктор придержал её и показал страницу, заложённую ниткой.

— Начни отсюда. Про металлы и удержание формы заклинания.

— Такие книги стоят безумных денег.

— Я взял её в библиотеке графа. Репутация отряда помогла.

— Послезавтра возвращать?

Виктор посмотрел на меня.

— Мы забудем.

— То есть спиздим?

— Если тебя смущает формулировка, библиотека ещё открыта.

Я прижал книгу крепче.

— Не смущает.

Мимо проходил Френсис. Задержавшись, он заглянул мне через плечо.

— Читай. В дороге вернёмся к стойкам. Хлоя сказала, понемногу уже можно.

— Мы и так каждый день занимаемся.

— Пока я учусь понимать, сколько ты выдержишь. Когда полностью восстановишься пощады не будет.

Я сел на лавку у стены и раскрыл трактат.

До вечера удалось разобрать несколько страниц. Гаспочер ссылался на другие свои книги чаще, чем объяснял что-нибудь понятным языком. Я возвращался к началу абзаца, водил паль-

цем по строчке и всякий раз терял смысл где-то между свойствами материала и устойчивостью потока. На полях прежний читатель поставил вопросительный знак. Я уже чувствовал к этому человеку расположение.

Одно стало яснее: горячий клинок ещё не означал, что заклинание прошло через него. Я нашёл Виктора, показал нужное место и рассказал, что получалось на привалах.

Кинжал положили на каменную ступеньку. Я согрел сталь у основания. Виктор попросил ослабить поток и подождать. Тепло ушло дальше; огня не было.

— А ману ты там чувствуешь?

Я замер, прислушиваясь к ощущению под пальцами. Вдоль клинка — ничего. Всё по-прежнему собиралось возле ладони.

— Нет.

Он вернул мне книгу, раскрытую на той же странице.

— Вот это место перечитай. На сегодня достаточно.

Я погасил заклинание. Пальцы ещё слушались; хотелось хотя бы проверить ещё раз. Вместо этого я подождал, пока сталь остынет, убрал кинжал и сел читать. На этот раз вопросительного знака на полях оказалось мало. Я выписал непонятные слова отдельно, чтобы потом спросить о каждом.

Перед сном нашёл Стелфи под навесом. Он сидел над крошечным серебряным механизмом. Свет лампы ложился ему на руки, на мелкие стружки возле локтя. Я не решался заговорить, пока тонкий резец не оторвался от работы.

— Если опять сломал застёжку, я тебя убью.

— На этот раз нет.

Я положил свёрток на край верстака. Стелфи развернул его, поднял камень к лампе и присвистнул.

— Не спрашивай, сколько.

— Не собирался. Я знаю, сколько.

— Сделаешь заколку? Для волос.

Он повертел рубин между пальцами.

— Сделаю.

— К завтрашнему вечеру?

Стелфи медленно опустил руку.

— По старой дружбе? — добавил я.

— По старой дружбе ты мне теперь будешь должен. За оправу тоже.

— Договорились.

Он освободил место среди инструментов, положил камень на чистую ткань и придвинул лампу. Я ушёл, пока он не передумал.

На следующее утро Сигил дождался, пока все сядут за стол, и объявил:

— Завтра на рассвете уходим. Сегодня проверить снаряжение, колёса и лошадей. Кто не успел что-нибудь купить — успевайте. К вечеру хочу видеть всех трезвыми.

Ближе к концу завтрака отец подошёл ко мне.

— Пойдёшь со мной.

— За плащом?

— Сначала к оружейникам.

В мастерской уже были Варик с Вори́ком. Один разговаривал с хозяином, другой проверял на свет лезвие сабли. Под ногами лежали обрезки ремней, на стене висели щиты с ещё не прибитыми умбонами. Из соседней комнаты доносились мерные удары. В этом звоне было что-то домашнее: так братья работали и у нас в лагере.

На лавке у стены лежали тёмный стёганный доспех и открытый стальной шлем. Отец показал на них.

— Примерь.

Это был жак из плотного льняного полотна, простёганного частыми рядами. Под пальцами прощупывалась мягкая подбивка. Полы закрывали верх бёдер, спереди шли завязки. Рядом лежал простой салат без забрала: гладкий край уходил к затылку, лицо оставалось открытым.

— Вы уже успели это сделать?

— Купить, — поправил Варик. — Готовое нашли. Шлем только подбить пришлось.

Я повернулся к отцу.

— Когда ты успел?

— Пока ты ел булки.

Ворик помог мне снять плащ. Хозяин позвал мастера из соседней комнаты; тот появился с иглой, воткнутой в отворот рукава. Я просунул правую руку в рукав жака, наклонил голову. Ворик придерживал доспех за ворот, пока плотная ткань укладывалась на спине.

Слева шов задел чувствительную кожу. Я невольно отвёл плечо.

— Здесь трёт.

Мастер отогнул край и провёл пальцем изнутри.

— Подкладку поправлю. Подними руку.

Я поднял, повернулся, присел. Ткань упиралась под мышкой, но не мешала согнуть локоть. Пустой левый рукав бил по боку; мастер подвернул его и прихватил стежками. Затем распустил несколько нитей у плеча и переложил подкладку.

С верхними завязками я провозился и отпустил их. Ворик уже потянулся помочь.

— Подержи вот здесь.

Он прижал один конец к груди. Я обвёл второй, затянул узел. Со следующими вышло быстрее. Отец ждал у стены, не вмешиваясь. Когда я закончил, подошёл и просунул пальцы под ворот.

— Дышать можешь?

— Пока да.

Салат плотно охватил голову. Я повернулся к Ворику, затем к отцу. Виден был весь стол, дверь сбоку, край окна. Не пришлось поднимать подбородок, чтобы посмотреть прямо.

— Уши слышат? — спросил Варик.

— К сожалению.

Он ухмыльнулся. Ворик закрепил ножны новой сабли на моём поясе. Рукоять была чуть тоньше, чем у старой, гарда — компактнее. Я медленно вытянул клинок. Ладонь охватила его без усилия; после короткого движения остриё вернулось туда, куда я хотел. Запястье выдержало. Проверять, сколько ещё выдержит, я не стал.

В потемневшем зеркале отражался человек в непривычно плотном вороте. Слева ткань легла неровно, и мастер, ещё не убрав иглу, попросил поднять подбородок. Я подчинился. Он закончил шов, разгладил подкладку, дал мне повернуться ещё раз.

Больше не тёрло.

Отец подошёл со снятым плащом. Я не сразу позволил помочь мне раздеться — хотелось ещё немного постоять так, с саблей у бедра. Утром я даже не знал, что сюда придём. А они выбирали шлем, спорили о рукояти, искали доспех, в котором мне предстояло ходить дальше.

— Спасибо, отец.

Он встретился со мной взглядом в зеркале.

— Обноси сначала. Если начнёт натирать — сразу скажи.

Братья обещали принести покупки во двор, когда мастер закончит подгонку. Мы оставили им снаряжение и пошли за плащом.

У торговца всё было готово. Портниха развернула алую ткань и накинула отцу на плечи. Новый череп Стелфи лёг у горла. Сигил застегнул его, поднял руку, прошёлся между столом

и сундуком. Плащ расходился за ним тяжёлыми ровными складками, ещё без дорожной пыли и следов дождя.

— Хорошо сидит.

Портниха поправила ткань на спине. Отец отсчитал оставшиеся деньги; торговец сверился с записью об авансе и убрал монеты. Мы уже направились к двери, когда он окликнул Сигила.

— Господин Сигил. Я подумал о вашем караване. Есть возможность присоединиться?

Отец остановился.

— Куда вам нужно?

— К южному побережью. Товар здесь до весны пролежит, а там ещё можно успеть продать. Обычно я еду через Вольные земли. Хотел остаться на зиму: ради одной повозки отдельную охрану нанимать невыгодно. Но ваш отряд меняет дело.

— Мы тоже пойдём через Вольные. Дальнейший путь обсудим с купцами. Что везёте?

— Одна крытая повозка с тканями. За охрану готов платить пятнадцать серебряных в день.

Отец посмотрел на него внимательнее.

— Обычная цена ниже.

— Остальное — за спокойный сон. Мои ткани стоят дороже.

Сигил чуть усмехнулся.

— Повозку перед выходом осмотрит кто-нибудь из моих. Встанете туда, куда скажут. От колонны не отставать, на привалах без предупреждения не уходить.

— Разумеется.

— Я согласую с человеком графа. Если возражений не будет, вечером передам ответ. Тогда до рассвета ждите у западных ворот.

Торговец слегка поклонился.

— Благодарю. Буду готов.

На улице отец откинул полу нового плаща за плечо. Ткань ещё держала складку от стола.

— Неплохо сходили за накидкой, — сказал я.

— Посмотрим, каков он в дороге.

Во дворе собирали вещи. Под навесами теснились мешки; между ними приходилось протискиваться боком. Играса пересчитывала припасы, Элиза помогала Хлое укладывать травы. Братья крепили купленную сталь в хозяйственной повозке так, чтобы она не била по борту. Мой жак и шлем уже лежали на свёрнутой постели, сабля — рядом.

— Эд.

Стелфи протянул маленькую деревянную коробочку.

Внутри лежала золотая заколка. Зелёный камень сидел между двумя узкими ветвями, похожими на листья. Я повернул коробочку к свету: на тонком золотом крае вспыхнул блик, в глубине рубина снова проступил тот цвет, из-за которого я остановился у витрины.

— Очень красиво.

Стелфи улыбнулся и прикрыл крышку у меня в руке.

— Смотри не потеряй.

— И даже язвить не будешь?

— Иди уже, пока я не припаял к ней череп.

Я убрал подарок в сумку. Хлоя стояла возле повозки и держала раскрытый ящик, пока Элиза перекладывала туда пузырьки. Увидев меня, улыбнулась.

— Плечо не натёр?

— Подкладку поправили.

— Вечером посмотрю.

Я кивнул и остался стоять. Нужно было всего лишь достать коробочку. Сказать: увидел камень и подумал о тебе. Элиза потянулась за следующим свёртком, Хлоя придержала ящик коленом. Я уже положил ладонь на клапан сумки.

— Ты что-то хотел?

— Потом.

Она подождала, но я отступил, пропуская Играсу с корзиной. Хлоя вернулась к пузырькам. Я пошёл помогать Ворику и всю дорогу злился на себя. Булку ведь сумел отдать. Что теперь мешало?

К сумеркам явился посыльный от графского распорядителя. Сигил прочёл записку и отправил мальчишку в лавку тканей: торговцу разрешили присоединиться.

Отец ещё не успел вернуться в общий зал, когда за воротами раздался крик:

— Сигил! А ты говорил, что от моих карт нет пользы!

Во двор вошёл Лантис. За ним двое слуг Ранни вели четырёх лошадей. Высоких, ухоженных, с блестящей шерстью и хорошей упряжью. Одна сразу потянулась к сену, и слуга едва удержал её у ворот.

Отец переводил взгляд с животных на Лантиса.

— Я надеюсь, ты их не украл?

— Выиграл. Ранни сам сел играть.

Слуга передал Сигилу сложенный лист. Отец прочитал, показал Френсису. Тот подошёл к ближайшей лошади, провёл ладонью по шее, осмотрел ноги.

— Хорошие. Очень хорошие.

Лантис сиял.

— Я бы с него и трусы снял, но зима скоро. Пожалел.

Слуга деликатно посмотрел в другую сторону.

— Сверь клейма с бумагой, — велел отец Френсису. — Потом отведите в конюшню.

Он вернул лист.

— Завтра ты занят, Лантис. С Ранни попрощался?

Я засмеялся вместе с остальными. Лантис принялся объяснять, что знает меру; Даргин сразу спросил, случилось ли это до четвёртой лошади или после. Слуги отдавали поводья. Во дворе стало тесно, пришлось отодвинуть ящик, чтобы провести животных под навес.

Я взялся за край и позвал Ворику. Он подхватил с другой стороны; вдвоём мы переставили ящик к стене. Коробочка в сумке упёрлась в бедро. Я проверил, закрыта ли крышка, и пошёл за ножнами, оставленными возле вещей.

Мимо прошёл отец в новом алом плаще. У конюшни Алан уже гладил одну из лошадей, Даргин спорил с Лантисом, кому достанется ворона. Из кухни позвала Играса: ужин остывал. Высоко над стеной темнело небо, и на последних светлых полосах ещё двигались маленькие фигурки караульных.

Передышка закончилась.

На рассвете мы уходили на юг.

ГЛАВА 8

Глава 8 Высокие Холмы Роз

До рассвета оставалось совсем немного, когда за дверью загремели сапоги. Кто-то выругался, уронив вещи на лестнице. Я открыл глаза и ещё полежал, уткнувшись лицом в подушку. За несколько ночей в Орлано я успел привыкнуть к кровати: можно было повернуться, не чувствуя спиной хвойные ветки, набросанные поверх каменной лежанки. На подоконнике серел квадрат окна. Оттуда тянуло холодом, зато под одеялом оставалось тепло, с которым ужасно не хотелось расставаться.

Внизу передвинули лавку. Играса кого-то позвала — по голосу было ясно, что второй раз звать она не собирается.

Я сел, нашарил сапоги и потянул к себе сумку. Большая часть вещей была уложена с вечера. Книга Гаспochера лежала сверху, а под ней — маленькая деревянная коробочка. Я приподнял крышку: зелёный камень в полумраке почти не отличался от тёмной подкладки. Вчера всё собирался выбрать подходящий момент. Сегодня придётся везти этот момент с собой.

В общем зале уже завтракали. Играса стояла над мешком с крупой и не давала Варику поставить на него ящик. Лантис жевал на ходу, продевая ремень в пряжку дорожной сумки. Возле печи Виктор заворачивал книги в промасленную кожу. Он разглаживал каждый угол, прежде чем затянуть шнурок; чужое нетерпение на это занятие не влияло.

— На первом привале посмотришь, что у меня получается? — спросил я.

— Сначала дай до него доехать.

— Это значит да?

Он потянулся за последним томом.

— Это значит: перестань стоять над душой.

Я отступил. Взял у Играсы хлеб, доел возле двери и вышел во двор.

У стены белела от инея трава. Лужа возле водостока затянулась тонким льдом; колесо раздавило его, и тёмная вода выступила поверх осколков. Лошади переступали под навесом, дышали паром в спутанные гривы. Вори́к помог мне затянуть передние завязки жака. Новая подкладка больше не тёрла левое плечо, но жёсткий ворот всё ещё мешал поворачивать голову. Я поправил его, пристегнул саблю, а салат положил на свёрнутую постель в отцовской повозке.

Сигил появился со служащим графа. Тот передал ему кошель и бумаги; отец пересчитал деньги, расписался на подставленной дощечке и подозвал Даргина.

— Двух новых лошадей забирайте с Аланом. Остальных пока поведём в запасе.

Алан уже гладил гнедую по шее. Та повернулась к нему, обнюхала пальцы и принялась искать, нет ли чего-нибудь в ладони. Даргин хотел забрать поводья у соседа, но арконит придержал их.

— Эта моя.

— Да забирай. Другая всё равно лучше.

У ворот ждали купеческие возы. Продавец тканей приехал раньше остальных. Его помощница держала лошадей, пока он открывал Сигилу дверцу фургона. Отец поднялся внутрь, задержался среди рулонов, потом вышел, стряхивая с нового плаща нитку. Торговец подал ему свиток с перечнем товара и что-то уточнил, показав на свою повозку.

Френсис с Амером уехали вперёд. Даргин и Алан заняли места в хвосте колонны, Виктор — ближе к середине, возле целителей. Фургон с тканями поставили следом за отцовской повозкой. Высокий крытый кузов раскачивался на ухабах, но колёса шли ровно, не виляли, и ремни упряжи не болтались под ногами у лошадей.

Караван тронулся, когда над стеной показалось солнце. В воротах пришлось подождать, пока последний воз протиснется мимо каменного столба. Потом шум Орлано остался за спиной, и под колёсами вместо мостовой захрустела прихваченная морозом земля.

У развилки отец остановил колонну. Спустился с козел, подозвал купцов и указал на западную дорогу.

— Делаем крюк, потом поворачиваем на юг.

— Два лишних дня, — сразу сказал один из них. — По восточной ближе до границы.

— По восточной можете потерять больше.

— Время тоже стоит денег, господин Сигил.

Отец посмотрел на него.

— Путь выбираю я. Об этом с графом договорились ещё до выхода. Хотите короче — идите без нас.

Купец обернулся к остальным. Никто не поддержал.

— Крюк так крюк.

— И ещё. При тревоге повозки не бросать. Если велю остановиться — останавливаетесь. Если Даргин велит лечь под колесо — сначала ложитесь, потом спрашиваете зачем.

Он дождался, пока торговцы разойдутся, и вернулся ко мне. Я подвинул его сумку, освобождая место. Сигил взял вожжи; первые телеги уже сворачивали на запад.

За голыми садами городская башня ещё некоторое время оставалась видна. Я следил за ней, пока её не закрыл холм, затем раскрыл книгу на коленях. Найденное у Гаспочера описание манопроводящих предметов занимало меньше страницы. Я прочёл его столько раз, что мог повторить почти дословно. От этого кинжал в моей сумке не становился послушнее.

На первом большом привале я почти добрался до Виктора, но Френсис перехватил меня раньше.

— Куда?

— К Виктору.

— Потом. Начнём с клинков.

Он нёс два старых тренировочных меча. Лезвия были затуплены, гарды исцарапаны; на одной рукояти из-под потемневшей обмотки торчал конец шнура. Мы отошли к свободному месту возле дороги. Под сапогами хрустела сухая стерня, а чуть дальше земля блестела водой, вытоптанная лошадьми. Френсис носком очертил границу.

— Туда не лезь. И без сильного замаха. Посмотрим, как возвращаешься в защиту.

Первые несколько обменов прошли терпимо. Я помнил, где оставлять заднюю ногу, стараясь не тянуться за уходящим клинком. Френсис бил медленно, но каждый раз приходилось по-настоящему искать, чем закрыться. На пятой атаке я увлёкся, вложился в диагональный удар — и получил плоской стороной меча под рёбра.

— Мёртв.

— Я понял.

Начали снова. Я сократил мах, но после удара плечо опять потянуло вперёд. Френсис коснулся моего бока раньше, чем я успел вернуть оружие.

— Опять.

— Да что не так?

— На медленном шаге помнишь. Стоит прибавить — опять дерёшься телом, у которого две руки.

Я опустил меч. Под жакетом стало жарко; у шеи кололся ворс новой рубахи. Хотелось стянуть всё это и попробовать без одежды, которая наверняка тоже мешала. Френсис, будто угадав удобное объяснение, велел повторить движение медленно.

Я шагнул и повёл клинок сверху вниз. Левая сторона корпуса по привычке развернулась следом. Прежде свободная рука уходила назад; теперь я продолжал то же движение и только в самом конце пытался удержать себя правой кистью.

Френсис остановил мой меч своим.

— А мне остаётся шагнуть сюда.

Плоская сталь снова упёрлась в бок.

— Значит, рубить слабее?

— Пока — короче. И возвращать клинок сразу. Попробуем укол.

Я выставил правую ногу и послал остриё вперёд. Френсис отвёл его, заставил вернуться на место. Потом ещё раз. На четвёртой попытке я почувствовал разницу: не пришлось вслед за мечом собирать обратно всё тело. Клинок вернулся прежде, чем наставник дотянулся до моего жака.

— Вот. Уже интереснее.

Я повторил движение без команды. Снова удалось удержаться.

— И что теперь?

— Ноги, дистанцию и защиту отработаем. Но если решишь всерьёз взяться за рапиру, нужен другой мастер. Островной стиль я тебе как следует не поставлю.

— Ты рапирой не умеешь?

— Умею достаточно, чтобы проиграть хорошему рапиристу немного позже, чем плохому.

Я посмотрел на него. Френсис не улыбался.

— Одному было лет шестьдесят. Чуть меня не зарезал. Учить тебя неправильно я не стану, Эд. Лучше немного недоучиться, чем потом год выковыривать из себя дурные привычки.

Он повернул рукоять в ладони, проверяя обмотку.

— Думаю, Сигил не поскупится найти человека. А мы пока займёмся тем, что я знаю.

Я поднял меч, но Френсис уже протянул руку.

— На сегодня хватит.

— Ещё раз.

— Завтра. Кисть береги.

Я разжал пальцы. Рукоять оставила на ладони красную полосу; запястье ныло, однако резкой боли не было. Я отдал оружие. У повозок Френсис позвал Алана, и арконит пошёл ему навстречу, на ходу скидывая плащ. Я оглянулся лишь однажды. Раньше непременно остался бы смотреть, не достанется ли кому-нибудь ещё.

До вечера добраться до Виктора не удалось. На следующей остановке он вместе с близнецами возился с осью купеческой телеги, потом мы долго переходили размытый ручей. Вода темнела под колёсами; лошади останавливались перед крутым выходом на берег, и каждый воз приходилось вытягивать отдельно. К ночлегу солнце уже зацепилось за верхушки леса.

Повозки поставили полукругом на невысоком сухом месте. Я отнёс к костру немного растопки и нашёл Виктора у крайнего колеса. Маг выслушал меня, убрал с ящика кружку и попросил показать всё сначала.

Я положил кинжал на доску, коснулся стали и пустил ману. Клинок согрелся; вдоль края пробежал слабый огонёк. Стоило взяться за рукоять и поднять оружие, как он погас.

— На тролле я сделал почти то же самое, — сказал я. — Только тогда удержалось.

— А сейчас где теряешь поток?

Я показал на гарду.

— Здесь. Пока касаюсь стали — чувствую. Берусь за рукоять — ничего.

Виктор присел рядом.

— Попробуй без огня. Совсем немного.

Я обхватил рукоять. Тепло прошло через ладонь, собралось под пальцами и расплзлось. Я продолжал смотреть на металл, хотя видел только своё искажённое отражение в тёмной полосе у основания.

— Будто пытаюсь налить воду в решето.

Он проверил рукоять, провёл пальцем по стали.

— Может, при движении ты теряешь то, что успеваешь нащупать в покое. Может, сама рукоять мешает. Разберём по частям.

— В бою ждать не будут.

— Поэтому сидим здесь, возле ящика.

Следующую попытку я сделал, не поднимая кисти. Чуть дальше гарды появилась тонкая тёплая полоса. Я обрадовался, прибавил силы, и ощущение исчезло.

— Вот, — сказал Виктор. — Когда сорвалось, заметил?

Я выругался.

— Ругань у тебя стабильнее всего.

Я усмехнулся, начал ещё раз — и вместо клинка вдруг увидел серое колено тролля. Рядом отец, поднимающий меч. Пальцы сами стиснули рукоять.

Виктор придержал меня за запястье.

— Отпусти.

Я погасил огонёк.

— Хотел повторить ощущение.

— Ты испугался и сдал рукоять. Это другое.

Он подождал, пока я разожму пальцы.

— Сильное чувство может дать выброс. Удерживать форму от этого не легче. Тебе ведь нужен удар, который получится и без тролля над головой.

Из лагеря позвала Играса. Виктор поднялся, взял кружку. Я ещё посидел, дожидаясь, пока остынет кинжал, затем убрал его в ножны. В следующий раз нужно было заметить тот миг, когда я сам всё испортил, а не только успеть обрадоваться началу.

Продавец тканей уже сидел возле отца. Играса дала ему миску; торговец поблагодарил, устроил её на колене и принялся слушать спор о Крепаксе. Вокруг огня сохли сапоги. Из сырых поленьев выкипала вода, на торцах выступала пена; временами дым поворачивало прямо на нас, и приходилось пересаживаться вместе с ужином.

— Как думаешь, нам вход не прикроют? — спросил Даргин. — Всё-таки на герцога работали.

— Если понадобятся наёмники, быстро забудут, на кого мы работали. А может, в следующий приезд самого Крепакса на карте уже не будет.

— Мне всё-таки интересно, кто там сядет наверху.

— Не наше дело.

— Пока один из этих правителей не решит, что ему мало деревни и двух мельниц, и не назовёт себя королём.

Торговец поднял глаза от миски.

— Забавная вещь — власть. Одни всю жизнь бегут от неё. Другие готовы утопить соседей в крови ради собственного герба.

— Потому что вторых лучше слышно, — ответил отец.

— А вы, господин Сигил? Никогда не хотели владеть чем-нибудь своим? Землёй, городом... Может быть, королевством?

Сигил рассмеялся.

— Чтобы основать королевство, нужно, чтобы один политический долбоёб переоценил свои возможности, а остальные почему-то пошли за ним.

Даргин едва не подавился хлебом. Отец подождал, пока он прокашляется.

— Если серьёзно — нет. Хватило двора в детстве.

— Вы росли при дворе?

— Отец — герцог. Мать была у него кухаркой. Можешь представить, каким украшением семейной истории оказался бастард от прислуги.

Торговец не отвёл взгляда, как делали некоторые, когда отец говорил подобное.

— Но вы могли остаться.

— Мог. И каждый день смотреть на рожи людей, которые улыбаются, потому что так велит этикет. Нет уж. Здесь хотя бы если тебе рады — то рады по-настоящему. А если хотят убить, тоже обычно не скрывают.

— Романтик, — заметил Даргин.

— Иди нахуй.

Даргин повернулся к торговцу:

— Вот видите? Искренность.

Я засмеялся вместе с остальными. Сигил отпил из кружки; пламя высветило ссадину на костяшке, ещё не до конца затянувшуюся после заставы.

— Раньше думал, до таких лет вообще не доживу. Видно, богам пока не нужен.

— Вы в них верите?

— Когда смотрю на то, что люди устраивают друг другу, иногда думаю: без высшей помощи здесь не обошлось.

Торговец медленно провёл ложкой по дну миски.

— А мне порой кажется, что им просто нет до нас дела.

Отец ничего не ответил. Над костром лопнул сучок, и несколько искр унесло за плечо Даргина. Тот отряхнул плащ.

— Спасибо. Теперь знаю, о чём думать в карауле.

Играса велела ему пока подумать о лошадях: одну так и не отвели к воде. Даргин начал возражать, но миску отставил. Я поднялся следом. За кругом света было холоднее, чем я ожидал. У повозки целителей горел небольшой фонарь, и возле него сидела Хлоя.

На полотне перед Хлоей лежали высушенные корешки. Она переламывала длинные, перебирала мелкие, отбрасывая почерневшие концы. Фонарь освещал её руки и нижнюю часть лица; волосы у виска уходили в тень.

— Садись. Только не на это.

Она подвинула край ткани.

— Что это?

— То, что завтра окажется у тебя в отваре, если плохо себя поведёшь.

Я сел. Коробочка упёрлась в бедро. Можно было достать её сразу, но я дождался, пока Хлоя завяжет мешочек, потом зачем-то спросил, не холодно ли ей.

— Немного. А тебе?

— Огонь греет.

Хлоя повернула голову ко мне.

— Очень плохая шутка, Эдвард.

Я вынул коробочку и поставил на колено.

— Вот. Это тебе.

Хлоя очистила пальцы от трухи, взяла её и откинула крышку. Зелёный рубин поймал свет фонаря. Узкие золотые веточки легли на её ладонь, и я впервые увидел заколку не на тёмной подкладке, а у неё в руках.

Хлоя некоторое время молчала.

— Эдвард... Она стоит как моё жалование за год.

— Зелёный рубин, — зачем-то сказал я.

— Я вижу, что зелёный. Ты совсем с ума сошёл?

— Я увидел камень и подумал о тебе.

Она подняла голову. Я собирался объяснить про свет в её ладонях, про лавку, про то, как торговался и ничего не выторговал. Получалось слишком много слов для маленькой вещи, которую она уже держала.

— Мне хотелось тебе что-нибудь подарить.

Хлоя провела пальцем по одной из золотых веточек. Повернула заколку, осторожно попробовала зажим.

— Красиво.

Она положила её обратно, закрыла крышку и наклонилась ко мне. Губы быстро коснулись щеки. Я почувствовал прохладу её носа, едва заметное дыхание возле уха — и совсем забыл, куда собирался деть руку.

— Спасибо, Эд.

Я кивнул, словно получил обычное поручение, и потянулся к сумке.

— Уже уходишь?

— Я... да нет.

Хлоя поставила коробочку подальше от края, рядом со своей сумкой, и протянула мне пустой мешочек.

— Тогда поддержи. Я досыплю.

Я расправил горловину. Корешки сухо застучали по ткани, от них поднялась пыль с резким горьковатым запахом. Хлоя придерживала мешок снизу, чтобы мне было удобнее. Я следил за её пальцами и старался не рассыпать всё на землю.

Когда мы закончили, фонарь уже начал коптить. Хлоя убавила фитиль, и свет на её лице померк. Я пошёл спать, всё ещё чувствуя на щеке её поцелуй.

Утром я заметил Хлою ещё до завтрака. Вернее, сначала увидел зелёный отблеск: заколка придерживала волосы у виска. Хлоя разговаривала с Играсой, а когда поймала мой взгляд, чуть коснулась золотой веточки. Я улыбнулся раньше, чем успел решить, стоит ли.

После завтрака отец остановился возле нашей повозки.

— Ещё три дня — и Вольные земли. Там держи глаза открытыми, Эд.

— Да, отец.

К полудню иней сошёл. Дорога опять размокла, и колёса начали тащить на ободах тяжёлую грязь. Я читал, придерживая книгу коленом, но на каждом ухабе терял строку. В конце концов закрыл её и смотрел на деревья. Ветер двигался по верхушкам раньше, чем добирался до нас; сухие листья сыпались на тент, шуршали и скатывались за борт.

На привале Френсис заставил повторить вчерашние шаги. До обмена ударами почти не дошло: стоило мне ускориться, как клинок опять задерживался сбоку, оставляя корпус открытым.

— Верни. Не оставляй его у меня. Ещё.

Когда наставник отошёл за водой, к нам подошла Элиза. Она некоторое время наблюдала из-за повозки.

— У нас на островах я видела, как человек с таким замахом угодил мечом в снасть, — сказала она.

— На корабле?

— На палубе. Пока вытаскивал, второй спорщик успел ударить.

Я покосился на оружие.

— Обнадёживаешь не хуже Френсиса.

— Это я ещё хорошо закончившуюся историю рассказала. Тот выжил.

Она забрала у меня тренировочный меч. Я проводил её до повозки, убрал книгу и лёг: вечером предстоял караул, а отец велел отоспаться заранее.

Разбудил меня запах ужина. Я вылез из-под тента, потянулся за плащом и услышал голос торговца. Они с отцом сидели возле главного костра; остальные ещё подходили с мисками.

— Сигил... если бы вы могли вернуть сыну руку, что бы вы отдали?

— Всё.

Отец ответил почти сразу. Я остановился за повозкой. Хотел выйти к ним, но не знал, что сказать. После пирса он редко заговаривал о руке сам: спрашивал, болит ли плечо, разрешила ли Хлоя заниматься. Я привык думать, что он уже занят другим.

Торговец произнёс что-то тише. С противоположной стороны меня окликнула Играса.

— Эд! Еду на пост брать будешь?

Пришлось идти. Оглянувшись, я увидел, что к костру подсел Даргин. Он что-то спросил у отца, и разговор сменился.

Возле котла стояли Хлоя и Элиза. Играса завернула мне хлеб с вяленным мясом, а Элиза посмотрела на заколку.

— У тебя, оказывается, хороший вкус, Эд.

— В еде?

— Исключительно в ней.

Хлоя усмехнулась и подала фонарь.

— Если замёрзнешь, у Играсы останется горячая вода.

Я забрал свёрток. На миг захотелось спросить, слышала ли она, о чём говорил торговец. Но Элиза уже подвинулась к котлу, Хлоя укладывала вещи, и я пошёл к дороге. Отцовское «всё» ещё некоторое время звучало в голове. Я видел его над письмом в Орлано, с пером, которое он никак не решался опустить на бумагу, и мне было неловко оттого, что я услышал чужой разговор.

Первые часы прошли спокойно. Я обходил край стоянки, проверял проходы между телегами и возвращался к фонарю. Здесь свет не мешал смотреть на дорогу, если стоять немного сбоку. За повозками шумели деревья. Иногда в темноте что-то трещало; я замирал и слушал, пока не становилось ясно, что лошадь переступила у привязи или ветка скребёт соседний ствол.

Троих я заметил на открытом участке дороги. Они не прятались. Один нёс короткое копье, у двоих были мечи. На среднем болталась чужая, слишком широкая куртка; он то и дело поправлял пояс, чтобы ножны не били по ноге.

— Глянь. Караван. Вот нам и повезло.

Я отступил от фонаря ещё на шаг.

— Разворачивайтесь.

Средний остановился у полосы света.

— А ты кто такой?

— Часовой. Вы у лагеря Алого отряда.

Копейщик прищурился, разглядывая плащ. Средний смотрел ниже, на пустой рукав.

— Когда в караул ставят калеку, это многое говорит об отряде.

Они разошлись шире. У меня свело живот. За спиной, шагах в десяти, стояли повозки: там двое не смогли бы зайти с боков. Я переставил ногу, выбирая путь назад, и поднял ладонь.

Короткое пламя ударило вверх. Осветило лица, мокрые колеи, кусты у обочины — и погасло.

Пока средний шурился, я вытащил саблю. Копейщик оглянулся на своих.

— Последний раз. Уходите.

Между повозками уже бежал Алан. С другой стороны вышел Даргин, затягивая пояс.

— Мне уже пописать нормально не дают...

Он поднял голову. Троица разом подалась назад.

— Так тут правда Алый отряд? — спросил копейщик.

Даргин остановился.

— Ты что, еблан?

Алан встал рядом со мной. Я всё ещё держал саблю перед собой; пальцы мёрзли на рукояти, и расслабить их сразу не получалось.

— Проваливайте, — сказал Даргин.

Они начали пятиться. Средний уже развернулся, когда Даргин ткнул в него пальцем.

— А ты стой. Пояс хороший. Снимай.

— Что?

— Пояс. Пока штаны вместе с ногами не забрал.

Тот расстегнул пряжку, чуть не уронив меч, и торопливо стянул ремень. Даргин принял его. Через несколько мгновений на дороге никого не было; только впереди, за поворотом, кто-то поскользнулся и выругался.

Алан повернул туда ухо.

— Грязь по щиколотку. Далеко не убегут.

Даргин разглядывал пряжку.

— Хорошая вещь.

— Ты их ради пояса остановил?

— Налог на тупость.

Из лагеря подошла Хлоя, кутаясь в плащ. Я убрал саблю и объяснил, что случилось. Даргин велел Алану проверить соседний пост, а сам отправился к отцу доложить о гостях.

Хлоя осталась у фонаря. В свете было видно, что волосы на затылке примялись: её разбудили.

— Задели?

Я покачал головой.

— Даже бить не пришлось.

— И хорошо.

Она посмотрела на дорогу. Я тоже вслушался. За кустами уже не было слышно ни шагов, ни ругани, но казалось, что стоит отвернуться — кто-нибудь опять появится.

— Когда они разошлись, я подумал, что полезут сразу.

— Я видела сигнал. Потом услышала Даргина и поняла, что можно не бежать.

Я тихо рассмеялся. Хлоя придвинулась к свету, и зелёный камень блеснул у неё в волосах.

— Не мешает? — спросил я.

Она коснулась заколки.

— Если бы мешала, я бы сняла.

— Понятно.

— Мне очень нравится. Так понятнее?

Хлоя улыбнулась. Рассказала, как Элиза пыталась вывести цену, а я — как Стелфи потребовал услугу за работу. Хлоя пожелала удачи с этим долгом и зевнула, прикрыв рот краем плаща.

— Иди спать, — сказал я. — Здесь теперь спокойно.

— Зайди утром. Дам мазь для кисти. После занятий пригодится.

Она ушла. Я ещё раз прошёл вдоль повозок. У следующего поста стоял Алан; увидел меня и махнул рукой. Возвращаясь, я поправил фонарь, чтобы ветер не дул в щель дверцы. Слово «калека» всё ещё вспоминалось, но идти будить кого-нибудь и доказывать, что я мог справиться с тремя сам, уже не хотелось.

Следующее утро я проспал в повозке. Очнулся, когда колёса ударились о камни, и ещё немного лежал, глядя на тент. Над лицом покачивался ремень от свёрнутой попоны. Во рту пересохло; затылок ныл от неудобной позы. Я попил из фляги, сел и достал кинжал.

У основания клинка темнел след прежних опытов. Здесь мана всякий раз собиралась под пальцами и рассеивалась. Я провёл по стали, вспоминая перчатку: борозды на коже, красноватый порошок, тепло, которое с её помощью удавалось удерживать над ладонью. Тогда я почти не замечал работу знака. Меня занимало пламя.

На привале дождался, пока Варик слезет с повозки.

— Если бы тебе понадобилось сделать так, чтобы клинок горел, что бы ты сделал?

— Руну нанёс бы.

— Нанесёшь мне на кинжал?

Он поднял на меня глаза. Улыбка исчезла.

— Нет.

— Я ещё не договорил.

— А я уже делал тебе перчатку. Хватило.

Варик посмотрел на левый рукав, потом взял с борта моток ремня и начал сворачивать его, хотя тот и без того лежал ровно.

— Рука сгорела не из-за тебя.

— Мне от этого легче должно стать?

Я промолчал. Близнец убрал ремень.

— Тебе огненного клинка захотелось?

— Я хочу почувствовать, как руна ведёт ману. Потом попробовать сам. На тролле получилось без неё.

— Значит, пробуй.

Он повернулся к повозке. Я уже открыл рот, чтобы напомнить о лишней чёрной стали, купленной без разрешения отца. Варик слишком хорошо знал это выражение моего лица.

— Только начни.

Я выдохнул.

— А если первую пробу сделать при тебе и Викторе?

Он остановился.

— Виктор знает, что ты придумал?

— Сейчас узнает.

Мы нашли мага возле дорожного колодца. Он помогал купеческому возчику вытянуть тяжёлое ведро. Цепь скрипела; Виктор придержал дужку, отвёл ведро от каменного края и поставил на землю. Только потом взял у меня кинжал.

— Руна может показать, где теряешь поток, — сказал он, разглядывая гарду. — Но если просто начнёшь лить в неё ману, научишься пользоваться руной. Не клинком.

— Понимаю.

— Увидим.

Варик нехотя забрал оружие.

— К вечеру сделаю. Испытаем втроём. Скажем хватит — значит, хватит.

— Договорились.

Он отошёл, затем повернулся снова.

— А про сталь можешь хоть сейчас рассказать. Там была такая цена, что не купить — преступление.

— Думаю, отец оценит объяснение.

— Пошёл ты, Эд.

Возле повозки Хлоя подвинула сумку, освобождая мне место. Я забрался, пока караван ещё стоял, и рассказал про кинжал. Она выслушала, уточнила, будет ли рядом Виктор, и вернулась к книге.

Элиза сидела напротив. Посмотрела на меня, потом на зелёный камень в волосах Хлои.

— Сегодня про драгоценности шутить не буду.

— Спасибо.

— Просто буду молча осуждать.

Хлоя фыркнула. Я устроился у борта, придержал съехавшую сумку, и повозка тронулась. Большую часть дороги мы молчали. Иногда Хлоя поворачивала книгу так, чтобы тень от тента не закрывала текст, иногда я отвлекался на её руку возле страницы. Уходить мне никуда не хотелось.

Вечером Варик принёс кинжал на прогалину за лагерем. День угасал; между голыми стволами ещё просматривалась дорога, а в низине уже белел туман. Виктор выбрал место перед полосой сырой земли и велел встать так, чтобы за остриём не было ни деревьев, ни людей.

Я поднёс кинжал к свету. У основания клинка тянулись тонкие борозды руны. Палец почувствовал их раньше, чем я разглядел весь рисунок.

— Совсем немного, — сказал Виктор.

Я обхватил рукоять. Мана прошла через ладонь, коснулась знака — и на этот раз не рассеялась у гарды. Тепло потянулось вдоль стали. Я вдруг смог различить, где оно собирается, где становится тоньше; чуть изменил поток, и ощущение сдвинулось следом.

— Есть.

— Не дёргайся, — велел Варик.

Вдоль лезвия разгорался небольшой ровный огонь. Я поднял руку. Пламя наклонилось за остриём, но не погасло.

Прежде стоило перехватить оружие, и всё приходилось искать заново. Теперь путь оставался. Я ослабил поток — огонь съёжился. Прибавил совсем чуть-чуть, и он вытянулся снова.

— Я чувствую, куда она идёт.

— Руна ведёт. Для того и нанесена.

Я повторил движение, которым ударил по троллю. С острия сорвалась короткая полоса пламени, пролетела несколько шагов и погасла. В темноте ещё мгновение держался красноватый след.

— Получилось...

Потом я выдохнул громче:

— Есть!

Уже приготовился попробовать снова, но Виктор поднял ладонь.

— Хватит. Если ты, блядь, ещё и вторую руку сожжёшь, Сигил меня задушит. Так что не усердствуй.

Пришлось замолчать. Мана шла вдоль стали; в конце движения я усилил поток — ушёл вперёд, а не обвил рукоять. Я рассказал всё, что успел заметить.

— Теперь медленно.

На этот раз я поспешил. Пламя вздулось у гарды, и Виктор сразу указал туда.

— Здесь.

Я уменьшил поток. Огонь снова вытянулся вдоль лезвия.

Я погасил пламя и передал кинжал Варику. Он проверил металл и обмотку, прежде чем позволил сделать ещё одну пробу. Полоска пламени сорвалась, но исчезла почти сразу. Я опустил руку, прислушиваясь к пальцам: под кожей начинало покалывать.

Варик вернул оружие и пошёл в лагерь. Виктор задержался.

— На сегодня хватит. Осмысли всё, что получилось. Завтра продолжишь.

— Ты всегда так радуешься за учеников?

— Только за одноруких.

Он ушёл. Я остался на прогалине с опущенным кинжалом. Погасший клинок быстро темнел; пахло влажной землёй, а со стороны лагеря тянуло дымом и ужином. Хотелось ещё раз посмотреть на след огня, будто на земле могло остаться объяснение того, что наконец получилось.

Хлоя вышла на тропинку. Я помахал ей свободными пальцами и едва не выронил оружие.

— Видела?

— Последнюю попытку. И слышала, как ты орал.

— У меня получилось!

— Верю. Варик по дороге улыбался. Потом заметил меня и перестал.

Я рассмеялся. Хлоя подошла, посмотрела на кинжал.

— Завтра опять?

— Если кисть не разболится.

Она подняла брови.

— Не смотри так.

Сталь остыла. Я убрал кинжал в закреплённые на поясе ножны и повернулся к ней. На ресницах Хлои блестела влага от тумана. От фонарей за её спиной долетал слабый свет, но здесь лицо было видно едва-едва, и я подошёл ближе, хотя собирался всего лишь рассказать про поток.

— Что? — спросила она.

Я коснулся её талии. Хлоя посмотрела на мою руку, затем сама сделала оставшийся полшага.

Наши губы встретились. Щека у неё была холодная. Ладонь легла мне на шею, и я потянулся к ней снова, забыв всё, что только что собирался объяснять.

Рядом хрустнула ветка.

— Вижу, не терял времени, Эдвард.

Мы отстранились. У дерева стоял Дуглас и держал под уздцы лошадь. На его сапогах засохла грязь; к седлу были приторочены дорожная сумка и знакомый кожаный чехол для карт.

— Дуглас...

Он улыбался. Я действительно был рад его видеть. Просто ещё минуту назад прекрасно обошёлся бы без него.

— Забрал карту, выполнил поручение. По вашим колеям и слепой доберётся. Сигил в лагере?

— У костра, — ответила Хлоя.

— Значит, вернулся я.

— Как раз наоборот.

— Я так и понял.

Он повёл лошадь за нами. По дороге я хотел рассказать, сколько всего случилось после его ухода, но Дуглас взглянул на левое плечо, и слова застряли. Он не стал расспрашивать. Только убрал улыбку и передал поводья Амеру, встретившему нас у повозок.

Сигил поднялся навстречу Дугласу. Они крепко обнялись; отец принял карту и свёрток, быстро осмотрел их и велел ему сначала поесть. Продавец тканей подвинулся, освобождая место у огня. Дуглас сел и сразу потянулся к котлу.

Я достал книгу. На свободном поле записал, что удалось почувствовать: где мана собиралась, когда я ускорил движение, в какой момент отпустил огонь. Почерк вышел кривым. Я всё время смотрел через костёр на Хлою. Она сидела напротив и прятала улыбку за кружкой.

Утром я проснулся раньше остальных. Под тентом было темно; сквозь неплотно стянутый край просачивалась узкая полоска серого света. Я некоторое время лежал, вспоминая вчерашний поцелуй, потом потянулся за флягой. Она оказалась пустой.

В лагере ещё не разговаривали. Под золой тлели угли, у привязи лошадь скребла копытом землю. Я шёл между повозками, осторожно обходя спущенные ремни, и старался не разбудить тех, кто спал у колёс.

Дверца торгового фургона поскрипывала на ветру. Я прошёл мимо, затем вернулся: она оставалась незапертой и на каждом порыве стукалась о косяк.

— Господин?

Никто не ответил. Я придержал дверцу, заглянул внутрь.

За рулонами ткани висел гобелен. Молодая женщина сидела, чуть опустив голову; по её щеке тянулась вышитая серебром слеза. Утренний свет едва касался лица и руки. За плечами чернело небо, в него поднимались голые ветви, а нижняя часть фигуры терялась среди тяжёлых складок ткани.

Я вспомнил слова торговца в Орлано. Неужели это она?

У порога пахло сухими травами и старым деревом. Я поставил ногу на ступеньку, ещё раз позвал. Тишина. Можно было просто прикрыть дверцу, но снаружи никак не удавалось разглядеть лицо целиком. Я вошёл.

Здесь было холоднее. Неподвижный воздух забирался под ворот; я плотнее подтянул плащ и увидел на сундуке раскрытую книгу. Тёмный переплёт растрескался у корешка. По странице сверху вниз шли узкие незнакомые символы, между ними был нарисован человек с разведёнными руками, а рядом — скелет внутри круга.

Я наклонился. Часть знаков вывели тёмно-красными чернилами; на полях теснились маленькие черепа и пересекающиеся линии. Следующий лист чуть загнулся. Я коснулся его, перевернул — и увидел кости, вокруг которых тянулось что-то похожее на мышцы или корни.

У Хлои я видел рисунки человеческого тела. Здесь всё было иначе: слишком много кругов, меток, повторяющихся значков. Я посмотрел на предыдущий разворот. Если читать в одном порядке, человек постепенно терял плоть. В другом — кости обрастали ею заново. Даже с направлением чтения я не мог разобраться.

— Любопытствуете, юноша?

Я резко обернулся. Продавец стоял у входа. За его плечом светлело утро, и после полумрака повозки пришлось прищуриться.

— Вижу, книга вас заинтересовала. Только я ещё не встречал человека, способного прочитать хотя бы одну букву.

Я отнял руку.

— Простите. Дверца была открыта. Я позвал, никто не ответил... Подумал, что что-нибудь случилось.

Торговец посмотрел на книгу.

— И принялись читать?

— Не стоило трогать ваши вещи.

— Не стоило, — согласился он без раздражения.

Он вошёл, положил ладонь на страницу, потом осторожно закрыл переплёт. На краю обложки я заметил потёртое место, где пальцы, наверное, оказывались всякий раз, когда книгу открывали.

— Досталась мне вместе с несколькими старыми тканями. Бывают покупатели, которым подобные вещи интереснее полотна.

Я отступил к двери. Любопытство сменилось стыдом: меня застали в чужом фургоне, за чужой книгой. Объяснение про скрипевшую дверцу от этого не становилось убедительнее.

— Раз с вами всё хорошо, я пойду. Скоро завтрак.

Я уже поставил ногу на ступеньку, но снова посмотрел на гобелен.

— Можно спросить ещё об одном?

— Разумеется.

— Женщина. Почему она плачет?

Торговец повернулся к ткани. Несколько мгновений молчал, потом провёл пальцами по нижнему краю, хотя тот висел ровно.

— Да, — произнёс он наконец. — Действительно грустная.

Мне показалось, что на сам вопрос он не ответит.

— Но вы ведь не знаете, что с ней могло произойти.

— А вы знаете?

Он всё ещё смотрел на вышитое лицо.

— Могу лишь догадываться.

Я подождал, но он больше ничего не сказал.

— Не буду мешать. И ещё раз простите.

Снаружи стало легче дышать. Я аккуратно прикрыл дверцу. У костра уже звенела посуда, кто-то вытряхивал попону; над ней повисло маленькое облако пыли. После неподвижной женщины на тёмной ткани всё это почему-то хотелось рассматривать дольше обычного.

О рисунках стоило спросить Виктора. Он наверняка видел больше книг, чем я, и мог хотя бы сказать, бывают ли такие у врачей. Только пришлось бы объяснить, откуда я их взял. Я отложил разговор, пока не найдутся слова получше, чем «залез посмотреть».

Возле Играсы появилась Хлоя. Улыбнулась мне, указала на пустую флягу. Я кивнул и наконец пошёл к воде. Всё ещё вспоминал серебряную слезу — как она блеснула, когда я сдвинулся у порога, и снова потемнела.

Отец собрал купцов у главного костра. Наши слушали, продолжая сворачивать лагерь; Лантис как раз укладывал в повозку шкуры.

— Сегодня к вечеру выйдем к Высоким холмам Роз. Переночуем в старом замке, если он пуст. Завтра войдём в Вольные земли.

Сигил указал на Лантиса.

— Теперь держись ближе к середине. Если ползет крупная тварь, удержишь рвом или преградой. Остальные успеют развернуться.

Маг кивнул.

— Зимой чудовищ меньше, — продолжил отец. — Но голодная тварь от этого добрее не становится. От повозок без предупреждения не отходить. При нападении выполняете команды моих людей.

— А в замке безопасно? — спросил купец, который возражал против западной дороги.

— Мы там раньше останавливались. Проверим, когда приедем. Пока не скажу — за ворота не входить.

Купец явно надеялся услышать больше, но отец уже подозревал Френсиса. Дуглас развернул карту на крышке сундука и прижал угол кружкой. Я видел только линии дорог и палец Сигила, остановившийся возле ряда мелких значков. Потом карту сложили, и пора было занимать места.

До холмов добрались под вечер. Весь день по сторонам тянулись голые деревья и выцветшая трава. На теневых склонах оставался иней, а там, куда попадало солнце, вода блестела в примятых листьях. Я сидел, спрятав кисть под плащ, и заметил первые цветы лишь тогда, когда повозка пошла в гору.

У самой колеи рос куст белых роз. Колесо задело длинную ветку; она согнулась, скользнула по ободу и выпрямилась, рассыпав на дорогу несколько лепестков.

За подъёмом открылся следующий склон. Потом ещё один.

Розы покрывали холмы до дальних гребней: красные, белые, тёмно-бордовые, почти чёрные в ложбинах. Между кустами желтела осенняя трава, из неё торчали голые сучья. Ветер шевелил цветы и тут же доносил запах мокрых листьев, не давая забыть, какое сейчас время года.

Я бывал здесь прежде. Всё равно придвинулся к краю повозки, чтобы увидеть больше. На освещённом склоне лепестки казались тонкими, прозрачными по краям; в тени кусты сливались в плотные тёмные полосы. Караван замедлился. Даже купцы перестали считать потянувшее время и выглядывали из-под тентов.

По старой легенде, много веков назад здесь сошлись две армии Великой Империи. Людей полегло столько, что потом не смогли сосчитать. Маги выпустили в землю слишком много силы, и она изменилась. Я помнил эту историю с прошлого приезда, но уже не помнил, кто рассказывал её первым. Виктор говорил только, что после больших выбросов маны остаются места, где привычные вещи ведут себя иначе.

Когда повозка остановилась перед крутым участком, я спустился и подошёл к ближайшему кусту. Лепесток оказался мягким, ещё тёплым от солнца. Я отвёл ветку от колеи и задержал пальцы на чашечке цветка. Ветер холодил костяшки, а роза под ладонью ничем не отличалась от летней.

Над следующим холмом поднялся замок. Одной башни не хватало; обломки лежали у стены, густо заросшие кустами. В уцелевших зубцах просвечивало багровое небо. Камень почернел от дождей, длинные стебли оплели оконные проёмы. Пока мы поднимались, очертания крепости делались всё отчётливее, а цветы внизу постепенно теряли краски.

Где-то позади засмеялась Хлоя. Я оглянулся и увидел её между бортом и краем тента. Она разговаривала с Элизой; зелёный камень ещё ловил последний свет. Я снова забрался в повозку. На эту ночь у нас будут стены и крыша — уже хорошо.

Даргин и Френсис первыми прошли через ворота. Мы ждали на дороге, пока они не проверили двор и не махнули остальным. Под аркой колесо попало в выбоину; пустая бочка застучала о борт, и звук долго ходил между стенами.

— Даргин — к задней стене, — распорядился отец. — Виктор — наверх. Френсис, возьми двоих и проверь жилую часть. Купцы пока во дворе. Под стены не лезть, сверху сыплется камень.

Играса взяла лук, оглядела склоны за воротами.

— Посмотрю, есть ли что-нибудь съедобное.

— Далеко не уходи.

Она махнула хвостом и двинулась обратно под арку.

— Эдвард!

Френсис стоял возле входа. Я взял салат, надел его и подошёл. Амер уже ждал у двери с арбалетом.

Внутри пахло сыростью и гниющим деревом. Сквозь выбитые окна падали полосы вечернего света; пыль в них стояла неподвижно, пока мы не проходили мимо. Френсис шёл между нами. Амер проверял двери слева, я — справа. Сабля отодвигала разбухшие створки; иногда приходилось помочь коленом, стараясь не шагнуть в комнату раньше, чем станет видно дальний угол.

За одной дверью лежал сломанный стол. За другой под окном скопилась куча листьев, сквозь которую торчала ножка стула. На полу темнели следы старых потёков. Где-то над головой капала вода, хотя дождя не было уже давно.

На стене коридора сохранился имперский герб. Штукатурка осыпалась вместе с большей частью рисунка; ниже камень испарапали и местами закоптили. В прошлый приезд я ещё мог разобрать его целиком. Теперь остановился, пытаясь восстановить недостающие линии, пока Френсис не позвал дальше.

В конце коридора нашлась небольшая комната с каменным очагом. Узкое окно ещё держалось в раме, дверь закрывалась. Мусора почти не было: пыль, несколько щепок, мокрая полоса возле стены. Я заглянул в очаг и пошевелил заслонку. Сверху сыпалась сажа; в открывшуюся щель потянуло воздухом.

— Себе присматриваешь? — спросил Френсис.

— В общем зале Даргин храпит.

— А здесь замёрзнешь.

Я посмотрел на очаг.

— Попробую растопить.

Френсис пожал плечами. Мы проверили соседнюю комнату и вернулись во двор. Свежих следов в жилой части не нашли. Сигил выслушал, где обвалилась лестница и в каком проходе опасно задевать кладку, затем разрешил заносить вещи.

К ужину замок уже отзывался знакомыми голосами. В главном зале раскладывали постели, во дворе горел костёр. Лошадей завели за стены, купцы занялись своими возами. Я оставил вещи в выбранной комнате, поел и вышел за хворостом.

Среди роз светился фонарь. Рядом сидел продавец тканей. Перед ним стояла металлическая чаша, по сторонам лежали камни и раскрытые свёртки. Он перебирал сухие стебли, отламывал небольшие куски и складывал внутрь.

Увидев меня, торговец поднял голову.

— Опять не спится, юноша?

— Ищу, чем затопить очаг.

— Тогда окажите услугу. Здесь отсырел трут.

Я остановился возле чаши. После утренней книги разложенные травы казались подозрительнее, чем должны были. Похожими сборами Играса окуривала мешки с одеждой; эти пахли резче, смолисто, и запах чувствовался даже поверх роз.

— Для чего это?

— У нас перед зимой принято жечь такие травы. Считается, что холода проходят легче.

— Помогает?

Он посмотрел на чашу.

— Если верить.

Я присел, положил мешок на землю и протянул ладонь. Маленькое пламя коснулось сбора. Стебли затрещали, свернулись, а в глубине огня появился бледный, почти серебряный свет.

Я отдёргнул руку.

— Что это?

— Травы. И немного смолы.

Торговец подвинул чашу ближе. Огонь горел ровно, не выходя за край. Я посмотрел на ладонь, вызвал новую искру. Обычная, оранжевая. Погасил.

— Благодарю вас.

Он склонился над чашей. Я поднял мешок и пошёл вдоль склона. Сухих веток возле роз почти не было; за ними пришлось спуститься к кустарнику под стеной. Я ломал тонкие сучья, складывал в мешок и всякий раз проверял, не взял ли сырую ветку. Запах дыма от чаши ещё долго доносился сверху.

Я отнёс хворост в комнату и вернулся во двор. До сна ещё оставалось время. На сабле не было руны; я вытащил её, встал подальше от прохода и попробовал вспомнить вчерашнее ощущение без подсказки.

Мана собралась у гарды. Я не стал подталкивать её сильнее. Подождал, чуть изменил положение пальцев. Почти до середины клинка протянулась тонкая светлая полоса — и исчезла, как только я поднял оружие.

На второй попытке удалось удержать её дольше. До острия она всё равно не дошла, но я хотя бы чувствовал место, где всё распадается. Раньше оставалось только гадать, почему опять ничего не вышло.

— Эд!

Через двор шла Хлоя. Я погасил слабое свечение и убрал саблю.

— Что-то случилось?

Она остановилась напротив.

— Говорила с Сигилом.

— О чём?

— О нас.

В животе неприятно сжалось.

— Ты ему рассказала?

— Он сам начал. Эд, ты правда думаешь, что никто ничего не замечает?

Я вспомнил Дугласа. Потёр лицо.

— И что сказал?

— Что поможет, если мы захотим уйти. Он знает про академию. У Виктора есть знакомые, он мог бы дать рекомендацию. Потом испытания — если допустят. А я могу работать в городе.

Она говорила быстро. Улыбалась так, будто уже видела и этот город, и улицу, по которой мы пойдём. Я пытался представить их вместе с ней, но вместо чужих домов видел повозки за её спиной.

— Нормальная жизнь, Эд. Я могла бы лечить людей и хотя бы иногда знать, что с ними стало через месяц. Здесь зашиваешь человека, провожаешь обратно в строй и ждёшь, когда принесут снова.

Возле бревна Даргин точил топор. Алан сидел рядом и рассказывал ему что-то, широко разводя руки. У повозки ругались близнецы: один держал охапку дров, второй объяснял, почему именно эти не годятся.

— А как же отряд?

Хлоя замолчала.

— Отец. Все остальные, — добавил я. — Я всю жизнь здесь.

— Знаю.

— Не могу просто собрать вещи и уехать.

Она поправила край плаща, который ветер тянул с плеча.

— Я хочу уйти, Эд. Не обязательно завтра. Но хочу. Мне нужно понимать, хочешь ли ты того же.

— Я сам заговорил с отцом об учёбе.

— Заговорил. А когда появляется возможность, сразу вспоминаешь, почему нельзя.

— Потому что здесь мой дом.

Слова вышли резче, чем я собирался. Хлоя отвернулась на мгновение, потом снова посмотрела на меня.

— А я где во всём этом?

Я открыл рот. Хотел сказать, что она тоже здесь, со мной, возле этих повозок. Но после её слов такой ответ был бы хуже молчания.

— Мне нужно подумать.

— Тогда подумай.

Она повернулась к замку. Я несколько мгновений смотрел вслед, потом догнал у ворот.

— Хлоя, подожди. Я не сказал, что не хочу.

— Я слышала, что ты сказал.

Рядом прошёл купец с охапкой дров. Мы посторонились; пока он протискивался в дверь, я пытался найти слова, которые не прозвучат ещё одним оправданием.

— Давай поговорим позже. Я нашёл комнату с очагом. В конце коридора, справа. Там можно спокойно посидеть.

Хлоя посмотрела на меня.

— Я собирался там спать, — добавил я и сразу почувствовал, как краснею. — То есть ты можешь просто прийти. Поговорим.

Она помолчала.

Потом ушла к Играсе. Я остался у входа, с рукой на ремне ножен. Ни о каком огне больше не думалось.

В коридоре меня встретил отец. Судя по тому, как он ждал у двери выбранной мною комнаты, не случайно.

— Эд.

— Да?

— Я говорил с Хлоей.

— Уже знаю.

— И что ты решил?

Я прислонился спиной к стене. Через рубаху сразу потянуло холодом.

— Не знаю.

Сигил остановился рядом. Из зала донёсся смех Даргина, за ним голос Лантиса. Отец прислушался, словно проверяя, не придётся ли идти разнимать, но остался на месте.

— Я хочу для тебя лучшей жизни.

— А как же ты?

— А что я?

— Отряд. Всё это.

Он помолчал, глядя в сторону света из зала.

— Я сам выбрал свою судьбу. А ты здесь просто родился.

Я опустил глаза на ножны. Под большим пальцем была свежая кожа ремня, ещё не потемневшая от ладоней.

— Ты не выбирал жизнь наёмника, Эдвард. Рос среди нас и привык считать, что другого пути нет.

— Мне здесь нравится.

— Знаю.

Отец положил ладонь мне на здоровое плечо. Некоторое время мы стояли молча. Я слышал, как он дышит; от плаща пахло новой тканью и дымом, который уже успел впитаться за дорогу.

— Получишь образование — сможешь преподавать детям знати. Или поступишь на службу. Может, найдёшь занятие, о котором сейчас не думаешь. Не обязательно всю жизнь лезть с мечом туда, куда пошлют.

— Обычно ты и говоришь, куда идти.

Сигил усмехнулся.

— Вот поэтому пора научиться решать самому.

Я тоже улыбнулся, но сразу стало неловко. Это было правдой. Пока отец командовал, всегда оставалась возможность спорить с его решением, винить его осторожность, ждать разрешения. Сейчас разрешение дали, и я стоял у стены, не зная, что с ним делать.

— Мы всё равно идём на юг, — продолжил Сигил. — Там найдётся корабль. Письмо отцу я отправил ещё из Орлано.

— То самое, над которым ты сидел ночью?

Он кивнул.

— Попросил помочь тебе, если решишь приехать.

— Думаешь, поможет?

— Не знаю, Эд. Слишком давно не разговаривали. Но попробовать стоило.

Он сказал это без привычной усмешки. Я вспомнил лист с зачёркнутыми строками и две кружки, которые убирал со стола. Тогда мне казалось, отец просто заполняет очередную бумагу.

— А если я передумаю?

— Значит, передумаешь. До юга время есть. И испытания всё равно придётся сдавать тебе, а не моему письму.

Отец убрал руку, собираясь уходить, но задержался.

— Ещё одно. Когда отвечаешь только за себя, быть наёмником просто. А когда появляется кто-то ещё, всё меняется.

Он посмотрел в сторону двора, где осталась Хлоя.

— Представь, что однажды она сгинет в битве.

Я уже видел, как клинок вошёл ей в плечо. Представлять почти не потребовалось.

— Можешь сейчас не отвечать, — сказал Сигил. — Подумай.

Он ушёл в зал. За ним потянуло запахом еды; кто-то потребовал у Даргина вернуть кружку. Я постоял ещё немного, потом вошёл в комнату и высыпал хворост возле очага.

Огонь взялся не сразу. Пришлось разобрать слишком плотную кучу, положить тонкие веточки снизу и снова дать искру. Дым повалил в комнату, защищал глаза. Я оставил дверь приоткрытой, пошевелил заслонку; спустя немного времени дым потянуло вверх, и в очаге наконец затрещало.

За сухими поленьями пришлось вернуться во двор. Розы за воротами уже потемнели. Я отнёс дрова, спустился к ближайшему кусту и сорвал несколько цветов. Шип зацепил палец. Я выругался, стряхнул каплю крови и вернулся с букетом, осторожно держа стебли между большим и указательным.

В комнате стало теплее. Я поставил розы в кружку с водой, расстелил спальник и сложил вещи у стены. Жак положил так, чтобы подкладка просохла, салат — рядом. Саблю оставил под рукой.

Хлоя ничего не обещала. Я знал это, но всё равно прислушивался к коридору. Дважды кто-то прошёл мимо. Один раз возле двери остановились и выругались — кажется, Варик искал брата. Потом шаги стихли, голоса из зала стали глуше.

Я лёг на правый бок. Левое плечо немного тянуло; пришлось расправить рубаху под рубцом. В очаге осело полено, по потолку поползли длинные тени. Я смотрел на них, пока глаза не начали слипаться.

Дверь тихо скрипнула.

Хлоя стояла на пороге со свёрнутым спальником. Под плащом виднелась длинная ночная рубашка, волосы свободно лежали на плечах. Заколку она держала в ладони.

— Можно?

Я сел слишком быстро и поморщился.

Она закрыла дверь, положила спальник рядом и сняла плащ. Заметила розы.

— Это мне?

— Если понравятся.

— А если нет?

— Тогда себе нарвал.

Хлоя улыбнулась. Коснулась одного цветка, отвела стебель от края кружки. Заколку положила на сложенный плащ и опустила возле меня.

Некоторое время мы молчали. Из коридора больше не доносилось шагов; где-то за стеной капала вода. Нужно было вернуться к тому, что я не сумел сказать во дворе. Я смотрел на её руку возле шва спальника и всё откладывал начало.

— Я не хотел, чтобы вышло, будто тебя нет в моих планах.

Хлоя повернулась к огню.

— А я не хотела заставлять тебя отвечать сразу. Обрадовалась после разговора с Сигилом. Показалось, что всё уже решилось.

— Я правда хочу учиться. Но когда ты сказала про отъезд... Представил, что они пойдут дальше, а меня с ними не будет.

Она кивнула.

— Мне тоже будет их не хватать.

— Ты всё равно уйдёшь?

Хлоя провела пальцем по шву.

— Хотела бы. С тобой. Остальное пока не знаю.

Я накрыл её ладонь своей.

— Дай мне немного времени.

— Хорошо.

Она посмотрела на меня. Я ожидал ещё какого-нибудь вопроса, но Хлоя придвинулась ближе и поцеловала меня.

Сначала я боялся пошевелиться. Потом коснулся её щеки, провёл пальцами по волосам. Они ещё хранили прохладу коридора. Хлоя положила руку мне на грудь, и скрыть, как колотится сердце, теперь не получилось бы при всём желании.

Я остановился, не зная, куда деть ладонь. Все рассказы Френсиса почему-то оказались бесполезными именно в тот момент, ради которого я когда-то их слушал.

— Что? — тихо спросила Хлоя.

— Я не совсем понимаю, что мне делать.

Она не засмеялась. Взяла мою руку, задержала в своей.

— Тогда не спеши.

Я кивнул. Хлоя поцеловала меня снова; на этот раз я потянулся к ней сам. Она помогла расстегнуть рубашу. Когда ткань задела левое плечо, я остановил её.

— Погоди. Здесь тянет.

Хлоя сразу убрала руку. Я поправил ворот и наклонился, позволяя снять рубашу осторожнее. Воздух коснулся кожи; от очага шло тепло, но со стороны окна всё ещё поддувало.

— Так лучше?

Я поцеловал её первым. Край спального сбилась под локтем, и пришлось ненадолго отстраниться, расправить его. Хлоя тихо рассмеялась, помогла мне устроиться ближе к огню. Эта маленькая заминка почему-то успокоила больше любых слов: можно было остановиться, попросить, неловко повернуться — и ничего не испортить.

Когда Хлоя сняла ночную рубашку и придвинулась, я замер. В неровном свете очага она выглядела иначе, чем днём. Не было ни сумки, ни ремней, ни пятен от трав на рукавах. Распущенные волосы закрывали часть лица. Я заметил, как она отвела глаза, и понял, что Хлоя тоже волнуется.

— Что? — спросила она.

— Ты красивая.

Она некоторое время молчала. Потом коснулась губами моего виска и обняла.

В тот вечер мы перестали возвращаться к разговору об отъезде. Хлоя была рядом, отвечала на мои прикосновения, сама тянулась ближе. Я учился слышать её и говорить, когда неловко мне самому. Постепенно исчезла необходимость мысленно проверять каждое движение.

Позже мы долго лежали молча. В очаге потрескивали угли; ветер время от времени задевал раму. Хлоя устроилась у моего правого плеча. Я обнял её и натянул на нас край спального.

— Я рад, что ты пришла.

Она приподняла голову.

— Уже заметила.

Я усмехнулся. Хлоя провела пальцем по моей щеке, снова легла рядом и вскоре зевнула.

— Теперь спать.

— А если Даргин начнёт храпеть?

— Для этого мы и забрались так далеко.

Из коридора донёсся чей-то кашель. Мы прислушались и тихо рассмеялись. Потом замок затих.

Хлоя засыпала постепенно. Её пальцы ещё двигались у меня на груди, затем замерли. Я чувствовал тяжесть её головы на плече, тёплое дыхание возле шеи. В кружке у очага стояли розы; на золотой веточке заколки дрожал последний отблеск огня.

Я закрыл глаза. Когда Хлоя во сне придвинулась ближе, чуть крепче обнял её и уснул.

ГЛАВА 9

Глава 9 Нежить

Проснувшись, я ещё немного полежал с закрытыми глазами. В очаге потрескивали угли; где-то у окна, за каменной стеной, перекликались птицы. От спальника пахло дымом и травами из Хлоиной сумки. Я протянул руку, рассчитывая нащупать её плечо, и коснулся смятой постели. Ткань ещё хранила тепло.

Хлоя уже встала.

Я повернулся на спину. В щели оконной рамы белело утро. Розы стояли в кружке возле очага: одна за ночь склонила голову, остальные по-прежнему тянулись над краем. Я вспомнил, как Хлоя заметила их у входа, как села рядом. Улыбнулся прежде, чем успел подумать о предстоящей дороге.

Вчера я перебирал причины остаться в отряде. Работа, отец, люди, среди которых вырос. Даже академию представлял как ещё одно поручение: уехать, научиться и вернуться, чтобы наконец встать рядом с остальными без чужой помощи. Теперь почему-то думалось о комнате. Не этой — своей. О книге, которую можно оставить раскрытой на столе и найти вечером там же. О Хлое, которой утром не нужно торопливо собирать сумку.

За стеной протащили что-то тяжёлое. Послышались шаги, затем ругань: отряд готовился уходить.

Я сел. Левое плечо отозвалось знакомой тянущей болью; пришлось расправить рубаху, прежде чем просунуть правую руку в рукав. С первой завязкой жака я провозился дольше обычного. На этот раз даже не выругался. Под подбородком холодил серебряный череп, а в голове складывались слова, которые хотелось сказать Хлое.

В общем зале сворачивали одеяла. Возле двери кто-то затягивал ремни на тюке, придерживая его коленом; по полу тянулся след от мокрого мешка. Из распахнутых ворот потянуло сеном и утренним холодом.

— Я тебя кормлю, скотина! — донеслось со двора. — Могла бы хотя бы не пытаться откусить мне пальцы!

Лошадь громко фыркнула.

— Вот и поговорили!

Я усмехнулся и поискал Хлою. Она стояла у стены, укладывала вещи в сумку. Волосы были собраны; зелёный камень в залке светлел всякий раз, когда она поворачивалась к окну. На рукаве зацепилась сухая травинка. Я снял её.

— Ты куда пропала?

Хлоя подняла голову.

— А ты хочешь до самого юга слушать, как нас подкалывают?

Я представил Даргина. Потом Дугласа. Близнецов можно было уже не представлять.

— Нет.

— Вот и я не хочу.

Она потянулась за ремнём. Я придержал его конец, чтобы не соскользнул с лавки.

— Я решил, Хлоя.

Её пальцы остановились на пряжке.

— Дойдём с отрядом до юга. Закончу работу вместе со всеми. А потом хочу уехать.

— В академию?

— Да. Буду нормально изучать магию. Не выхватывать по странице между привалами. Потом доберёмся до родины отца. Может, даже родственников повидаем.

— Родственников Сигила?

— Ну не могут же там быть абсолютно все мудаками.

Хлоя улыбнулась, но ремень так и не застегнула.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

Я посмотрел на левый рукав, подшитый у бока. В Орлано мастер поправлял его так, чтобы лишняя ткань не мешала.

— В следующий раз тот, кто прикроет меня слева, может не отделаться ранением.

— Эд, ты опять начинаешь.

— Я не только из-за руки. Меч бросать не собираюсь. Просто хочу понять, кем ещё могу быть. Кроме наёмника.

Она дослушала, не перебивая. Затянула ремень, затем накрыла мою ладонь своей.

— Я рада.

— Правда?

— Конечно. И я с тобой.

Я хотел ответить что-нибудь получше, но только улыбнулся. Её пальцы были тёплыми, чуть шершавыми у подушечек. Хлоя сжала мою руку и отпустила: в зал внесли ящик, пришлось посторониться.

Теперь нужно было сказать отцу.

У дороги на камнях ещё держался иней. Розы нависали над побелевшей травой, роняя на неё тяжёлые капли; от цветов тянуло сладким запахом, совсем не подходившим к холодной земле и голым веткам. Я поднял ворот плаща и остановился под аркой, пропуская повозку.

Отец стоял неподалёку с продавцом тканей. Они разговаривали тихо. Пока колесо выбиралось из выбоины, я видел только отцовский новый плащ и светлую манжету торговца. Потом Сигил протянул руку. Продавец пожал её, что-то добавил и двинулся между кустами.

Отойдя на несколько шагов, обернулся.

— Сигил! Мы скоро встретимся вновь!

— Если судьба позволит, — отозвался отец.

Торговец тихо рассмеялся.

— Она обычно позволяет гораздо больше, чем люди от неё хотят.

Он пошёл дальше. Кусты скрыли его по пояс, затем на повороте тропы мелькнул край плаща — и исчез. Я вспомнил женщину на гобелене, серебряную слезу на её щеке. Вчерашний бледный огонь в чаше. Но отец уже повернулся к повозкам, и я поспешил за ним.

Поперёк дороги прошёл Виктор с чехлом для книг под мышкой.

— Вик! Какие испытания при поступлении в академию?

Он остановился. Посмотрел на меня, и на лице появилась улыбка, которую я знал с первых удачных занятий.

— Всё-таки собрался?

— Да.

— Хорошо. Во-первых, обязательно нужно уметь читать.

— Очень смешно.

— Я серьёзно.

— Я умею читать.

— Поэтому первое испытание ты, скорее всего, пройдёшь.

Я закатил глаза. Виктор поправил на груди руну бога ветра; цепочка зацепилась за край чехла, и он высвободил её двумя пальцами.

— Проверят счёт, письмо, немного истории. Потом преобразование маны хотя бы в одну стихию. С огнём ты справишься.

— И всё?

— А чего ты ждал? Что заставят победить дракона?

— Хотя бы не убийцу драконов.

— Сам себя поддѣбываешь? Значит, уже восстановился.

Я вспомнил серую пыль на пирсе и железо, за которым не было видно лица.

— После последнего раза предпочёл бы письменный экзамен.

Улыбка Виктора стала слабее.

— Справишься, Эд.

Он кивнул на кинжал у меня на поясе.

— А если к тому времени закрепшишь то, что получилось с клинком, покажешь и это. Только сперва научись повторять, а не надеяться на удачу.

— Значит, шанс есть?

— Хороший шанс. Порекомендовать тебя мне будет не стыдно.

Я посмотрел на него. Виктор сказал это просто, уже перехватывая чехол поудобнее. У меня же сразу нашлось ещё десятка два вопросов: куда писать, что читать, какие книги взять с собой. Впервые они казались вопросами о настоящем деле, а не о жизни, которую можно только воображать.

— Отцу сказал? — спросил он.

— Сейчас.

— Думаю, он будет рад.

Я пошёл быстрее, потом почти побежал. Сигил стоял за последней повозкой, повернувшись ко мне вполоборота. До него оставалось совсем немного.

Первой исчезла моя тень.

Она лежала на дороге впереди, длинная, с неровным краем плаща. Я сделал шаг — и серый силуэт под сапогами побледнел. Ещё шаг, и его не стало вовсе. Камни оставались светлыми, но солнечный блеск ушёл с них, словно кто-то заслонил небо.

Я поднял голову.

Между облаками расплзалась темнота. Сначала потускнела голубая полоса над башней, затем исчезла соседняя. У пелены не было ни грозового края, ни дымных завитков. Она проступала сразу в нескольких местах, смыкалась над холмами, и ясное утро быстро теряло глубину.

Ветер стих. Край плаща перестал тянуть за шею. По всему склону замерли розы — тысячи цветов, ещё мгновение назад шевелившихся от порывов.

Одна из лошадей вскинула голову. Заржала, дёрнула привязь; рядом затрещала сбруя. Я услышал, как часто бьётся собственное сердце.

— Отец...

Сигил уже смотрел вверх.

— Всем приготовиться!

Даргин сорвал чехол с топора. У ворот зазвенела сталь. Виктор уронил чехол с книгами и поднял ладонь; Лантис ударил сапогом по земле. Возле его ноги вспучилась полоса дёрна.

Купцы стояли у своих повозок, запрокинув головы.

— В замок! — рявкнул отец. — Живо!

Один побежал первым, за ним остальные. Мешок упал под колесо. Кто-то звал женщину, кто-то пытался отцепить лошадь; Сигил оттолкнул возчика к воротам. Я развернулся к арке.

Хлоя осталась внутри. Или уже вышла? Между мной и входом метались люди, и я никак не мог найти светлую одежду.

— Хлоя!

Последнее, что я увидел, — серебряная пряжка на чужом плече.

Затем свет погас.

Я выставил ладонь перед лицом. Не видел даже пальцев. Ни арки, ни башни, ни земли под ногами. Рядом захрипела лошадь, кто-то вскрикнул; я шагнул на звук, ударился коленом о дерево и нащупал край повозки.

— Хлоя!

Ответа не было. Мне показалось, что отец что-то приказывает. Я повернулся туда, где только что слышал его, и схватился за рукоять сабли.

Боль пришла прежде, чем клинок вышел из ножен до конца.

Она разом стянула грудь, спину, ноги. Я разжал пальцы; оружие звякнуло о камень. Попытался вдохнуть — и закричал, ещё не набрав воздуха. Казалось, под кожей натянули тонкие проволоки и теперь тянули в разные стороны. Устоять не получилось. Колени ударились о землю.

— Отец!

Я упёрся правой ладонью в грязь. Пальцы скользнули, ногти заскребли камень. Нужно было отползти, добраться до стены, хоть за что-нибудь ухватиться. Тело повело набок, и я выставил левую руку.

Она удержала меня.

Сначала я не понял. Боль не отпускала, но сквозь неё проступила опора слева: локоть согнулся, плечо приняло вес. Я поднял руку. Во тьме едва различались серые пальцы, длинные, угловатые; между ними ничего не было.

Левая кисть. Костяная.

— Что...

Новый приступ согнул меня к земле. Уже нельзя было понять, где болит сильнее. Рот, плечи, колени перестали ощущаться по отдельности. Я звал Виктора, Даргина, снова отца. Голоса вокруг то приближались, то исчезали; порой казалось, что слышу только свой собственный крик.

Хлоя была в замке. До ворот оставалось несколько шагов. Я пытался удержать эту мысль, пока всё остальное распадалось.

Подтянул колено, протатил себя вперёд. Ладонь попала на камень. Ещё немного. Нужно было добраться туда, где она осталась.

Потом я перестал чувствовать землю.

Надо мной шевелился тёмно-красный бутон. На нижнем лепестке держалась прозрачная капля; она вытянулась, сорвалась и исчезла где-то возле моего лица. Я ждал холодного прикосновения, но ничего не почувствовал.

Розы шелестели на ветру.

Я лежал среди вывороченных стеблей. Между ними просвечивало обычное голубое небо, облако медленно уходило за башню. Не сразу сообразил, что снова вижу. Хотел закрыть глаза от света — и ничего не изменилось.

Тогда попытался вдохнуть.

Грудь не поднялась.

Я резко сел, заранее ожидая боли в плече, кашля, удушья. Ничего этого не было. Я делал то, что всегда называл вдохом, но воздух не входил внутрь. И нехватки воздуха тоже не чувствовалось.

Ладонь легла на грудь. Под рубахой проступали твёрдые дуги. Между ними пальцы ушли слишком глубоко.

Я отдёргнул руку.

В нескольких шагах лежал скелет. Алый плащ сбился под спину, рубаха обвисла на рёбрах. Дальше поднимались ещё трое; один пытался опереться на меч, другой запутался в собственном поясе. Новый, яркий плащ на его плечах был точно таким же, как у отца.

Я начал пятиться. Каблук скользнул по комку земли — за ним ничего не оказалось.

Падение вышибло из головы все мысли. Я рухнул в свежий ров, проехал по мокрому откосу и замер на дне. Должно было заболеть. Вместо этого я лишь понял, что ударился спиной, а нога лежит неловко. Повернул её — послушалась.

Розы нависали над краем вместе с вырванными корнями. На отвесной стенке темнели свежие срезы земли. Лантис всё-таки успел поднять преграду.

Я ухватился за край и увидел свою правую кисть. Белые пальцы обхватили корень. Грязь набилась между костями; браслет Стелфи свободно болтался над запястьем. Я узнал застёжку раньше, чем сумел принять всё остальное.

Отпустил корень. Медленно перевернул ладонь.

Через неё была видна земля.

Слева из-под подшитого рукава торчала вторая кисть. Нитки разошлись, но ткань всё ещё мешала распрямить локоть. Я вытащил руку из складок и поднял перед собой.

Целая. От плеча до кончиков пальцев.

Я согнул их. Сжал кулак, разжал. Движение, которого неделями не получалось даже начать, вышло сразу. Не пришлось помогать правой, не прострелило плечо. Пять пальцев двигались, пока я смотрел на них.

Теперь я снова мог взять кинжал в левую.

Мысль пришла так легко, что я испугался её не меньше собственных костей. Наверху ходили мертвецы в наших плащах. Я сидел во рву, не дышал, не мог найти в груди сердце — и всё равно продолжал сгибать вернувшиеся пальцы.

— Сигил!

Крик донёсся от замка.

Я поднял голову. Над краем рва мелькнул широкий топор.

— Алан! Френсис! Где вы, сука?! Тут полно нежити!

Этот голос я знал.

— Даргин?.. — выговорил я.

И услышал себя. Слова прозвучали отчётливо, хотя я так и не сделал ни одного вдоха.

Наверху зазвенели клинки.

Я подтянулся к краю. Один скелет теснил другого вдоль рва. Тот отбивал удары коротко, почти не отводя локтя от бока, и сразу возвращал остриё между собой и противником. Так работал Френсис. Я смотрел на чужой череп над знакомым движением и никак не мог соединить одно с другим.

Чуть дальше Даргин размахивал топором. Напротив него скелет в новом плаще отступил влево, поднял меч и что-то крикнул. Голос утонул в звоне стали. Между ними попытался пройти третий, получил удар по клинку и отскочил.

Они тоже видели перед собой мертвецов.

Я выбрался на дорогу.

— Стойте!

Даргин снова поднял топор. Френсис повернулся ко мне, но оружия не опустил.

— Да стойте же! Это мы!

Никто не остановился. Я вытащил кинжал правой рукой. Левые пальцы сами легли на плоскую сторону клинка, придерживая его у гарды. На стали проступила тонкая руна Варики.

Мана отозвалась. Я узнал её движение, хотя больше не мог понять, где именно ощущаю поток. Огонь вытянулся вдоль лезвия. От него не шло жара.

Я направил остриё в свободную полосу земли между дерущимися и сделал короткий взмах. Пламя хлестнуло по дороге, встало перед ногами Даргина. Он отшатнулся. С другой стороны подняли меч, прикрываясь от вспышки. Я сразу оборвал поток.

— Не рубите друг друга!

Огонь погас. Несколько лепестков, подхваченных горячим воздухом, медленно опускались между нами. Топор остался поднятым, но Даргин больше не замахивался.

— Эдвард?..

Я повернулся к скелету в новом плаще. Серебряный череп застёжки лежал у него почти на ключицах. Лицо исчезло; голос был отцовский.

— Отец?

— Эд?

Даргин перевёл взгляд с него на меня.

— Сиг?..

— Даргин, опусти топор.

Несколько мгновений тот не двигался. Затем посмотрел на свои пальцы, стиснувшие древко. Поднял свободную руку перед лицом, повертел.

— Ты скелет, — сказал он мне.

— Сам ты скелет.

Даргин опустил голову к рёбрам.

— Блять.

Я издал короткий смешок — почти такой же испуганный, как первый крик. Сигил шагнул ко мне, коснулся моего плеча. Его пальцы прошли по рукаву, задержались на локте, которого ещё утром не было.

Я уже собирался что-то сказать и вдруг вспомнил, кого всё это время искал.

— Где Хлоя?

Отец оглянулся к воротам.

— Не знаю.

Я убрал кинжал и бросился к замку.

— Эдвард!

Останавливаться не стал.

Возле рва лежал Алан. Узнал его по вытянутому черепу и клыкам; от белой шерсти не осталось ничего. Одна рука была подогнута под грудь, другая тянулась к оборванному поводку. Я присел и коснулся его плеча.

— Алан.

Он не шевельнулся. Я потряс сильнее, тут же испугался, что сделал что-то не так. Где теперь искать пульс? На что смотреть? У меня самого грудь не двигалась.

Чуть дальше среди стеблей лежала Играса. Длинный костяной хвост наполовину скрылся под плащом. Неподвижна, как и Алан.

Из замка донёсся удар. Посыпался камень.

— Я сейчас, — сказал я им обоим.

У ворот лежала моя меч. Я узнал новую рукоять и подобрал оружие. Правая держала его как прежде; левая потянулась поддержать ножны, и я на мгновение замешкался. Я побежал в зал.

Купцы лежали там, куда отец велел им спрятаться.

Люди. Обычные тела в дорожной одежде. Один упал возле стены, другой — между тюком и разбитой лавкой. Мужчина у прохода закрывал собой женщину; его рука всё ещё держала край её плаща. Лицо было обращено ко мне. Я узнал купца, который вечером спрашивал, безопасно ли в замке.

На нём не было крови. Даже ворот остался застёгнут.

Я остановился, опустив саблю. Ждал, что он повернёт голову, застонет, хотя бы пошевелится. В открытом окне шуршали сухие листья. Под его сапогом лежал смятый белый лепесток.

Почему они остались людьми, а мы поднялись?

За поворотом хлопнуло сжатым воздухом. В проёме метнулась пыль, ударилась о противоположную стену.

— Вик!

Я побежал на звук. Скелет в коридоре резко развернулся; на костяной шее качнулась руна бога ветра.

— Да сколько же вас здесь?!

— Виктор, это я!

Он уже выбросил руку.

Порыв ударил в грудь и отбросил меня к стене. Сабля скрежетнула по плитам. Я приготовился к боли в спине, но почувствовал только толчок — и собственное тело, слишком легко скользнувшее по полу.

Виктор поднимал вторую ладонь.

— Эдвард! — крикнул я. — Я Эдвард!

Воздух перед ним дрогнул. Голоса оказалось мало. Он смотрел на скелета с обнажённой саблей; ещё несколько минут назад я сам увидел бы только это.

Я перехватил саблю левой рукой, правой вытащил кинжал и поднял его перед собой.

— Руна Варики. Мы испытывали его на прогалине вместе. Ты велел записать, где скрывается поток!

По лезвию пробежало пламя. Я удержал его, не делая взмаха. Свет лёг на знакомый амулет, скользнул по пальцам Виктора.

Его ладонь замерла.

— Эд?..

Я погасил огонь.

— Наконец-то.

Виктор посмотрел на свою руку. Медленно опустил её, повернул ладонью к себе. Из-за воротника осыпалась пыль.

— Какого...

За соседним поворотом вспыхнул зелёный свет.

Я не стал ждать. Убрал кинжал, снова взял саблю правой и побежал дальше. Шаги Виктора зазвучали следом.

Хлоя стояла возле стены. Пустой капюшон сбился на плечи, между костяными пальцами мерцало зелёное сияние. Напротив неё замерла Элиза с поднятым оружием. Я узнал ожерелье у её шеи и только после этого — привычно наклонённую голову.

— Хлоя!

Она повернулась. Свет дрогнул.

— Эдвард?

— Да. Это мы. Не надо.

Я опустил саблю. Хлоя смотрела на меня, задержалась взглядом на левой руке. Потом подняла голову к моему лицу — туда, где оно должно было быть.

— Что за пиздец?.. — тихо спросила она.

И я узнал её окончательно. Не по свету, не по одежде. По тому, как она произнесла эти слова: почти сердито, словно происходящее можно было остановить, если достаточно твёрдо потребовать объяснений.

Элиза отступила на шаг.

— Вы действительно Эдвард и Виктор?

— Да, — сказал маг. — Уберите клинки. Все.

Зелёное сияние погасло. Я вложил саблю в ножны и шагнул к Хлое. Она подалась навстречу, но вдруг остановилась. Поднесла руку к виску.

В другой ладони у неё лежала заколка.

Золотые веточки были целы. В зелёном камне отражалась узкая полоса света из окна. Вчера я долго смотрел, как он меняет цвет среди её волос. Теперь под пальцами Хлои была гладкая кость.

— Я сняла её, — сказала она. — Думала, волосы мешают.

Пальцы прошли от виска к затылку и остановились. Она повернула заколку, словно всё ещё искала, куда её прикрепить.

Я не нашёл ни одного слова.

— Подержи.

Я протянул левую ладонь. Хлоя не сразу положила в неё подарок. Сперва коснулась моих пальцев, осторожно согнула один, затем другой. Привычное движение целительницы. Я помнил её руки у своего обожжённого запястья и смотрел, как теперь встречаются белые фаланги.

— Вернулась?

— Да.

Она кивнула. Заколка легла мне в ладонь. Я сложил пальцы осторожнее, чем когда получил её от Стелфи: теперь не чувствовал, насколько сильно сжимаю оправу.

Хлоя шагнула ближе. Под одеждой негромко стукнулись рёбра.

Я обнял её обеими руками. Правую положил на спину, левую поднял к плечу. Так давно хотел снова суметь это сделать. Теперь мог — и не чувствовал ни тепла под ладонями, ни дыхания возле шеи.

Хлоя стиснула ткань моего плаща. Я держал её, пока она не перестала двигаться; когда попробовал отстраниться, она только крепче вцепилась в сукно.

За спиной Виктор негромко попросил Элизу проверить соседний проход. Они отошли. В коридоре сквозило; край Хлоиноного плаща касался моей ноги, но холод остался где-то снаружи, вместе с тем утром, в котором она ещё сжимала мне руку возле сумки.

Когда Хлоя отстранилась, я раскрыл ладонь. Заколка была цела.

Она убрала её во внутренний карман сумки, затянула шнурок и проверила узел. Только потом подняла голову.

— Пойдём к остальным.

Во дворе Варик стоял с молотом возле повозки. Из-за колеса выглядывал второй скелет.

— Слышь, хуйня! Перестань говорить голосом моего брата!

— Да я и есть твой брат!

— Ага, хуй тебе!

— Варик! Ворик! — заорал я.

Тот резко обернулся и выставил молот. Ворик попытался выйти из-за колеса, но брат сразу повернулся к нему обратно.

— Посмотри на свою руку, — сказал я.

Варик замер. Поднёс молот ближе к лицу, разглядывая пальцы на рукояти. Ворик вышел из-за повозки медленно, с пустыми ладонями перед собой.

— Теперь понял?

Варик опустил молот, но не выпустил. Между ними по-прежнему оставалось несколько шагов.

— К Сигилу, — сказал Виктор.

У ворот, вытянув шею, лежала лошадь. Сбруя сползла набок, одно ухо прижалось к камню. Даргин ещё утром ругался на неё из-за корма. Пришлось переступить через оборванный повод.

Отец ждал у разрушенной стены. Подходившие останавливались друг от друга на расстоянии. Никто не убирал оружие. Без лиц одинаково жуткими казались и те, кто молчал, и те, кто пытался заговорить; я всё время переводил взгляд к плащам, ремням, знакомым пряжкам.

— Пока не поймём, что случилось, считаем, что на нас напали, — сказал Сигил. — Оружие держать наготове. Друг друга больше не рубить.

— Хороший приказ, — отозвался Даргин. — Жаль, минут на десять поздно.

Никто не засмеялся. Он поставил топор рядом с сапогом.

— Проверим каждого. Я называю имя и задаю вопрос. Отвечает только тот, кого назвал.

— Думаешь, эта хуйня может копировать наши голоса?

— Я понятия не имею, что может эта хуйня. Эдвард.

— Здесь.

— Что я сказал тебе, когда ты в детстве стащил мой плащ?

Я посмотрел на застёжку у себя на груди. Вспомнил тяжёлую ткань, волочившуюся по земле, и отца, присевшего передо мной возле костра. Тогда я ждал затрешины.

— Что я забыл взять твой меч. Тогда смог бы командовать вместо тебя.

Сигил кивнул. Только после этого убрал клинок в ножны.

Даргин рассказал о дворянине, которому набил морду после их первой совместной работы. Отец напомнил, что дело происходило возле казарм и закончилось бы виселицей, если бы они вовремя не уехали.

— Подробности, — буркнул Даргин.

Френсис назвал Селелуну, город ликанов, где Сигил искал проводника. Отвечая, он переступил в сторону, освобождая место следующему. Обычный человек сделал бы это не задумываясь. Я всё равно следил за его костяными коленями и никак не мог привыкнуть.

— Виктор. Почему мы ушли со службы при дворе?

Маг помолчал.

— Ты сказал: «Там мы навсегда останемся прихлебаями и людьми второго сорта. А так хотя бы сами сможем распоряжаться своей судьбой».

Отец не ответил сразу. За его спиной ветер перебирал порванный край старого знамени на стене.

— Алан.

Никто не отозвался.

— Алан!

— Возле рва, — сказал я. — Он пока не двигается. Играса тоже. Я пытался...

Я посмотрел на собственную руку. Даже сейчас хотелось сказать, что не нащупал пульса, — и в этом не было никакого смысла.

Сигил повернулся к Френсису и Лантису.

— Перенесёте обоих во двор, под навес. Осторожно. Кто-нибудь пусть остаётся рядом.

Хлою он спросил о вчерашнем разговоре. Она напомнила об академии и о том, что после юга мы могли бы уйти. Я ждал, что Даргин вставит хоть слово, но тот смотрел в сторону рва. Пальцы его стиснули древко.

Амер подошёл от замка и назвал княжество, из которого дезертировал. Элиза рассказала о первом заказе для Сигила: попросила убить прежнего командира. Стелфи ответил, кто были его родители, — отец человек, мать дворфийка. Он говорил тихо; одну руку всё время держал поверх другой, закрывая пальцы, будто стеснялся показывать их.

— Как вообще можно было отъебать бородатую бабу? — сказал Даргин.

— Закрой ебало, свинья, — рявкнул Стелфи. — Не у всех дворфийских женщин есть борода

Отставить ругань сказал отец

— Дуглас!

— Дуглас, шлюхин сын, ты где?! — поддержал Даргин.

Из рва показалась рука. Дуглас выбрался, сел на краю и посмотрел в нашу сторону.

— Иди нахуй, Даргин.

— Это он.

— Всё равно проверим, — сказал отец. — Дуглас, что ты сказал при нашей первой встрече?

— Что не дам тебе выебать мою сестру. Что сниму скальп. Потом ещё грозился вырвать язык.

Он принялся стряхивать землю с рукава.

— А потом родился Эдвард.

Я перевёл взгляд на отца. Сигил уже поворачивался к следующему.

— Дуглас подтверждён. Ворик.

Близнец вышел вперёд. Варик остался позади него, всё ещё с молотом в руке.

— Почему ты оказался со мной?

Ворик сцепил пальцы. Ответил не сразу.

— Я совершил ошибку. Неправильно нанёс руны защиты от огня на доспех. Из-за меня погиб хороший человек.

Варик перестал шевелиться. Молот медленно опустился вдоль ноги.

Отец кивнул Ворику, затем посмотрел на брата.

— А ты?

— Последовал за братом.

Когда Ворик вернулся на место, Варик отступил, пропуская его, и встал рядом. Больше не всматривался в чужой череп, не спрашивал, точно ли перед ним брат.

Лантис признался, что перед встречей с Сигилом проиграл себя в карты и батрачил на руднике в Восточной Федерации.

Переключка закончилась. Я знал эти истории — не все, но многие слышал у костров. Теперь каждый ответ позволял подойти чуть ближе к тому, кто говорил. Люди понемногу переставали держать оружие между собой.

Только Алан и Играса всё ещё молчали.

— Купцы мертвы, — сказал я.

Виктор повернулся ко мне.

— Все?

— Которых видел — да. Лежат внутри. Там, куда им велели бежать.

— Раны?

— Нет. Крови тоже нет.

Он оглянулся на замок, затем присел и провёл ладонью над землёй. Я смотрел на его пальцы. Ещё вчера по ним можно было понять, насколько он устал: подрагивали, плохо слушались. Теперь между белыми костями просвечивали травинки.

— Здесь остался огромный фон маны, — сказал Виктор.

Сигил подошёл ближе.

— Насколько огромный?

— Я никогда такого не чувствовал.

Виктор коснулся земли, задержал руку и поднялся. На коленях осталась грязь; он даже не попытался стряхнуть её.

— Выброс мог убить купцов?

— Думаю, да. Если через человека прошло столько силы, ему хватило бы и меньшего.

— А мы?

Я поднял руку. Виктор долго смотрел на неё.

— Вот этого я не понимаю.

— Предположение, — сказал отец.

Маг перевёл взгляд к мёртвой лошади у ворот.

— Мы были там же, где они. Нас должно было убить вместе с остальными.

— Может, и убило, — отозвалась Элиза.

Никто не возразил. Я попробовал привычно сглотнуть и ощутил только движение нижней челюсти.

— Но мы разговариваем, — продолжил Виктор. — Помним себя. Значит, либо нас что-то защитило...

— Либо?

— Либо всё это предназначалось именно нам.

Даргин крепче взялся за топор. Стелфи что-то спросил одновременно с Элизой; отец поднял руку, прерывая обоих.

— Проклятие?

— Похоже. Утверждать пока не буду.

Я вспомнил светлую манжету. Рукопожатие возле дороги, которое видел из-под арки.

— Продавец.

Сигил повернулся.

— Что продавец?

— Перед тем как стемнело, вы пожали друг другу руки. Он сказал, что мы скоро встретимся снова.

Отец помолчал.

— Было.

— А сам он где? — спросил Даргин.

Мы посмотрели к дороге. На месте высокого фургона остались примятые кусты и две глубокие колеи. Его крыша прежде торчала над нашими тентами; теперь ничто не заслоняло склон.

— Кто-нибудь видел его после того, как начало меняться небо? — спросил Сигил.

Никто не ответил.

— Помощницу?

Тоже тишина.

Виктор встал напротив меня.

— Что ты ещё знаешь, Эд?

Я вспомнил холод внутри фургона. Раскрытую книгу на сундуке. Костяные фигуры, которые вчера разглядывал с таким любопытством.

— У него были странные вещи. Книга. Я заходил в повозку, пока его не было. Там на рисунках...

Я посмотрел на собственную кисть и договорил:

— Скелеты. Внутри круга. На других страницах кости как будто обрастали плотью. Или наоборот — человек превращался в кости. Я не понял, в каком порядке смотреть.

— Почему раньше не сказал? — спросил отец.

— Сказал бы что? Что торговец возит старую книгу?

Ответ вышел резче, чем я хотел. Я помнил, почему не спросил Виктора: пришлось бы объяснять, как оказался в чужом фургоне и зачем трогал чужие вещи. Тогда это казалось неприятнее, чем отложить разговор до следующего привала.

— Я не смог прочитать, — добавил я уже тише. — Он сказал, что купил её со старыми тканями. Продавать собирался.

— Какие знаки? — спросил Виктор.

— Узкие. Строки сверху вниз. Между рисунками много пересечений, маленьких символов. Часть красными чернилами.

— Руны?

— Не знаю. Мне такие не попадались.

Стелфи перестал тереть пальцы друг о друга и прислушался. Я пытался вспомнить стра- ницу точнее, но видел только круг и человеческую фигуру. Чем сильнее старался, тем больше к ним примешивались наши собственные кости.

— Что ещё? — спросил отец.

— Гобелен. Женщина с серебряной слезой. Он смотрел на неё так...

Я запнулся. Рассказать о рисунке было легче, чем объяснить чужое лицо, которого теперь не было рядом.

— А вчера на холмах он жёг травы. Попросил помочь. Я дал огонь, и тот стал бледным, почти серебряным.

Виктор резко повернулся.

— Твоё пламя?

— В чаше. Над ладонью потом была обычная искра. Он сказал, что всё из-за трав и смолы. Маг посмотрел туда, куда ушёл торговец.

— Некоторые сборы могут менять свойства преобразованной маны.

— Значит, он не соврал?

— Это значит, что я не знаю, что лежало у него в чаше.

Отец смотрел на мою левую руку. Я невольно разжал пальцы.

«Всё».

Он сказал это у костра, когда торговец спросил о руке. Тогда я остановился за повозкой и не решился подойти. Что продавец ответил потом, так и не расслышал. Теперь я снова видел их двоих у огня: отца с кружкой и человека в аккуратном камзоле, который терпеливо задавал вопросы.

Рука была на месте. От этого воспоминание стало ещё страшнее.

— Думаешь, это сделал он? — спросил Сигил.

Я поднял голову.

— Не знаю. Но он исчез. А в его книге было вот это.

Я показал на свои рёбра. Никто не назвал это совпадением.

За холмами протянулся низкий гул.

Он шёл будто из-под земли: не громкий, но такой глубокий, что я заметил, как мелкие камни у сапог покатались в щели. Из разрушенной стены посыпалась сухая крошка. Даргин развернулся к склону с поднятым топором.

— Да что ни день, то праздник, блять.

Сигил уже показывал на ворота.

— В замок.

— А это? — Френсис, вернувшийся от навеса, кивнул в сторону гула.

— Сначала укроемся. Снаружи мы даже не знаем, за чем смотреть.

Мы пошли к воротам. Гул стих так же неожиданно, как начался. Снова было слышно только шорох роз и шаги.

— Виктор, — тихо позвала Элиза.

Он обернулся.

— Мы вообще мёртвые?

Маг посмотрел на собственную ладонь. Согнул пальцы, провёл большим по костяшке указательного.

— Не знаю.

Отец остановился под аркой.

— Значит, выясним.

Даргин задержался возле лошади. Присел, коснулся шеи там, где ещё недавно тянулся за поводом. Его рука замерла. Он не позвал ни Хлою, ни кого-нибудь другого; только снял с морды перекрученный ремень и отложил на камень. Потом поднялся и пошёл вслед за нами.

В зале всё осталось по-прежнему. Мужчина у прохода закрывал собой женщину. Одна из её ладоней лежала на виду; на пальце блестело тонкое кольцо.

Хлоя остановилась. Опустилась рядом, взяла мужчину за запястье. Переложила пальцы, как делала сотни раз, когда к ней приносили раненых. Я стоял над ней и ждал. Теперь не понимал даже того, могла ли она что-нибудь почувствовать.

Хлоя осторожно вернула руку на пол.

— Пойдём.

Мы прошли в соседний зал. Отец остановился посреди комнаты. За выбитым окном шевелилась ветка розы; от неё на плиты ложилась резкая тень. Я следил за этой тенью, пока не понял, что все ждут приказа, а Сигил молчит.

Он поднял ладонь к подбородку. По привычке провёл там, где была щетина. Пальцы замерли на кости.

— Мне надо подумать.

Даргин прислонил топор к стене. Виктор остался возле стола. Хлоя стояла рядом со мной; я взял её за руку, и она ответила, переплетя пальцы с моими.

Вернулся Френсис.

— Алана и Играсу перенесли под навес, к колодцу. Лантис с ними. Ни один пока не очнулся. Лошадей проверили — ни одной живой.

— Я их только выиграл, — негромко сказал подошедший Лантис.

Даргин повернулся к нему.

— Тебя сейчас ебут лошади?

— Они были хорошие.

Лантис посмотрел в окно. Спорить с ним никто не стал.

Отец провёл ладонью по столу, расчистил место среди пыли.

— Повозки пока не трогаем. Всё необходимое несём сюда. Оружие, одежду, инструменты. Припасы тоже — потом разберёмся, что нам нужно.

— Сиг, — начал Даргин, — мы, кажется, тоже сдохли.

— Мы пока ходим. Лошади — нет.

Даргин помолчал.

— Лантис, проверь стены и нижний этаж. Крупные проломы закрой землёй. Братьев возьми с собой.

Ворик забрал у Варика молот, сунул ему свёрток с инструментами. Тот хотел возразить, но посмотрел на брата и первым пошёл к двери.

— С Аланом и Играсой кто-нибудь остаётся постоянно, — добавил Сигил. — Если начнут двигаться, сначала говорите. Не хватайтесь за оружие.

Френсис кивнул.

— Мы с Амером проверим купцов ещё раз.

— Всех. Найдёте хоть одного живого — сразу к Хлое.

Амер ждал в дверях. Они с Френсисом ушли в коридор, стараясь не задевать лежащих у прохода.

Сигил повернулся к Виктору.

— Что нам нужно, чтобы разобраться?

Маг подошёл к столу. Руна на цепочке качнулась и стукнула по груди. Он остановил её ладонью.

— Для начала не считать, что перед нами обычная поднятая нежить.

— Мы скелеты, — заметил Даргин.

— Заметил. Но у нас сохранились память, воля, магия. Эдварду вернулась рука, которой уже не было. Ни одно знакомое мне описание не подходит.

Он убрал руны под одежду. Цепочка лежала неровно, и Виктор долго поправлял её, прежде чем продолжить.

— Нужны труды о привязке души к телу. О проклятиях. Сохранении сознания после смерти. Ритуальной магии.

— Ещё?

Виктор посмотрел на Хлою.

— Древняя некромантия.

— Эти книги уничтожали, — сказала она.

— Официально. В частных коллекциях, закрытых библиотеках, храмовых хранилищах могли остаться копии. Нужны старые работы, желательно до падения Великой Империи. И не только о мертвецах.

— О чём ещё?

— О природе маны. О местах, где её слишком много. Особенно если там погибало много людей.

Я повернулся к окну. Сквозь ветку розы была видна часть склона и неподвижные повозки. Цветы снова качались так же, как до темноты.

— Холмы, — сказал я. — Ты говорил, после битвы земля изменилась. Может, поэтому он ждал, пока мы сюда приедем?

Виктор подошёл ближе.

— Возможно. Здесь уже был высокий фон. Его могли использовать.

— Или это место когда-то стало таким же способом?

— Тоже возможно, Эд. Пока мы не знаем, что именно произошло.

Он не стал придумывать ответ. Это пугало сильнее, чем если бы начал говорить непонятными словами: раньше я всегда мог спросить ещё раз, заставить объяснить проще. Сейчас объяснения не было и у него.

Сигил подвинул к столу табурет.

— Запишешь всё, что стоит искать. И то, что помнишь, и то, о чём нужно спросить. Даже если не уверен, сохранилась книга или нет.

Виктор оглянулся в поисках бумаги.

— У купцов были книги учёта, — сказал Стелфи.

Несколько мгновений никто не двинулся. Отец окликнул Амера, ещё не успевшего уйти далеко, и попросил принести чистые листы и чернила.

— Поищу, — ответил тот.

Я следил, как он обходит тело в дверях. Утром мы должны были охранять этих людей до юга. Теперь искали в их вещах то, что поможет нам понять, почему сами ещё можем ходить.

— Я зажёг ему огонь, — сказал я.

Хлоя обернулась.

— Он попросил, и я зажёг. Там была чаша, камни... Я видел его книгу. Мог хотя бы спросить Виктора.

Сигил стоял по другую сторону стола. Его лицо больше ничего не выражало, и от этого ждать ответа было труднее.

— Ты не мог знать, — сказал он.

— Но если это был ритуал...

— Мы ещё не знаем, что он сделал.

Виктор положил ладонь на край стола рядом со мной.

— Вспомни всё, что видел. Как лежали камни, что было в чаше. Запишем отдельно. Догадками пробелы не заполняй.

Я кивнул. Помнил три раскрытых свёртка. Или четыре? Плоский камень у края чаши, на котором стоял фонарь. Остальное уже путалось. Вчера я больше смотрел на огонь, чем на то, что его окружало.

Отец подтянул второй табурет.

— Виктор составляет список. Я пишу письма.

— Кому? — спросила Элиза.

— Тем, кто сможет достать книги и не побежит к чистильщикам после первого вопроса.

— Думаешь, захотят нам помогать?

— Не обязательно сразу рассказывать, как мы выглядим.

Я посмотрел на его руки.

— А отправим как?

— Сначала напишем. Потом решим.

Из-за стены донёсся стук молотка. Лантис что-то сказал близнецам; Ворик громко объяснил, почему так делать нельзя. В обычное утро отец уже вмешался бы. Сейчас подождал, пока голоса стихнут, и позвал оставшихся ближе.

— Ещё одно. К дорогам не подходить. Увидите людей — не показываться. За пределы холмов без моего разрешения никто не уходит.

— А то ещё испугаются, — буркнул Даргин.

— Они попытаются нас убить.

Я вспомнил первый скелет среди роз. Как попятился от него, ещё не понимая, кто лежит передо мной. Найди я саблю раньше, мог бы ударить, не услышав знакомого голоса.

Даргин больше ничего не добавил.

Пока ждали бумагу, Хлоя подошла к окну. Поднесла руку к лицу, потом опустила: поправлять волосы было нечего. Я встал рядом. Розовая ветка стучала по краю рамы. Солнце освещало половину её черепа, и от этого чужой облик казался ещё отчётливее.

Она чуть наклонила голову. Я знал это движение: так она делала, когда собиралась спросить о боли и заранее понимала, что я попытаюсь соврать.

— О чём думаешь?

— Утром собирался в академию.

Хлоя посмотрела на меня.

— Я помню.

— Я не передумал.

Сказать это оказалось легко. Продолжить — гораздо труднее. Не знал даже, что просить вернуть: тело, жизнь, то утро, которое ещё не успело закончиться.

— Если мы выберемся... Если можно стать прежними, я всё равно хочу поехать.

Она некоторое время молчала.

— Тогда поедem.

Я потянулся к ней. Хлоя взяла мою руку, и я заметил, что она снова проверила пальцем карман с заколкой.

Мы остались у окна. В коридоре слышались шаги Френсиса и Амера. Хлоя каждый раз поворачивала голову, когда они останавливались. Я тоже прислушивался: вдруг позовут целительницу.

Не позвали.

Они вошли вдвоём. Френсис положил на стол листы; на нижнем виднелись столбики цифр. Амер принёс чернильницу и несколько перьев.

— Все мертвы, — сказал Френсис.

Хлоя медленно отпустила мою ладонь. Я только теперь понял, что до последнего ждал другого ответа.

Виктор сел. Придвинул чистый лист, попробовал взять перо. Оно повернулось между пальцами; пришлось упереть его в сгиб фаланги и наклонить иначе. На бумаге появилась первая строка, непривычно крупная и неровная.

Сигил взял второй лист. Некоторое время смотрел на него, затем обмакнул перо. На край упала клякса. Он подождал, перевернул бумагу и начал заново.

Я стоял рядом. Френсис вернулся к двери, чтобы видеть двор. Даргин проверял топор. В соседнем помещении спорили близнецы; Стелфи велел им не шуметь и сам сразу заговорил громче обоих. Дуглас не уходил от навеса, где лежали Алан и Играса.

На слух я мог сказать, кто где находится. Даже не глядя, знал, кто сейчас возразит, кто выругается, кто промолчит. Только смотреть на них всё ещё было страшно.

— У кого будешь просить помощи? — спросил я.

Отец закончил строку и положил перо.

— Некоторым людям, — сказал он, — придётся вернуть мне старые долги.

Глава 10 После Смерти

К тому времени, как отец сложил третье письмо, солнечная полоса на столе добралась до чернильницы. Сигил писал медленнее обычного. Несколько раз перо поворачивалось между костяными пальцами, и ему приходилось перехватывать его, прижимая к сгибу фаланги. На указательном пальце чернело пятно; отец вытер его о тряпку и перечитал последнюю строку.

— Принесите клетку с птицей.

Я хотел напомнить о лошадях, но промолчал. Может, хотя бы ястреба не задело.

Лантис принёс клетку из повозки и осторожно поставил на край стола. Обычно птица встречала такое обращение хлопаньем крыльев и злым криком. Теперь качнулось только кольцо над дверцей.

Ястреб лежал на боку. Одна лапа зацепилась за прутья, на другой тускло блестела серебряная метка. Перед отправкой её заряжали маной, настраивали на адресата, и птица находила дорогу. Я привык, что достаточно написать несколько строк, свернуть лист — и через несколько дней придёт ответ. Ни разу не думал, что всё это зависит от маленькой лапы, которую сейчас пришлось освобождать от прутьев.

Отец положил перо. Некоторое время смотрел на клетку, потом придвинул к себе письма.

— Значит, пойдём сами.

— Пешком? — спросил Даргин.

За его спиной, в открытых дверях, виднелись неподвижные повозки. На оглобле висел оборванный ремень. Одну из выигранных Лантисом лошадей ещё не оттащили от колеса; под её шеей темнели примятые розы.

Сигил достал из сумки свёрток и развернул ткань. Внутри лежал тёмный камень с тонкими рунами. Наклонившись, я различил линии, уходившие с одной грани на другую.

— До графа доберёмся. Сейчас идти больше не к кому, я достаточно хорошо знаю Бонтина он поверит мне.

— Для начала хорошо бы объяснить ему, куда делся караван. — Сказал Виктор

Отец посмотрел в дверной проём. Из соседнего зала доносились шаги: там ещё переносили тела купцов, освобождая проход.

— Этот проб отработаем.

Я провёл большим пальцем по костяшкам левой руки.

— Хорошо. Эдвард, я, Виктор и Хлоя пойдем к графу.

— Можно вернуться туда, где война, — сказал я. — У отступающих частей коней хватает. В таком бардаке ещё поди разбери, кто у кого украл.

— До них тоже надо дойти, — ответил Виктор.

— И не привести погоню сюда, — добавил отец. — В ближайшие деревни за лошадьми не суёмся. Слухи о нежити разползутся быстрее нас. Следом придут охотники, наёмники или рыцари, которые хотят совершить подвиг для какой-

-нибудь благородной бабы.

— На западе Вольных земель можно попробовать купить, — сказал Лантис. — Там на покупателя не очень смотрят, если он платит.

— Ахуительная идея, картёжник, — просить лошадей у беглых крестьян и всякого сброда, которые режут друг друга за сапоги.

Сигил потянулся к следующему листу, когда со двора донеслось:

— А ну отъебись от меня!

Даргин поднялся первым. Стул заскреб по плитам.

— О. А вот и хорошие новости.

Играса пятилась от колодца, выставив перед собой короткий меч. Полотно, которым её укрыли, сбилось к ногам; костяной хвост задел ведро, и оно покатилося по двору. Амер стоял сбоку с поднятыми руками и что-то пытался втолковать ей. Она не слушала.

Возле колодезного сруба замер Алан. Одна рука лежала на потемневшем дереве, другая застыла перед ним — он явно потянулся помочь и теперь не знал, стоит ли двигаться. Я привык к его белой шерсти, голубым глазам, широкой звериной морде. Из-под капюшона выступал вытянутый хищный череп. Клыки остались на месте, изогнутые когти царапали край сруба.

— Играса, убери меч.

Она остановилась.

— Алан?..

— Нет блядь, арконит-нежить.

— Ты подошёл ко мне, пока я лежала!

— Я проверял, жива ли ты.

— Отлично проверил! Открываю глаза, а надо мной скалится мёртвый арконит!

Алан сомкнул челюсти.

— Я больше не могу не скалиться.

Даргин заржал. От звука Играса повернулась к нему, потом посмотрела на собственную руку. Меч дрогнул сильнее.

Амер осторожно отвёл остриё в сторону.

Он показал ей ладонь. Играса долго сравнивала его пальцы со своими, прежде чем позволила забрать оружие. Дуглас поднял ведро и отставил к стене. Никто больше не смеялся.

Отец подошёл ближе.

— Играса. Помнишь, что готовила мне, когда вернулись из последнего похода?

Она не сразу подняла голову.

— Оленя по-имперски. С пшённой кашей и овощным соусом. Ты ещё ругался, что мяса мало.

— Значит, помнишь. Алан, в чьей сумке тебя нашли?

— Даргина.

— И что ты с ней сделал?

Алан повернулся к южанину.

— Обоссал. И съел мясо.

— Всё мясо, — уточнил Даргин.

Он стоял совсем рядом с Аланом. Пока тот отвечал, поправил ему край капюшона, зацепившийся за плечевую кость, и убрал руку.

— Оба внутрь, — сказал Сигил.

Алан протянул Играсе ладонь. На этот раз она взялась за неё и переступила через сбившееся полотно.

У стола снова пришлось потесниться. Отец коротко пересказал, что мы успели выяснить. Играса слушала, держа руку на рёбрах; пальцы время от времени уходили между ними, задерживались и возвращались на ткань. Алан стоял возле Даргина, но при упоминании западных поселений шагнул ближе к столу.

— Не надо на запад. Пойдём в Великий арконевый лес. Там есть лошади. И обученные птицы для связи с соседними землями. Если старшие выслушают, договоримся.

— А выслушают ли? — спросил Виктор.

Алан коснулся когтем вытянутой скулы.

— Они узнают, что я арконит.

Элиза придвинула ему стул. Алан поблагодарил, но остался стоять.

— Своих у нас в беде не бросают. Не обещаю, что подарят девять коней. Но я хотя бы выслушают.

Сигил несколько раз постучал костяшками по краю стола.

— Хорошо. Алан, Даргин, Элиза — идёте в лес. Если не дадут, попробуйте хотя бы купить.

— А Элиза зачем? — спросил Даргин.

— Если придётся торговаться, лучше пусть говорит она. После твоих переговоров может остаться не у кого покупать.

— Обидно.

— Зато справедливо, — сказала Элиза.

Дуглас оставался за старшего в замке. Нужно было закрыть дыры в крыше, привести в порядок двери и расчистить двор. Стелфи, нарежь камни переноса. Сколько сможешь — чем больше, тем лучше.

— Сделаю.

Отец кивнул.

— Выходим после заката. Лишние глаза нам ни к чему.

Стелфи забрал свой свёрток с инструментами. Играса поднялась следом и на ходу забрала у Амера меч. Уже в дверях остановилась, проверила, вошёл ли клинок в ножны, и только потом двинулась к припасам.

Наверх я пошёл за вещами, хотя торопиться было некуда. В коридоре стало светлее: солнце прошло к выбитым окнам, и длинные прямоугольники лежали поперёк плит. В одном дрожала тень розовой ветки. Я переступил через неё, слыша, как сапоги отзываются под пустыми сводами.

В маленькой комнате всё оставалось почти как утром. Спальники у стены, вещи возле очага, кружка с розами. Один цветок склонился к краю, осыпав на пол несколько тёмных лепестков. Угли давно погасли. Я остановился на пороге, вспоминая, как щипало глаза, когда вчера дым не шёл в трубу. Теперь от очага тянулась та же чёрная полоса, но запаха я не чувствовал.

— Фрин?

Я отодвинул сумку, приподнял край спальника. Проверил пространство между свёртками и стеной, хотя уже боялся найти там маленькое неподвижное тело. Потом запасной сапог качнулся.

Из голенища показалась костяная лапа. Когти зацепились за край, из сапога выбрался Фрин и потянулся, высоко выгнув спину. Тонкие рёбра разошлись под позвоночником; длинный хвост из позвонков поднялся почти отвесно. Кот повернул ко мне голый череп.

Я опустился на колени.

— Вот ты где.

Он подошёл без всякой осторожности, ткнулся лбом в голень и начал выписывать знакомые восьмёрки. Я повёл пальцами вдоль его спины. Фрин выгнулся, прошёл под ладонью и вернулся, требуя повторить.

— Я думал ты умер, друг.

Кот поставил лапы мне на колено. Я подхватил его, сел на спальник и устроил поперёк ног. Он потоптался, зацепился когтем за складку плаща, сердито потряс лапой и наконец улёгся. Почти невесомый по сравнению с тем тёплым нахалом, который ещё недавно мешал мне дышать.

— Да, приятель. Не повезло тебе с хозяином.

Фрин толкнул ладонь черепом: я опять перестал его гладить. Пришлось продолжить.

За этим нас и застала Хлоя. Она остановилась у двери, потом опустилась рядом.

— Он тоже?..

— Как видишь.

Кот вытянул к ней шею. Хлоя поднесла пальцы к тому месту, где прежде было ухо, задержалась и стала гладить затылок. Фрин сразу повернулся удобнее.

Она прислонилась ко мне плечом. Я видел её руку на коте, слышал, как ткань задевает камень. Хотелось устроиться ближе, чтобы наконец стало так же, как ночью. Я подвинулся. Наши плечи соприкоснулись, но теплее не стало.

Фрин начал сползать с коленей. Я придержал его левой рукой и заметил это только тогда, когда Хлоя посмотрела на мои пальцы.

— Я сегодня несколько раз забывал, — сказал я.

— Что?

— Что её не было.

Я разжал ладонь. Кот зашевелился, и пришлось придержать его снова.

— Беру что-нибудь, держу двумя руками. А потом вспоминаю, что утром не мог.

Хлоя провела пальцем вдоль моего запястья. Так она проверяла руку после занятий — только теперь ни кожи, ни пульса под её пальцами не было.

— Я рада, что она у тебя снова есть.

Я хотел ответить, но она продолжила:

— Только кости, хотелось бы и плоть.

За окном качнулась ветка. На миг стало видно небо, потом листья снова закрыли щель. Я посмотрел на кружку с розами.

Она убрала ладонь с моего запястья и положила Фрину на голову. Я некоторое время следил, как он подставляет ей то один, то другой бок черепа.

— Ещё утром думала, как будем жить в городе, — сказала Хлоя. — Где я найду работу, пока ты учишься.

— Все планы пошли по одному месту. Сказал я

Она не отодвинулась. Фрин вытянул передние лапы через мои колени и задел когтем её рукав.

Я мог снова пообещать академию, дом, всё то, о чём мы говорили утром. Но сейчас даже за письмами предстояло идти самим, потому что птица умерла.

— Когда доберёмся до книг, будем читать всё, что даст Виктор, — сказал я. — Даже если опять ничего не поймём.

— Ты половину книг о магии пролистывал до рисунков.

— В этот раз дочитаю.

Хлоя чуть сильнее прислонилась ко мне.

— Надеюсь мы найдём ответы.

Мы посидели ещё немного. Потом снизу донёсся голос Играсы: она требовала помочь с мешками. Хлоя поднялась первой. Я поставил Фрина на пол; он обошёл спальник, забрался обратно в сапог и высунул из голенища лапу.

— Останешься за старшего, — сказал я.

Лапа исчезла. Я прикрыл дверь, оставив ему щель.

Играса раскладывала сухари по дорожным сумкам. Рядом лежали мешочки с крупой и завернутое в ткань мясо. Она уже выстроила три примерно одинаковые кучки и теперь перекладывала куски, добываясь, чтобы никому не досталось меньше.

— А нахуя оно нам теперь? — спросил Даргин с перевёрнутой бочки.

Играса остановилась с сухарём в руке.

— Что?

— Полдня прошло, а я жрать не хочу. Раньше бы за это время кабана сожрал.

Я посмотрел на разложенную еду. Помнил солёный вкус мяса, сухие крошки, которые приходилось запивать из фляги. С утра я ни разу не подумал о воде. Даже глядя на неё сейчас, не хотелось пить.

Даргин медленно выпрямился.

— Погодите. Это же охуенно. А если мы ещё и не устаём? Всю ночь идёшь, утром сразу в драку. Ни привала, ни жратвы. Вы представляете?

Все молчали, но Даргин, похоже, решил, что это ещё не повод останавливаться.

— Завидуете моему оптимизму?

— Удивляемся, что даже после смерти ты остался таким же быдлом, — сказала Элиза.

Во дворе Варик с Вориком раскладывали доспехи на снятой с повозки доске. Ворик сидел перед раскрытой кирасой, держа в зубах шило; брат перебирал ремни. На камнях у их ног лежала медная заклёпка. Варик дважды пытался подцепить её кончиками пальцев, потом сдвинул её краем пальца к щели между плитами и подхватил снизу.

— Кто уходит сегодня — сюда, — позвал Ворик, вынув шило. — Лучше сейчас выясним, что на вас держится. Френсис, подойди.

Он протянул наставнику кирасу. Френсис надел её, затянул ремни до последней дырки и повернулся боком. Металл съехал, ударив нижним краем по тазу.

— Как хуй в ведре, — сообщил Варик.

Френсис подхватил пластину.

— Вижу.

Ворик просунул ладонь в зазор между металлом и рёбрами.

— Всё, что было на нас при превращении, держится. Ремень должен проваливаться, сапог — болтаться. Штаны Даргина вообще обязаны лежать на земле.

— К счастью, не лежат, — сказала Элиза.

— А новую вещь надеваешь — вот такая херня.

Я повернул на запястье браслет Стелфи. Ободок свободно двигался вокруг кости, но дальше определённого места не соскальзывал. Под ним хватило бы места ещё для нескольких пальцев. Я придержал застёжку, потянул осторожнее. Браслет остался там же.

Ворик смотрел на кирасу.

— Мне теперь всему отряду заново броню подгонять. И как? Между рёбрами ремни пропускать?

— Ты подумай, — сказал Френсис, расстёгивая ремни. — А мы не будем мешать великому мастеру.

— Идите ка вы нахуй, ребята.

Он положил кирасу на доску, примерил к ней короткий ремень. Варик уже потянулся за другим.

Хлоя осталась возле них, проверяя застёжки на сумке и одежде. Френсис кивнул мне на свободную часть двора.

— С двумя клинками уже пробовал?

— Ещё нет.

— Тогда давай.

Френсис достал два старых тренировочных меча. На затупленных лезвиях белели свежие зарубки, обмотка давно потемнела. Один он бросил мне рукоятью вперёд.

Я поймал его левой рукой.

Френсис заметил.

— Рука на месте. Значит, Восточный Дракон ждать не будет. Кинжал бери. Он у тебя боевой, так что смотри не поранься о собственное мастерство.

Я переложил меч в правую ладонь, левой вынул кинжал. Подержал перед собой оба клинка. Ещё вчера приходилось выбирать, за что хвататься, прижимать ножны локтем, просить кого-нибудь подержать ремень. Сейчас обе рукояти лежали в руках, и я никак не мог перестать на них смотреть.

— На меня, Эд.

Я поднял голову.

Первый выпад вышел слишком длинным. Сапог оказался за нужной точкой прежде, чем я успел вернуть меч. Френсис отвёл его и ткнул в грудь. Я развернулся, пытаюсь закрыться кинжалом, но тот задел мою же гарду.

— Ещё раз.

Во второй попытке меня снова понесло вперёд. Наставник остановился, переставил ногу и несколько раз качнулся с пятки на носок.

— Легче стали, — сказал он. — А шагаем по старой привычке. Короче, Эд. Ты это уже делал.

Мы начали медленнее. Я ставил ногу, посылал меч вперёд и возвращал его, пока левая рука удерживала закрытой другую сторону. Кинжал то уходил слишком далеко, то оставался возле груди, когда уже требовался удар. Френсис останавливал, показывал, начинал снова.

Потом подсказки прекратились.

Я ударил справа, отвёл его клинок и сменил угол. Наставник не попался на финт, но отступил на полшага. Обычно в это время он уже успевал объяснить, где меня убили бы. Сейчас следил за левой рукой.

Мы разошлись.

— С огнём можно? — спросил я, чуть приподняв кинжал.

Френсис посмотрел на площадку за своей спиной.

— Один короткий. Не забывай, что второй клинок тоже у тебя.

На следующем сближении я пропустил немного маны через руну. Вдоль стального лезвия дрогнуло пламя. Я подал кинжал вперёд, и Френсис сразу ушёл с линии. Мне захотелось повторить: я видел, как он следит за оружием, как перестраивает шаг, а не просто ждёт очередной моей ошибки.

Меч вылетел из правой ладони. Плоская сторона чужого клинка стукнула по рёбрам.

— Не улыбайся раньше времени.

— У меня нет губ.

— Тем более. Выглядишь ещё глупее.

Я погасил огонь и пошёл за мечом. Лезвие лежало в тени, между двух примятых листьев. Подняв его, я провёл пальцем по обмотке. Раньше после таких обменов кожа рукояти становилась влажной, скользила в ладони. Теперь на ней темнели только старые пятна.

Мы продолжили без магии. Я пробовал короткие уколы, смену дистанции, то, чему Френсис учил меня все эти дни. Возвращение руки ничего не отменило: стоило вложиться в широкий замах, как снова открывался бок. Приходилось собирать движение заново, уже с двумя клинками.

Тень от галереи медленно перешла через двор. Руки не наливались тяжестью, ноги не горели после выпадов. Я мог повторять один и тот же шаг, не останавливаясь перевести дыхание. Но постепенно перестал замечать очевидные обманки, дважды подряд начал не с того удара. Френсис выбил кинжал и опустил меч.

— Хватит. Голова уже не поспевает за руками.

Один раз мы разошлись без явного победителя. Во все остальные он меня сделал. Только теперь хотя бы не между зевками.

Я вернул тренировочный меч, убрал кинжал. На другом конце двора близнецы всё ещё работали с доспехами, а мешки с едой уже исчезли. Хлоя ушла. Хотелось найти её, показать, как получается соединить старые движения с новыми.

Вместо этого я заметил Виктора. Он сидел на низком каменном бортике, держа раскрытую ладонь над коленом. Между пальцами появлялась и исчезала едва заметная воздушная рябь.

— Дума думаешь?

Виктор не сразу поднял голову. Над его рукой дрогнул воздух, потом снова стал прозрачным.

— Эдвард, ты чувствуешь, что с твоей маной что-то изменилось?

Я вытянул ладонь. Мана отозвалась привычно. Язык пламени поднялся между пальцами, вытянулся и рассыпался искрами.

— Вроде всё так же.

— Я тоже начал с этого. Потом попробовал преобразовывать больше.

Виктор расправил на колене сбившуюся ткань. На костях не осталось ни следа от того, чем он занимался.

— Магия ветра выражала свои штрафы в основном разрушая внутренние органы начиная с лёгких. Чуть перебрал — уже знаешь, что пора остановиться. Боль, кровь, нехватка воздуха. Сколько я теперь могу преобразовать, пока тело не выйдет на предел и есть ли он вообще?

— Значит, предела нет?

— Значит, я пока его не нашёл.

Он поднялся.

— Пойдём к розарию. Здесь слишком близко стены.

— Что ты собрался делать?

— Проверить кое-что

Мы обогнули разрушенную галерею. За ней открывалась площадка, выложенная потрескавшимся камнем. Розы заняли края, протянули ветки через осыпавшийся бортик, но середина оставалась свободной. Из общего двора сюда долетали удары молотка; люди за колоннами почти не были видны.

— Когда я учился в академии, к нам привезли один свиток, — сказал Виктор. — Ученикам читать запрещали.

— И ты, конечно, прочитал.

— Разумеется

Он остановился, посмотрел на открытое пространство между кустами.

— Великое заклинание шестого класса. Ветряной шторм. Первая фаза — воронка, основа будущего торнадо. Я тогда запомнил структуру, но даже пробовать не стал. Тело бы не выдержало. Да и контроля нужно столько, что потребовались бы десятки лет практики.

— А сейчас научился?

— Нет. Поэтому только первая фаза.

Я задержался у колонны. Виктор уже шагнул на площадку, но обернулся.

— Если что-то пойдёт не так, дай мне в лоб. Как я давал тебе, когда ты терял контроль. Только не жди слишком долго.

Он снова посмотрел на площадку. Так Виктор наклонял голову над страницей, в которой находил что-нибудь непонятное. Обычно после этого позвать его ужинать с первого раза не удавалось.

— Хочешь попробовать просто потому, что можешь?

— Хочу узнать, могу ли.

Сначала дрогнули листья у его сапог. По камню потянулись тонкие полосы пыли, сошлись, закрутились вокруг ног. Нижний край плаща поднялся. Виктор развёл руки, и ближайший розовый куст пригнулся к площадке.

Я заметил ветер по натяжению ткани на плечах. Я больше не чувствовал холода, не пытался спрятать шею за воротом. Только плащ тянуло всё сильнее и ветки скреблись друг о друга.

С кустов сорвались лепестки. Несколько красных пятен пронеслось перед Виктором и исчезло за его спиной. Следом поднялись сухие листья, песок, мелкие щепки. Над площадкой

вытянулась узкая вращающаяся колонна. В нижней части она казалась сплошной, бурой от пыли; выше в ней мелькали разрозненные лепестки, то взлетая, то падая обратно.

Виктор стоял неподвижно, широко разведя пальцы. У него получалось.

Я подался вперёд. Хотелось разглядеть, как он удерживает середину воронки, где замыкается поток. Ещё немного — и станет ясно, насколько далеко можно зайти теперь, пока тело не заставит остановиться.

Из-под стены поднялся камешек. Описал круг и с треском ударился о колонну возле меня.

— Виктор, хватит!

Он не ответил. Воздух ревел всё громче. На его грудной клетке проступила тонкая серая линия. Я принял её за тень от складки одежды, пока она не поползла дальше, поперёк кости.

Трещина.

Я всё ещё стоял. Он ведь должен был заметить. Сейчас опустит руки, отпустит заклинание — столько раз объяснял мне, как важно остановиться раньше, чем станет поздно.

Правое ребро дёрнулось. Сквозь вой пробился сухой щелчок.

— Виктор!

Я двинулся к нему, прикрывая голову левой рукой. Под сапогами покатился мелкий камень. Плащ рвануло в сторону, развернуло меня плечом вперёд; пришлось упереться ногой в трещину между плитами, чтобы не потерять равновесие.

Виктор был в нескольких шагах. Я видел его пальцы, руны на амулете, разошедшуюся линию на ребре — и никак не мог добраться. Что-то ударило по предплечью. Я пригнулся ещё ниже, шагнул боком и вытянул правую руку.

Он повернул ко мне голову. Руки остались поднятыми.

Я вцепился правой рукой в его одежду, подтянулся ближе и ударил левым кулаком по черепу.

Виктор рухнул на камни. Воронка вздрогнула, распалась; по площадке прокатился последний порыв. Листья и пыль ещё кружились над нами, потом начали осыпаться. По плитам застучали мелкие камни.

Последним упал сорванный бутон розы.

Я разжал пальцы. В кулаке остался обрывок ткани.

— Ты что, совсем?

Виктор приподнялся на локте. Попытался сесть, но сначала посмотрел на собственные рёбра.

— Ты слышал меня? — спросил я.

— Слышал.

— Я сказал остановиться.

— Я пытался.

Я ждал продолжения. За спиной снова стало слышно людей во дворе. После рёва ветра их голоса казались слишком далёкими.

— Удержать поток получилось, — сказал Виктор. — Отпустить — нет. Стоило начать убирать ману, воронка теряла форму. Я возвращал поток. Потом снова пробовал. И снова...

Он замолчал. Я проследил за его взглядом.

Края трещины едва заметно шевельнулись. Линия начала стягиваться — медленно, от одного края к другому. Виктор поднёс пальцы, задержал их возле повреждения. Серая полоса стала короче.

— Значит, предел всё-таки есть, — сказал Виктор.

Рядом с первой трещиной затягивалась другая, совсем тонкая. Раньше он узнал бы о перегрузке по боли в лёгких. Сейчас услышал о ней от меня — когда я наконец решился крикнуть.

— Ещё раз? — спросил я.

Виктор поднял голову.

— Нет.

Я помог ему встать. Он оглядел примятые кусты, камни у колонны и мою руку, за которую всё ещё держался.

— Хорошо, что ты был рядом.

Я хотел сказать, что для этого он меня и позвал. Вместо этого вспомнил, как стоял и ждал. Мне ведь тоже хотелось посмотреть, что будет дальше.

На ребре оставалась тонкая серая полоса. Я отпустил его руку, и мы пошли к галерее. Под ногами лежали розовые лепестки, сбитые в мокрые комки.

Когда мы вернулись, солнце уже скрылось за стеной. В верхних окнах ещё держался свет, а во дворе между повозками синела тень. Отряд собирался расходиться: у ворот лежали дорожные сумки, возле лестницы стояло оружие. На этот раз никто не проверял подпруги и не звал подвести лошадей.

Стелфи сидел перед плоской плитой, закрепив в зажиме тёмный камень. У края лежали резцы и сложенная тряпка. Он повернул минерал к лампе и медленно довёл последнюю линию до соседней руны. Бледный свет прошёл по узору, задержался на грани и погас внутри.

— Готово.

Он протянул камень отцу. Сигил принял его обеими ладонями; мы с Хлоей и Виктором встали рядом и начали наполнять маной.

Тусклые линии проступили снова. Постепенно свет стал ярче, лёг на костяные пальцы отца, высветил запястья. Виктор подавал ману понемногу. Я следил за ним чаще, чем за камнем. Он заметил и коротко кивнул, но ничего не сказал.

Элиза затянула ремень дорожной сумки. Алан стоял возле неё, надвинув капюшон на вытянутый череп. Из-под края всё равно выступали клыки.

— Мы выйдем сразу после вас, — сказала Элиза.

Отец кивнул.

— Даргин, не проебись.

— Всё будет в ажуре, Сиг.

Дуглас ждал у двери. Сигил ещё раз оглядел двор, убедился, что все на месте, и достал камень Орлано.

— У графа сначала говорю я. Оружие без команды не доставать. Нам нужно, чтобы нас выслушали.

Виктор поправил одежду на груди. Прежде чем ткань закрыла рёбра, я успел увидеть: серой полосы больше не было.

Я посмотрел на свой кулак. Ударил его со всей силы. У живого человека после такого мог проломиться череп; у Виктора даже следа не осталось. Я убрал ладонь с рукояти сабли.

Хлоя встала рядом. Её сумка задела мою, и мы чуть разошлись, давая друг другу место. На ступенях появился Фрин. Он спустился на одну ступеньку, сел и принялся дёргать костяным хвостом, наблюдая за приготовлениями.

— Готовы? — спросил отец.

Я кивнул.

На рунах зажёгся свет. Мы придвинулись ближе. Я успел увидеть Даргина, поднявшего руку в прощальном жесте, и Алана возле ворот; за ними темнела дорога между розами. Пространство дрогнуло. Стены растянулись в серую полосу; на мгновение я перестал понимать, где верх, где низ. А затем Холмы Роз исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.